

ISSN 0204-3432

ЖИВАЯ СТАРИНА

1' 95

Журнал о русском фольклоре
и традиционной культуре

Софья Неска
Чубакова

Как и всякая синкетическая традиция, современный городской фольклор не существует в виде чистого репертуара текстов. Семиотический ансамбль "низовых", официально несанкционированных культур включает орнаментику и содержимое рукописных альбомов, символику тюремных поделок (четки, шахматы, платки и пр.), настенных граффити и татуировок, одежды и прически, украшений и жестов, "арготизированные" формы речи, "посвятительные" обряды, практикуемые у уголовников, подростков, солдат срочной службы и т.п., - от всего этого контекста устная словесность неотделима, будучи одним явлением параллельна, другим синонимична, а с третьими составляя нерасторжимые комплексы.

С.Ю. Неклюдов. *После фольклора*

ЖИВАЯ СТАРИНА

1' 95

Журнал о русском фольклоре
и традиционной культуре

Учредители: Министерство культуры
Российской Федерации и Государственный
республиканский центр русского фольклора

Главный редактор Н.И. Толстой

Редколлегия:
Л.Н. Виноградова
В.М. Гацак
А.А. Горелов
В.Е. Гусев
М.А. Енговатова
А.С. Каргин (зам. главного редактора)
С.Ю. Неклюдов
М.А. Некрасова
Б.Н. Путилов
С.М. Толстая
А.В. Чернецов

Секретарь редколлегии С.П. Бушкевич
Научный редактор Е.Л. Чеканова
Зав. редакцией М.А. Ковалева
Художественный редактор И.К. Дергунова
Фотоработы Е.М. Рогов

Журнал зарегистрирован в Министерстве
печати и информации Российской
Федерации. Свидетельство № 01827
от 30 ноября 1992 г.

Адрес редакции: 119034, Москва,
Кропоткинский пер., 10. Тел. 246-84-17,
факс 246-33-89.

Подписано в печать .02.95. Формат
60x90 1/8. Печать офсетная. Бумага
Гознак. Усл. печ. л. 8,0. Тираж 3000 экз.
Заказ №176

Компьютерная верстка НПП "Фрегат"
Шрифт, набор и верстка с. 31-39 М.Н. Толстая

Отпечатано в ИПК "Московская правда",
ул. 1905 г., 7

Рукописи не рецензируются и не
возвращаются. При перепечатке
ссылка на журнал обязательна.

Журнал можно приобрести (оптом и в
розницу) по адресу: Москва,
Лаврушинский пер., 15. Государственный
республиканский центр русского фольклора.

© «Живая Старина»
© Российский этнографический музей

Редколлегия благодарит А.Ф. Белоусова и
М.Л. Лурье за участие в подготовке номера

На 1 стр. обложки — Свадебная пляска.
Из этнографического цикла "Свадьба в
с. Подпорожнем Белгородской области".
Л.Н. Барбарин (1896–1993). Первая публикация
цикла белгородского художника-
самородка будет осуществлена в последующих номерах "Живой Старины".

Журнал основан в 1890 г.
Возобновлен в 1994 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМЫ НАШИХ ДНЕЙ

<i>С.Ю. Неклюдов.</i> После фольклора	2
<i>Д.К. Равинский, Н.А. Синдаловский.</i> Современные городские легенды: Петербург	5
<i>Майкл Джекобсон, Джон Шерер.</i> Песни советских заключенных как исторический источник	9
<i>К.Э. Шумов, С.В. Кучевасов.</i> Розы гибнут на морозе, малолетки — в лагерях. Рукописные тетради из камеры малолетних преступников	11
<i>А.Ф. Белоусов.</i> Анекдоты о Штирлице	16
<i>В.С. Бахтин.</i> Из городского песенного репертуара 1920–30 гг.	19
<i>В.Ф. Лурье.</i> Памятник в текстах современной городской культуры	21
<i>Ю.М. Киселева.</i> Магия и поверья в московском медучилище	23

КУЛЬТУРНЫЕ ЗАПОВЕДНИКИ

<i>А.Н. Сучков.</i> Национальный парк в районе Кенозера	24
---	----

РИТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>И.А. Морозов, И.С. Слепцова.</i> "Доение коровушки" (из истории одной народной забавы)	26
--	----

РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Н.Н. Покровский.</i> Рукопись сибирских старообрядцев на бересте	28
<i>Л.В. Титова.</i> Духовные стихи в берестяной книге Афанасия Герасимова	40
<i>Е. Кулешов, А. Тарабукина.</i> Современный "прицерковный" круг: рукописные тексты	42

ГОРОДСКАЯ ЯРМАРОЧНАЯ КУЛЬТУРА

<i>А.Ф. Некрылова.</i> "Служители уличных муз"	46
<i>А. Шепелева.</i> Пристрастья века девятнадцатого	51

ЮБИЛЕЙ

Кириллу Васильевичу Чистову — 75 лет	53
--	----

ВЫСТАВКИ

<i>О.В. Лысенко.</i> Славяне Восточной Европы. Человек в этнокультурном пространстве	54
---	----

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

<i>Т. Иванова.</i> Советский анекдот в США	57
<i>Н.Р. Тимонина.</i> Новая литература по фольклору и этнографии	58

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Первые Лебедевские чтения — <i>Б.В. Горбунов</i>	59
Конференция "Культурное возрождение. Проблемы изучения народного творчества" — <i>В.В. Галюк</i>	60
Симпозиум "Переход от язычества к христианству у славян" — <i>Н.В. Жилина</i>	61
Конференция "Современный фестиваль фольклора: опыт, проблемы, перспективы" — <i>А.С. Каргин</i>	62
Круглый стол "Традиционные формы досуга в культуре славянских народов" — <i>А.Б.</i>	63
Экспедиции: Из студенческих экспедиционных тетрадей — <i>А. Смирнов, А. Гудкова, Е. Неклюдова</i>	63

С.Ю. НЕКЛЮДОВ

ПОСЛЕ ФОЛЬКЛОРА

Мы едем, едем, едем в далекие края. Мы везем с собой магнитофоны и тетради, фотоаппараты, а если повезет — кино- и видеокамеры, чтобы сколь возможно точно зафиксировать свои находки. Мы стараемся попасть в самые глухие деревни, в самые отрезанные от мира рыбакские поселки, охотничьи стойбища, степные и горные кочевья. Никто не смеет упрекнуть нас в том, что мы ищем предмет нашего изучения там, где он сохранился: в патриархальных сообществах, гдеrudиментарно существуют черты прежнего уклада, не полностью исчезли старые обряды, еще живы традиции народной словесности, обозначаемые в науке широкохватным словом "фольклор".

Как известно, до самого недавнего времени фольклористы изучали образцы устного творчества, сохранившиеся главным образом в сельской (а не в городской) среде. Сожаления об их угасании являются одним из лейтмотивов отечественной (да и не только отечественной) фольклористики. При этом они отнюдь не беспочвенны; буквально на глазах собирателей исчезали исполнительские школы и чуть ли не ценные фольклорные жанры, но — свято место пусто не бывает — забвение прежних произведений сопровождалось (а отчасти и прямо стимулировалось) появлением в фольклорном репертуаре текстов, ранее для него совершенно не характерных.

Новации, рожденные изменяющейся реальностью и деформирующие старую традицию, прорастали, словно сорняки; связаны они были исключительно с городской культурой, а для фольклориста звучали как раздражающий диссонанс. Они явно не содержали никакого идущего из глубины времен мифологического или исторического смысла, поиском которого чаще всего была озабочена наука, не обладали художественным изяществом сказки или старинной народной песни, достигнутым многовековой шлифовкой, но, наоборот, выглядели грубыми, стилистически неряшливыми, как бы сделанными наспех.

Пожалуй, первой (еще в конце прошлого века) заставила на себя всерьез обратить внимание частушка, принадлежавшая одновременно как деревенской, так и городской традиции. Возмущающее впечатление от нее в ученой среде было чрезвычайно сильным¹, а неясность генезиса расчистила полемическое пространство для "обличителей" и "адвокатов" жанра, выясняющих его природу (городская "порча", проникшая в деревню, или новый вид деревенской поэзии, трансформировавшийся в городских условиях?) Впрочем, фольклорный характер частушки отрицать не мог никто.

Иначе обстояло дело с городским романском, который все чаще обнаруживался в репертуаре деревенских исполнителей. Скажем, к концу 20-х годов в богатой песнями деревне Погромна Тульской губернии, сохраняющей некоторые патриархальные черты, но без

культурной изоляции от города, романсы составляли около половины всех зафиксированных текстов².

Не только "пошлость", принадлежность к "фабрично-лакейской" среде, но и явное наличие акта сознательной версификации у истоков каждого конкретного произведения, участие в его распространении книжных форм ("песенники") — все это до поры до времени позволяло вообще не расценивать романс как факт народной традиции. Но в конце концов и его пришлось признать фольклорной формой (хотя бы и "извращенной"), своего рода фольклорной "декаденцией". Исследовательской субъективности при этом проявлялось больше, чем трезвой оценки; редким исключением была прозорливая статья Д.К. Зеленина, который один из немногих увидел в частушке и романсе продуктивные и актуальные жанры, детище переходной поры, зачатки новой народной поэзии³.

Вообще культурный симбиоз города и деревни имеет многовековую историю. Облик фольклора (по нашей терминологии, "классического", противопоставленного "архаическому", принадлежащему народам бесписьменным, не имеющим собственной государственности и собственной городской жизни) сложился в тесном взаимодействии с городской культурой, с идущей из города книжностью. Попробуем-ка "вычесть" урбанистическую топику из сказок, былин, исторических песен и других фольклорных жанров! Попробуем убрать "книжное влияние" из духовного стиха, легенды, да и той же сказки! После А.Н. Пыпина и А.Н. Веселовского стало очевидно, что циркуляция литературного материала между устной и письменной традициями есть естественный и постоянный процесс. При этом фольклорное воспроизведение прочитанного, будь то устное переложение лубочных повестей о Еруслане и Бове или пересказ в крестьянской среде "Графа Монте-Кристо" и "Принца и нищего"⁴, является гораздо более простым делом, чем запись услышанного, также имеющая место (например, рукописные сборники, составляемые с мнемоническими целями). Надо добавить, что еще до недавнего времени сохраняли жизнеспособность и весьма близкие к фольклору формы традиционного рукописного творчества — например, исторические или агиографические произведения, создаваемые и бытующие в патриархальной "прихрамовой" среде.

Естественно, взаимодействие деревенского и городского фольклора не сводится к связям устной и письменной традиций; даже жанровая специфика романса ими не определяется в полной мере. К сожалению, культура города слишком долго оставалась для науки *terra incognita*, будучи скорее прерогативой литераторов и бытописателей-краеведов, чем филологов-фольклористов; всерьез же городские традиции, особенно — "низовые", начинают фиксироваться и изучаться лишь в нашем столетии.

Известно, что народная городская культура (включая устную словесность) веками сохраняла верность сельским традициям; даже при ее постепенном расслоении деревенский фольклор продолжал существовать в городских слободах⁵; более того, до сравнительно недавнего времени он еще встречался внутри современного мегаполиса в сельских по своему происхождению анклавах⁶. Однако параллельно, причем во все убыстряющемся темпе (особенно со второй половины XIX века), складываются культурные традиции собственно городского, полностью оторванного от земли населения; его праздничные циклы, ритмы его обыденной жизни формализуются и обретают новые знаково-символические выражения. Как неоднократно отмечалось⁷, в городе постепенно ослабляется зависимость человека от природных условий (прежде всего — от смены сезонов), что приводит к забвению календарно-обрядового фольклора, к смешению сроков проведения праздников, их десемантизации и деритуализации, к переходу их в форму "церемониальную", по выражению П.Г. Богатырева, к решительному преобладанию форм верbalных над неверbalными.

Городские традиции порождают свои собственные тексты, распространяющиеся как в устной, так и в письменной форме, причем оба канала коммуникации тесно переплетены. Эти тексты связаны с нарождающейся массовой культурой, которая в свою очередь воспроизводит многие родовые свойства традиционного фольклора (социально-адаптационное значение произведений, их преимущественная анонимность, господство стереотипа в их поэтике, вторичность сюжетных мотивировок в повествовательных текстах и т.д.), что весьма облегчает подобную связь. Но массовая культура резко отличается от традиционного фольклора идеологической "полицентричностью", повышенной способностью к тематической и эстетической интернационализации своей продукции и к ее "поточному" воспроизведению в виде немыслимых для устного творчества идентичных копий⁸.

Тексты массовой культуры приходят в песенные традиции города с подмостков получившей особенное распространение на рубеже веков ресторанный и садово-парковой эстрады (в свою очередь отнюдь не избегающей адаптированных фольклорных произведений). Ареал ее воздействия весьма расширяется с появлением граммофонных записей, количество которых в этот период стремительно растет. "Кафешантанская" лирика оказывает огромное влияние на тематический облик и эстетическую систему городской песни, снабжая ее новыми, часто "экзотическими" реалиями, мотивами и фабульными моделями, не утратившими свою актуальность до нашего времени (вспомним баллады об "испанце Джоне Грее", "боцмане Бобе", "ковбое Гарри" и им подобные, еще недавно популярные среди подростков). Впрочем, городская эстрада, и изначально не единообразная, всегда оставалась зависимой от весьма различного социально-культурного облика той аудитории, на которую она ориентировалась⁹.

"Полицентричен" и городской фольклор. Он фрагментирован в соответствии с социальным, профессиональным, клановым, даже возрастным расслоением общества, с его распадом на слабо связанные между собой ячейки, не имеющие общей мировоззренческой

основы. Как правило, городской фольклор функционально маргинален, поскольку фундаментальные идеологические потребности горожан удовлетворяются другими способами.

Можно отметить два противоположно направленных процесса¹⁰. Первый характеризуется тенденцией к формированию "закрытых" традиций, которые порождаются повышенной потребностью в идентификации и самоидентификации членов сообществ, стремящихся к культурной изоляции. Это приводит к возникновению специфических культурных кодов и текстов, бытующих внутри подобных сообществ. Таковы некоторые профессиональные объединения, уголовные кланы, неформальные группы молодежи и т.д.¹¹. Второй процесс связан с неизбежной проникаемостью границ социальных ячеек (включая в конечном счете и "закрытые" коллективы) — естественно, неодинаковой в разных слоях общества и в разные исторические периоды. Подобная проникаемость предопределяет циркуляцию устных произведений далеко за пределами породившей их среды (выразительным примером является широкая популярность у нас "блантовых" песен). Сюда же следует отнести легкость и быстроту распространения текстов городского фольклора по всей стране — и в устной, и в письменной форме. Не последнюю роль в этом играет доступность современных средств звукозаписи, позволяющих тиражировать и распространять не только текст песни, но и ее исполнение.

Огромное значение для процессов подобной трансмиссии имеет чрезвычайно давняя традиция рукописных песенников и альбомов (помните, у Грибоедова: "Бывало песенок где новеньких тетрадь увидит, пристает: пожалуйте списать"), породившая такие синтетические субкультурные формы, как "тюремные", "дембильские", "школьные", "девичьи" и другие альбомы, прямо включающие в себя тексты устного происхождения или воспроизводящие стилистические и сюжетные трафареты городского фольклора¹².

Как и всякая синcretическая традиция, современный городской фольклор не существует в виде чистого репертуара текстов. Семиотический ансамбль "низовых", официально не санкционированных культур включает орнаментику и содержимое рукописных альбомов, символику тюремных поделок (четки, шахматы, платки и пр.), настенных граффити и татуировок, одежды и прически, украшений и жестов, "арготизированные" формы речи, "посвятительные" обряды, практикуемые у уголовников, подростков, солдат срочной службы и т.п., — от всего этого контекста устная словесность неотделима, будучи одним явлением параллельна, другим синонимична, а с третьими составляя нерасторжимые комплексы.

Хотя выделение области, целиком относящейся к современной устной словесности (и только к ней), имеет условный характер, все же целесообразно сказать несколько слов о ее жанровом ассортименте. Прежде всего необходимо отметить, что по сравнению с традиционным фольклором этот ассортимент изменился самым радикальным образом. Ушли в прошлое, лишь во фрагментах удержавшись в детском обиходе, практически все старые "классические" жанры — от обрядовой лирики до сказки. Зато на первый

план выдвинулись жанровые комплексы либо относительно недавнего происхождения (романс¹³), либо весьма существенно модифицированные (анекдот¹⁴, "неказочная проза" — от былички и мемората до таких слабо структурированных образований, как слух и сплетня¹⁵). Однако в этих случаях непосредственная преемственность с традиционным фольклором либо проблематична, либо вообще исключена. Многие тематические и стилистические совпадения объясняются не прямым родством, а конвергентным приобретением сходных признаков или же порождены некоторыми архетипами и универсалиями общественного сознания.

В городском песенном фольклоре устанавливаются иные формы преемственности: использование в новом произведении какого-либо устойчивого, широко известного музыкально-ритмического (иногда и стилистического) рисунка. При этом переиначиваемый или пародируемый текст может быть и навязанным сверху, и идеологически нейтральным, и принадлежащим самой "уличной" традиции. Так, скажем, известно множество переделок не только официальных советских песен, но и старой воровской "классики" ("Мурка", "Гоп-со-смыком" и др.) и популярных эстрадных мелодий. Естественно, происходит это только с произведениями, имеющими в городских традициях широкие и густо заполненные ассоциативные поля. Данный прием чрезвычайно продуктивен и, по всей видимости, в народном песенном нововторчестве распространен повсеместно.

Отраженная в современных быличках поздняя демонологическая традиция обычно имеет узко локальные приурочивания, будучи связана с теми или иными "некорошими местами", например: с полянами, скалами, пещерами в поверьях туристов, альпинистов и спелеологов, с чердаками и подвалами городских зданий в суеверных быличках подростков, даже, согласно одному рассказу, с кафедрой истории КПСС Самарского политехнического института — все это может стать (и становится) ареной действий дневных иочных привидений, выступающих в роли своеобразных "духов-хозяев" подобных мест и, как правило, недоброжелательных¹⁶. Ими же являются почти исключительно души людей, трагически погибших здесь или умерших неестественной смертью, прежде всего, самоубийц. Все это в общем соответствует традиционной демонологии, но тем не менее нет никакой уверенности в том, что мы имеем дело с простой тематической трансформацией старой былички, а не с ее подобием, объясняемым чисто типологическими причинами. Тем более это касается воспроизводящих ту же структуру рассказов о "космических пришельцах", временном похищении ими людей, НЛО и прочих "аномальных явлениях"¹⁷.

Сходная картина наблюдается и в анекдоте. Мы знаем, как на памяти одного поколения волнообразно сменяются различные тематические циклы анекдотов (о сумасшедших, о дистрофиках, о Ваньке с Манькой, об "армянском радио", о чукчах, о Василии Ивановиче и Петьке и др.); некоторые быстро затухают и расходятся, другие способны просуществовать относительно долго. Но в целом состав жанра с некоторой периодичностью обновляется почти полностью, причем

не столь уж часто для актуальных реалий используется старая сюжетная форма.

Да, полно, фольклор ли все это? Точнее, годится ли этот послушный нам термин для обозначения столь изменившегося материала? А может быть, правильнее считать, что "эпоха фольклора" (сначала "архаического", а затем и "классического") безвозвратно миновала, и перед нами — совершенно новое явление, для которого следует искать соответствующее название, ну, скажем, пост-фольклор?

Примечания

¹ См., в частности, об этом: Зеленин Д.К. Новые веяния в народной поэзии // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901—1913. М., 1994. С. 28—29; Стратен В.В. Творчество городской улицы // Художественный фольклор. Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН. Под ред. Ю. Соколова. Т. II-III. М., 1927. С. 144—148.

² Куприянова З.Н. Песни деревни Погромы // Язык и литература. Т. VIII. Л., 1932 (НИИ речевой культуры). С. 32—33.

³ Зеленин Д.К. Новые веяния..., с. 28—31.

⁴ Азадовский М. Сказительство и книга // Язык и литература. Т. VIII. Л., 1932 (НИИ речевой культуры). С. 8.

⁵ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977. С. 268.

⁶ Белоусов А.Ф. Городской фольклор. Лекция для студентов-заочников. Таллин, 1987. С. 6—9.

⁷ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения..., с. 271; Белоусов А.Ф. Городской фольклор, с. 10—12.

⁸ Ср.: Никифорова И.Д. Массовая литература — специфика и функции // Массовая литература в странах Азии и Африки. М., 1985. С. 9, 13.

⁹ Нестьев И. Звезды русской эстрады (Панина, Вяльцева, Плевицкая). Очерки о русских эстрадных певицах начала XX века. М., 1970. С. 8—12; Уварова Е. Эстрадный театр: миниатюры, обозрения, мюзик-холлы (1917—1945). М., 1983. С. 6—7.

¹⁰ Об аналогичных процессах (преимущественно на языковом материале) см.: Елистратов В.С. Арго и культура // Елистратов В.С. Словарь московского арго (материалы 1980—1994 гг.). М., 1994.

¹¹ См.: Фольклор и культурная среда ГУЛАГа. Сост. В.С. Бахтин, Б.Н. Путилов. СПб., 1994; Файн А., Лурье В. Все в кайф! Б.м., 1991; Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры. Опыт этнографического исследования системы 1986—1989 гг. СПб., 1993; Борисов С.В. Латентные феномены культуры (опыт социологического исследования личных документов девушек). Авт. реф. дисс. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 1993; Школьный быт и фольклор. Ч. 1—2. Учебный материал по русскому фольклору. Сост. А.Ф. Белоусов. Таллинн, 1992.

¹² См., например: Якуб А. Современные народные песенники. Пг. 1914; Соболев П.М. Песенники 90-х годов XVIII века // Литература и марксизм. Кн. V, 1928; Ханютин А. Школьный рукописный альбом-песенник: новый успех старого жанра // Массовый успех. Отв. ред. А.Ю. Ханютин. М., 1989; Тридцать рукописных девичих любовных рассказов. Сост., автор статей и comment. С.В. Борисов. Обнинск, 1992.

¹³ Гудошников Я.Л. Русский городской роман. Учебное пособие. Тамбов, 1990.

¹⁴ Из изданий презентативных и полных (хотя и не претендующих на какую-либо систематизацию материала) см.: Анекдоты наших читателей. Вып. 1—5. М., 1994 (Биб-ка "Студенческого медиана").

¹⁵ Наиболее полными антологиями политических легенд, анекдотов, сплетен и слухов советского времени, безусловно, являются следующие коллекции: Борев Ю. Сталиниада. Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими анекдотами и размышлениями автора. Иркутск, 1992; Борев Ю. Фарисея. Послесталинская эпоха в преданиях и анекдотах. М., 1992.

¹⁶ Демидовы А. и И. Мелодии старой Самары. (Книга для любителей русской истории). Самара, 1992. С. 59—61.

¹⁷ Интерпретацию данного материала в рамках теории архетипов см.: Юнг К. Современный миф о "небесных знамениях" // Карл Густав Юнг о современных мифах. М., 1994.

Д.К. РАВИНСКИЙ, Н.А. СИНДАЛОВСКИЙ

Современные городские легенды: ПЕТЕРБУРГ

Несмотря на непростительно юный по сравнению с другими городами подобного ранга возраст Петербурга, несмотря на давнее убеждение, что Петербург, как город вымышенный, исчисленный, искусственный, не имеющий ни глубоких корней, ни традиций, не может иметь собственный фольклор, несмотря на все это, петербургский фольклор существует.

Одному из авторов данной публикации принадлежит собрание петербургского фольклора, насчитывающее более пяти тысяч единиц хранения. В нем представлены пословицы и поговорки, песни и частушки, балаганные прибаутки и раешные стихи, анекдоты и розыгрыши, неофициальные названия и шуточные адреса, аббревиатуры и загадки, считалки и речевки, лозунги и объявления, имеющие точный петербургский адрес.

Давно назрела необходимость создания в Петербурге экспедиции городского фольклора, задачей которой стала бы фиксация этого коллективного творчества горожан.

Предлагаемая статья посвящена только одному из жанров петербургского фольклора — так называемым городским легендам. Легенда, как и городская мифология в целом, отражает какие-то реальные "магнитные линии", существующие в атмосфере города. Неслучайно поэтому постоянное повторение в петербургской мифологии нескольких ключевых мотивов.

Хотя возник Петербург, как известно, в век Просвещения, его существование сразу же получило мифологическое измерение. Одной из первых, а по логике, безусловно, первой петербургской легендой следует считать легенду об апостольском предвестии Петербурга, из-

ложеннную в анонимном апокрифе XVIII в. "О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга в лето от первого дни Адама 7211. По рождестве Иисус Христове 1703".

По вознесении Господнем на небеса, — рассказывается в этой старинной легенде, — апостол Христов Святой Андрей Первозванный на пустых Киевских горах, где ныне град Киев, водрузил святой крест и предзвестил о здании града Киева и о благочестии, а по пришествии в великий Славенск (Новгород), от великого Славенска Святой Апостол Христов Андрей Первозванный, отшед около 60 верст, водрузил жезл свой в Друзино (Грузино). От Друзина Святой Апостол Христов Андрей Первозванный имел шествие рекою Волховом и озером Невом и рекою Невою сквозь место царствующего града Санктпетербурга в варяжское море, и в шествие оные места, где царствующий град Санктпетербург, не без благословения апостольского были. Ибо издревле на оных местах многажды видимы были свeta сияние.

С тех пор легенда, предание, миф как народная реакция на то или иное событие с завидным постоянством сопутствует всей истории Петербурга.

Городские легенды стали "питательной почвой" петербургской литературы, определив многие ее сюжеты. Классический пример литературной адаптации городской легенды — рассказ мещанина-квартирохозяина Версилову о доставке постамента для Медного всадника ("Подросток" Достоевского). Но, конечно же, своего рода петербургскими легендами являются и "Двойник" и "Бобок" так же, как и петербургские повести Пушкина и Гоголя.

К сожалению, петербургская мифология не нашла в прошлом такого исследователя и

собирателя, как Е.З. Баранов, выпустивший в 1923 г. сборник "Московские легенды"*.

П.Н. Столпянский, разрабатывавший тему "Петербургские легенды и предания", главное внимание уделил распространенным в его время заблуждениям относительно тех или иных петербургских зданий ("Дом Пиковой дамы" на Литейном проспекте, "Дворец Бирона" и др.). В настоящей публикации предпринимается попытка дать представление о сегодняшней петербургской мифологии.

Хотя многие поверья прошлых лет сегодня забыты, легенды по-прежнему живут в городе, иногда получая новое обоснование. Так, сообщение о наличии вокруг Михайловского замка особого энергетического поля в новом свете представило многочисленные легенды, связанные с этим зданием.

В последние годы новую жизнь обрели некоторые старые легенды, ранее передававшиеся с опаской. Одна из них будто бы возникла сразу после Октябрьского переворота. Разные люди рассказывали ее примерно одинаково. В ночь перед штурмом Зимнего дворца на крейсер "Аврора" в сопровождении группы красных моряков взошла женщина невероятной, нечеловеческой красоты, огромного роста, с косами вокруг головы. Лицо бледное, словно ожившая статуя. Она-то, — рассказывает легенда, — распорядилась дать знаменитый залп по Зимнему. Команду моряки выполнили, но долго после этого молчали, вспоминая старинную морскую примету: женщина на корабле — плохое предзнаменование.

* Материалы, не вошедшие в сборник, частично опубликованы в издании: Лица: Биографический альманах. 4. М., СПб., 1994. С. 288–338.

Согласно другой ленинградской легенде, кронштадтский Морской собор был спасен только благодаря вмешательству небесных сил. Рассказывали, естественно, ссылаясь на очевидцев, подробности того, как под фундамент собора были заложены тонны взрывчатки, как подожгли фитиль, как раздался чудовищный взрыв, громадная масса собора будто бы приподнялась над землей и через мгновение на глазах онемевшей толпы медленно опустилась на то же место. Всеобщий испуг был таким сильным, что власти не рисковали еще раз повторить взрыв.

Один из наиболее существенных мотивов городской мифологии связан с преданием о городских святых, т.е. не просто о живших здесь праведниках, но о своего рода покровителях города. Бессспорно, в Петербурге первое место принадлежит Рабе Божией Ксении (сопоставима с

ней в этом смысле только фигура Иоанна Кронштадтского). Существует довольно большая литература, посвященная жизни Ксении. Менее известно об активном существовании культа Ксении в Ленинграде. В течение нескольких десятилетий часовня на могиле Ксении на Смоленском кладбище "ремонтировалась" и была окружена забором. Заборчик постоянно покрывался записками. Кроме того, из него выламывались кусочки дерева, помогавшие, согласно поверью, при зачатии и деторождении. Согласно легенде, когда городские власти решили устроить в часовне сапожную мастерскую, мастера не смогли вбить ни одного гвоздика: все валилось из рук. Тогда решили наладить там изготовление статуй типа "Девушка с веслом". Но и это не удалось. Сколько раз, бывало, запрут мастера крепко-накрепко часовню, утром приходят, а вместо скульптур одни черепки...

Культ Ксении в последние десятилетия существует как в основном женский культ. Утверждают, что особенно популярен он был среди студенток университета, расположенного недалеко от кладбища. Интересно, что существует "местоблюстительница" культа, собирающая и, по-видимому, сортирующая послания.

Непременная часть всякой городской мифологии — рассказы о домах с привидениями. Петербург, разумеется, не составляет исключения. Утверждалось, что в начале века петербургская полиция держала на учете более двадцати таких домов. Двухэтажный особняк на Песках считался клубом самоубийц: по ночам оттуда доносились заунывные стоны. В доме на Большой Дворянской (ул. Куйбышева) замаскированные покойники играли в кости при свете черепов, у которых горели глазные впадины. Дурная слава шла и о доме на Васильевском острове напротив Николаевского моста. Самым заметным был, безусловно, так называемый "известный призрак" Михайловского замка, игравший по ночам на флаголете.

И сегодня существуют поверья, в которых что-то от легенды, а что-то от ритуальной игры, продолжающие эту традицию. Так, сотрудники Академии художеств утверждают, что призрак архитектора А. Кокорина, повесившегося в стенах построенного им здания, и сегодня иногда появляется и многие его видели. Довольно много существует рассказов о "непокойных домах" (полтергейсте), домовых и странных видениях в различных точках современного Петербурга.

Еще один сквозной мотив петербургской мифологии — мотив оживающего изображения, столь ярко воплощенный в петербургской литературе ("Медный всадник", "Портрет"). Продолжение этой линии — легенда, связанная со статуей Петра I перед Михайловским замком. Согласно поверью, если в белую ночь подойти к памятнику ровно в три часа, то можно увидеть, как фигура Петра чуть заметно меняет положение.

Часовня св. Ксении Петербургской на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге. 1994 г. Фото Д.А. Пшеницына

Другая "ветвь" этой линии — легенды о магнитических свойствах тех или иных предметов городской среды. Можно вспомнить старое поверье о целительных свойствах надгробия Павла I в Петропавловском соборе, избавляющего якобы от зубной боли. Сегодня целительные свойства приписываются статуе Христа на кладбище Новодевичьего монастыря. Среди молодых людей, принадлежащих к "системе", культовым сооружением была так называемая "Ротонда" (другое название — "Центр мироздания") — круглая лестница в доме на углу Фонтанки и Городской. Согласно поверью, если ты несчастен в любви, надо оставить запись на стенах Ротонды.

Оригинальная легенда существует вокруг одного из домов на Литейном проспекте. Жильцы дома (точнее — одного из его крыльев) будто бы обладают способностью, не глядя на часы, всегда знать точное время.

Легендами всегда был окружен храм Спаса-на-Крови, уступая в этом отношении, может быть, только Михайловскому замку. (Нетрудно заметить некоторую симметричность этих зданий, расположенных поблизости друг от друга и являющихся как бы памятниками двум императорам-мученикам). В течение десятилетий Спас-на-Крови был объектом тайного культа. Вокруг храма, в котором размещались столярные мастерские, иногда проводился даже крестный ход. Развитию культа способствовала легенда о том, что по ночам в соборе раздаются стоны убиенного царя.

Вероятно, под влиянием всех этих преданий возник рассказ о находящейся в храме иконе, на которой отмечены роковые для истории России даты: 1917, 1941, 1953... Наконец, совсем недавно возникла любопытная легенда, прямо продолжающая известную легенду, что царизм пал, когда были сняты леса с долго ремонтировавшегося Исаакиевского Собора. В 1991 г. были сняты леса, много лет окружавшие Спас-на-Крови. Народное сознание, вспомнив старую легенду,

У стен часовни св. Ксении на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге. Ноябрь 1994 г. Фото Д.А. Пшеницына

Слева: пожилая женщина, читающая по своей записке просьбу к святой. После прочтения записки следует троекратный обход часовни, во время которого обратившаяся к святой останавливается около каждой стены и прислоняется к ней лбом.

Справа: женщина, прислонившаяся лбом к стене и повторяющая свою просьбу. После обхода записку со словами просьбы засовывают в щель между плитами фундамента часовни или близ нее.

связало это событие с падением Советской власти в августе 1991 г.

Одна из городских легенд, возникших в последние годы, связана с так называемой "загадкой фантома-снайпера". Дело в том, что во многих местах города, особенно в районе Финляндского вокзала, в оконных стеклах, киосках, телефонных будках можно заметить странные дырочки: абсолютно круглые входные отверстия, как правило, около 2 мм, выходные — с трехкопеечную монету, но бывают и крупнее. Впервые этот феномен был замечен в 1977 году, но по сей день объяснения не получил. Самые простые предположения: дырки пробиты мальчишками из мощных рогаток с шариками от подшипников. Действитель-

но, такие можно сделать. Дырки будут, но не те. Специалисты ставили эксперименты и стреляли из всего, что стреляет. Отверстия получались с острыми краями. Фантом-снайпер оставляет только оплавленные. Баллистическая экспертиза не прибавила ясности. Траектории упирались либо в глухие стены, либо в пол, либо уходили в небо. Нерешенная загадка снайпера-фантома вошла в число легенд Северной Пальмиры.

Еще одна легенда возникла в 1991 году в связи с совершенно конкретным событием. Решено было вновь установить крест на купол церкви Воскресения Христова на Обводном канале рядом с Варшавским вокзалом. Во время установки неожиданно

поднялся сильный ветер. Крест, подцепленный к вертолету, раскачивался так сильно, что чуть не сбросил верхолазов, работавших на куполе. Работы пришлось срочно прекратить. На следующий день, в Вербное воскресенье, около десяти часов вечера, молодые супруги Олег и Елена Яковлевы, проживающие по Московскому проспекту, 74, из своего окна увидели необычную яркую звездочку, плывущую к храму. Вначале они приняли ее за сигнальные огни вертолета или башенного крана, но потом, усомнившись, позвали родителей и уже вчетвером наблюдали загадочное явление: необычно яркая и красивая звезда подошла к вершине колокольни, осветила ее, медленно обогнула, несколько задержалась, затем медленно снизилась к главному куполу, обошла его вокруг и исчезла. Все это продолжалось в течение сорока минут. Через день установка креста была осуществлена всего за 10 минут. "Загадочные истории", подобные приведенным выше, обрастаю слухами и домыслами, становятся современными городскими легендами.

Очень многие легенды в Петербурге — "императорские". Сегодня эту линию продолжают анекдоты, предания и легенды вокруг фигуры Г.В. Романова. Приведем здесь две городские легенды этого рода.

Пятидесятилетие Октябрьской революции в Ленинграде решено было отметить возведением нового концертного зала. Идея будто бы принадлежала Романову и он лично курировал проект. Но место для строительства никак не могли определить. Сроки поджимали, исполнители нервничали, постоянно напоминая об этом Григорию Васильевичу. Однажды такой разговор происходил в машине первого секретаря. Романов не выдержал и показал рукой на окно машины: "Вот здесь и стройте!". Машина в это время проезжала мимо Греческой церкви. На месте взорванной церкви в 1967 году был построен концертный зал.

Один из сквозных сюжетов петербургской мифологии — ле-

генды, связывающие завершение строительства со смертью строителя (Инженерный замок, Исаакиевский собор, кони на Аничковом мосту и др.). Сегодняшняя мифология продолжает эту линию. Согласно одной из легенд, в известной тюрьме "Кресты" — 999 камер. Почему же не 1000? В тысячной живым замуровали архитектора Томишико, чтобы не выдал секреты здания. К этому же ряду относится и часто повторяемое утверждение, что архитекторы, сделавшие проект Большого дома (управление НКВД-КГБ), закончили свои дни в его стенах.

Вообще, Большой дом — источник многих мрачных легенд. Очень распространено мнение, что под землей находится столько же этажей, сколько и наверху (по утверждению специалистов, характер почвы в данном месте исключает такую возможность).

Можно услышать и о тоннеле, через который сбрасывались трупы в Неву. Согласно одному рассказу, трупы размальывались специальной мельницей; в блокаду, когда не было тока на предприятиях, мельница еще долго работала, благодаря автономной электростанции, но потом встала и она. Кстати, из-за донных отложений невская вода возле Большого дома имеет красноватый оттенок.

Говорят еще о подземных тоннелях, связывающих Большой дом со Смольным и Финляндским вокзалом. Так мы подошли к теме "подземного" Петербурга, всегда игравшей очень важную роль в мифологии города. Живут легенды о подземных ходах, связавших гостиницу "Астория" и расположившееся напротив германское посольство, мечеть и дом Эмира Бухарского, Инженерный замок и здание Третьего отделения. Что же касается Зимнего дворца, то якобы целая подземная сеть связывает его с 11 сооружениями города, среди которых Петропавловская крепость, Исаакиевский собор, Капелла и др. В самое последнее время "подземная" тема осложнилась и слухами о secte сатанистов,

облюбовавших кладбищенские подземелья.

Есть еще одна тема, пересекающаяся сегодня с подземной. Это тема радиации. Согласно одной из легенд, в самом центре Петербурга, прямо под Адмиралтейским шпилем, глубоко под землей, расположен учебный класс Военно-морского училища им. Дзержинского. Класс этот оборудован самым настоящим действующим атомным реактором. А между шпилем и реактором, на одной оси с ними, находится кабинет начальника училища, и он будто бы, как заложник, ежедневно вынужден сидеть на этой пороховой, то бишь атомной, бочке.

Тема грозящей опасности в наше время вообще становится одной из главных забот обеспокоенных обывателей, хотя в большинстве случаев в современных мифах присутствуют и признаки осторожного оптимизма. Как это ни звучит банально, но надежда, действительно, не умирает. Вот как трансформируется это в новейшей, как нам кажется, легенде.

В одном из залов Эрмитажа среди многочисленных памятников искусства Древнего Египта хранится статуя богини Мут-Сохнет. Львиноголовая богиня войны и пальящего зноя, согласно древнему египетскому мифу, однажды решила уничтожить человечество. И только вмешательство богов, которые ночью разлили перед ней подкрашенное в красный цвет пиво, спасло людей от гибели. Наутро богиня, приняв пиво за человеческую кровь, выпила его и успокоилась. Прошли тысячелетия. Однако, как рассказывает уже современная эрмитажная легенда, угроза человечеству до сих пор не исчезла. Правда, не исчезли и силы, хранящие человечество. Не случайно, — продолжает легенда, — раз в году, в полнолуние, на базальтовых коленях львиноподобной богини появляется красноватая лужица, бесследно исчезающая незадолго до появления первых музейных посетителей.

МАЙКЛ ДЖЕКОБСОН, ДЖОН ШЕРЕР

Песни советских заключенных как исторический источник

Хотя песни заключенных советского периода хорошо известны широкой публике, историки и литературоведы до сих пор игнорировали их. За все эти годы за рубежом появилась только небольшая, карманного формата книжка, содержащая несколько десятков песен, расположенных тематически, но без каких-либо комментариев¹. Для сравнения: тюремные песни дореволюционного периода традиционно привлекали внимание ученых. Было издано несколько комментированных песенников² и написано больше десятка исследований и диссертаций³.

Описание коллекции. Наша коллекция состоит из 150 тюремных песен советского периода, часть из них представлена в нескольких вариантах. Мы выражаем глубокую благодарность всем бывшим заключенным, коллекционерам и авторам мемуаров, которые снабдили нас этими песнями.

Песни заключенных советского периода, как и дореволюционные, делятся на три основные группы. В песнях первой группы описывается жизненный путь заключенного, второй — условия в тюрьме или лагере, третьей — деятельность уголовников вне тюрьмы. Последняя группа включает удалые и любовные песни. Большинство песен нашей коллекции принадлежат ко второй группе.

Анализируя 80 песен из имеющегося у нас собрания, мы старались установить дату и место событий, административные правила, традиции заключенных, описанные в песнях. Мы также пытались выяснить, к какой группе заключенных принадлежал автор песни: профессиональных воров и грабителей; непрофессиональных преступников, то есть тех, преступление которых не было связано с зарабатыванием на жизнь; политзаключенных.

Нам было сравнительно легко установить приблизительную дату событий, описываемых в большинстве песен. Помощь в этом оказывали детали быта, характерные для определенного периода советской истории, топонимика песен. В некоторых песнях описываются хорошо известные события, как, например, строительство Беломор-Балтийского канала (1931—1933 гг.); в двух — освобождение заключенных после окончания строительства ББК; в нескольких — последствия закона от 4 июня 1947 г., увеличившего наказание за имущественные преступления до 25 лет:

В сорок седьмом году
Шверник издал указ
Нужно освоить страну
Сталина был приказ...

Идут на север срока огромные.
Кого не спросишь, у всех указ
(Кого не спросишь, у всех по 25)..

Затем мы пытались установить место событий. Иногда оно просто упоминается: "На Колыме, где север и тайга кругом"; "Я помню

тот Ванинский порт"; "Уголь воркутинских шахт"; "Гам вдали стоит Секир-гора". Некоторые песни фиксируют официальное название мест заключения или название улицы. Так, в одном случае тюрьма названа ДОПРом: название тюрьмы "Дом принудительных работ" употреблялось только на Украине. В двух песнях встречается улица в Одессе, знаменитая Молдаванка.

Песни как вспомогательный источник. Песни оказались ненадежным источником для изучения тюремных правил. Авторы песен извращали их, чтобы добиться большего драматического эффекта или чтобы проиллюстрировать свой взгляд на администрацию, правительство, других зэков. Например, автор песни "Тайшетский гимн" утверждает, что заключенные, работающие в шахтах в послевоенное время, как правило, не выполняли норму и потому получали штрафную 300-граммовую пайку. Это было не совсем так. Хотя нормы были завышенными и часто невыполнимыми, многие заключенные успешно приспосабливали себе дополнительную каторгу, чтобы получить 600-граммовую пайку. Ради справедливости следует упомянуть, что даже так называемая нормальная пайка оставляла заключенных полуодетыми. В любом случае, "Тайшетский гимн", как и многие другие песни, отражал скорее отношение заключенных к действительности, чем саму действительность.

В настоящее время имеется много источников сведений о тюремных правилах. Архивы отдельных лагерей и тюремных ведомств открыты. Однако песни остаются для историка отличным вспомогательным и иллюстративным материалом, так как в них ярко и образно выражается отношение заключенных к этим правилам, их влияние на судьбу зэков.

Песни как основной источник истории ГУЛАГа. Нам кажется, что песни лучше, чем любой другой источник, показывают меняющийся характер лагерей, то есть то, как разные группы заключенных меняли свое отношение к правительству, тюремной администрации и к свободному миру.

Из 80 рассмотренных нами песен 55, вероятней всего, были сочинены профессиональными преступниками, 9 непрофессиональными и 16 политическими. Из этой статистики не следует, что наиболее творческими в условиях заключения были уголовники-профессионалы. Лагерь сохранил в основном те песни, которые нравились лагерной элите. Профессиональные преступники не только управляли лагерями, но и являлись арбитрами вкуса.

Песни профессиональных преступников. Профессиональные преступники были традиционно аполитичны. В первые годы Советской власти они не высказывали своего отношения к новым правителям. Планы, идеология, терминология советских руководителей не оказывали почти никакого влияния на их фольклор, имев-

ший к тому времени уже стойкие традиции. Отношение изменилось в 30-х гг., когда власти включили работу зэков во второй пятилетний план. Лагерная администрация должна была выполнять эти планы. Те, кто отказывался работать, обвинялись в саботаже и порой получали дополнительный срок. Тех же, кто систематически перевыполнял нормы выработки, администрация иногда объявляла перевоспитавшимися и досрочно освобождала. Администрация также обещала устроить их на работу после освобождения.

Обещания не были полностью выполнены. Правительство, правда, освобождало тысячи заключенных после окончания главных строек пятилеток: 12500 человек были досрочно освобождены после завершения строительства ББК и 50000 — канала Москва-Волга. Но освободившимся никто не помогал устроиться на работу, а предприятия обычно не принимали на работу бывших зэков, которые, естественно, были разочарованы и считали себя обманутыми. Песня 30-х гг. отражает эти чувства:

Я сын подпольного рабочего партизана
Отец любил меня и много дорожил,
Но извела его проклятая больница.
Туберкулез его в могилу положил.

Ну, и оставилсь без отцовского надзора.
Я бросил мать, а сам на улицу пошел,
И эта улица дала мне кличу вора.
И до решетки я не помню, как дошел.

А там пошло по плечу и без плана,
И в лагерях я побывал уже не раз,
А в тридцать третьям, по скончанию канала
Решил навсегда с преступностью покончить.

Приехал в город, позабыл его название,
Решил на фабрику работать поступить,
Но мне сказали, что я отбыл наказание
И просим друг, наш старый адрес [позабыть].

И так шатался я от фабрики к заводу,
Вседе я слышал один лишь разговор,
Так для чего ж я добывал себе свободу,
Когда по-старому, по-прежнему я вор

Лагерная администрация неоднократно заявляла, что работа заключенных представляет значительный вклад в индустриальное развитие страны. Однако вклад заключенных не был решающим, и производительность их труда была ниже производительности труда вольных. В конечном счете массовые репрессии скорее замедлили индустриализацию, чем ускорили ее. Тем не менее многие, включая самих заключенных, приняли пропагандистские заявления лагерной администрации за правду. Серия песен отражает эту точку зрения. Например, в одной послевоенной песне заключенные утверждали, что они "подняли индустрию отсталой страны"; в песне 50-х гг. немного иронически заявили, что железная дорога, построенная зэками, — это их подарок рабочему классу; а в песне

60-х гг. — что вольные должны быть благодарны зэкам за каждый состав с лесом, спящий в лесных лагерях.

Песни лучше, чем архивные материалы и мемуарная литература, показывают динамику отношения зэков к труду.

Песни политзаключенных. Перед революцией политзаключенные выражали в своих песнях готовность умереть за свободу, за угнетенный народ, за светлое будущее всего человечества:

Говорила сыну мать.
Не водись с ворами.
В Сибирь-каторгу сашком,
Скуот кандалами!

Сбрал волос твой густой
До самой до шеи.
Поведет тебя конвой
По матушке Роди.

Я не врал, не воровал.
Но я любил свободу.
В Сибирь-каторгу попал
За любовь к народу.

Многие песни дореволюционных политзаключенных выражали сходные взгляды, но в более воинственной форме. После революции эти песни остались популярными среди эсэров и меньшевиков, продолживших свою борьбу с правительством, но теперь уже не с царским, а с большевистским. Эти же песни были популярны и среди большевиков, то есть тех, кто сажал своих бывших товарищей по заключению. Правители и заключенные в это время пели одни и те же песни, но с той разницей, что правители сохраняли слова без изменений ("...Пусть в рудники нас ссылают"), а заключенные приспособливали их к новым условиям ("...Пусть в Соловки нас ссылают").

В нашей коллекции нашлись только три песни, сложенные советскими политзаключенными до Отечественной войны. Одна из них принадлежит анархистам времен гражданской войны:

Долой марксизм, долой республику советскую.
Долой ячейку ВКП большевиков.
А мы надеемся на силу молодецкую,
На крепость наших песен и штыков.
Долой, долой! — кричат леса и стени.
Долой, долой! — гремят морской прибой.
Мы разломаем коммунизма цепи,
И это будет наш последний бой.

Эта песня стала частью тюремного фольклора: ее театральность искренность, вероятно, понравилась профессиональным преступникам. С другой стороны, нет ничего удивительного в том, что не удается найти песен, сложенных офицерами Белой армии и членами несоциалистических партий. Лагерь вряд ли сохранил их песни: слишком уж они отличались воспитанием, культурой, вкусом от уголовников. Показательно, что и их не умел фольклор уголовников. В то время как политзаключенные более позднего времени обычно цитировали песни уголовного мира в своих мемуарах, политические заключенные этих групп полностью проигнорировали их.

Две другие песни довоенного периода были сложены в среде зэков-коммунистов. Одна из них является версией песни братьев Покрас времен гражданской войны "По военной дороге шел в огне и тревоге...":

По железной дороге.
Ехал в страшной тревоге
Заключенных несчастный народ.
За траурдам, за терроры,
За политразговоры.
А по правде сам черт не поймет.

Другая была сочинена женщинами — членами семей "врагов народа":

Мы подруги, друзья, ваши жены.
Мы вам песню свою пропоем..
По автобусной далекой дороге
Вслед за вами этапом идем.

Обе эти песни настолько отличаются от типичного лагерного фольклора, что лагерь вряд ли сохранил бы их. Вероятней всего, они были бы утеряны, если бы бывшая политзаключенная не включила их в свои мемуары¹.

Вклад политзаключенных в лагерный песенный фольклор начался только после второй мировой войны. Их первая песня, принятая уголовным миром в 40-х гг., была сложена русскими военнопленными в немецких концлагерях. Ее основной куплет был сохранен в советских лагерях без изменений:

Новый год, порядки новые.
Колючей проволкой наши лагерь обнесен.
Кругомглядят на нас глаза суровые,
И смерть голоднаяглядит со всех сторон.

После нее политические сложили несколько песен, которые по праву считаются шедеврами лагерного фольклора. Одна из наиболее знаменитых — "Ванинский порт" — полностью аполитична. По своей тематике эта песня напоминает песни уголовников, но выделяется содержанием и лиричностью. Уголовники предпочитали театральность, преувеличенную эмоциональность, мелодраматичность. Так, например, они описывали реакцию стражника на услышанную им песню уголовника:

Попка на вышке рыдает,
Вот он чуть-чуть упадет.
Вот она, жизнь воровская,
Всех за живое берет.

Песня "Ванинский порт" практически лишилась театральности и преувеличений. Она отражает новое восприятие тюрьмы, которое возникло у зэков во второй половине 40-х гг. В это время как политические, так и уголовники-профессионалы чувствовали, что их положение практически безнадежно. Политические уже не верили, как это было в 30-е гг., что власть пересмотрит их дела, поймет, что они невинны, и выпустит на волю. Уголовники были также полны пессимизма. Указ от 4 июня 1947 г. значительно увеличил их срока. "Сучья война" — резня между группами заключенных, ворами и суками, которая началась вскоре после войны — создала у многих из них ощущение, что они не доживут до конца срока. И потому горькая безысходность "Ванинского порта" более точно описала их духовное состояние, чем театральность и преувеличения традиционного уголовного фольклора.

Переделка народных песен. В нашей коллекции нет песен, авторство которых можно было бы определенно приписать крестьянам, арестованным во время коллективизации. Однако многие песни зэков являются ничем иным, как переделанными народными крестьянскими песнями. Одна из них первоначально была казачьей народной песней (переделанные слова приводятся в скобках):

Течет речка по пеоочечку,
Береженьки точит
Молодой казак (жульман),
Молодой казак (жульман)
Атамана (Начальничка) просит
Пусти же мене, атамане
(Ты начальничек, вляй начальничек),
Из Дону до дому (Отпусти на волю),
Ведь освободилась,
Ведь ваксурилась
Девичица за мяко.
Отпустил бы я тебя, казака (жульмана),
Да слыхать ты не будешь
(Воровать ты будешь).
Ты напейся
Воды холодной,
Да про любовь забудашь.
Пил я воду, да пил холодную,
Пил, не напивался.
Любил казак (жульман),
Одну девченочку,
Всех с ней шатался.

Так возникла песня, которую многие считали чисто лагерной. Этую песню изменили снова во время резни 40-х гг. В этом последнем варианте вор убивает начальника за то, что тот не отпустил его; за убийство вора приговаривают к смертной казни. Другие источники подтверждают беспрецедентный рост лагерных убийств после второй мировой войны.

Примечания

¹ Блатная лира. Составитель Яков Вайскопф. Иерусалим, 1981.

² Максимов С. Сибирь и каторга. Т. 1. СПб., 1891; Новые песни безродного скиталяца. М., 1905; Солнце входит и заходит, а в тюрьме мой темно. Песни узников. Сборник Ф. Аничникова. Одесса, 1906; Новые песни. Сборник народных босых песен и куплетов. Составитель Н. И. Красовский. М., 1907; В плена за решеткой ост рожной. М., 1907; Солнце входит и заходит. СПб., 1908; Тюремные и любовные песни. Одесса, 1908; Звезды колдовыми цепями. Составитель Н.И. Красовский. М., 1908; Солнце входит и заходит. М., 1909; Арестант. Песни тюремные. Ярославль, 1910; Зачем я, мальчик, уродился. М., [1910]; Песни каторжника. Одесса, [1910]; Песни каторжника. М., [1910]; Атаман-разбийник. Песенник. Составил Н. Горбунов-Посадов. М., [1910]; Песни и думы бояска. Одесса, 1910; Песни одесских бояков. Одесса, 1910; Ах, Боже, свободы я лишился. Одесса, 1910; Орел в ивоме. М., [1910]; Песни колодников. М., 1911; Спускается солнце за стены. Новые песни сибирских братьев. Киев, 1912; Песни каторжников. Составитель В.Н. Гартенвальд. М., [1912]; Песни отверженных. М., 1912; Скажи мне, товарищ, за что ты попал в рудники. М., 1913; Скажи мне, товарищ, за что ты попал в рудники. М., 1914; Новые песни каторжника. М., 1914; Песни царской неволи. Хабаровск, 1985.

³ Лозанова А.Н. Тюремные песни // Русское народное поэтическое творчество. Т. 2. Ки. 1. М.-Л., 1955; Ващенко В.А. Тюремно-арестантские и рекрутские песни Омской области // Ученые записки Омского педагогического института им. Горького. 1958, вып. II; Кошелев Я.Р. Русская фольклористика Сибири. Томск, 1962; Ахалов Т.М. Народные удалые песни в устию бытования и в художественной литературе конца XVIII—первой половины XIX века. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1964; Шомич В.Г. Повзия тюремы, каторги и ссылки. Народные песни и стихи второй половины XIX—начала XX века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1966; Ноаков А.М. Народные тюремные песни второй половины XIX—начала XX века // Русский фольклор. Т. XV. Л., 1975.

⁴ Гинзбург Е. Крутой маршрут. Frankfurt Rosse Verlag, 1967. С. 289–290.

К.Э. ШУМОВ, С.В. КУЧЕВАСОВ

Розы гибнут на морозе, малолетки — в лагерях

Рукописные тетради из камеры малолетних преступников

Возможность реализовать себя в среде "малолеток" является, по всей видимости, одним из важнейших условий решения конфликта между свободой и несвободой. Именно ситуация, характерная для мест заключения, возводит ограниченность внешних связей (своевременную и для крестьянской общины, но в значительно меньшей степени) в абсолют. Оторванность от привычных жизненных условий, необходимость находиться длительное время в обществе людей одного пола и приблизительно одного возраста, далеко не лучшие воспоминания о совершенном преступлении и, главное, ограничение свободы создают особую атмосферу, порождающую традиции, схожие со многими другими традициями первичных контактных групп.

Традиции "малолеток" повторяют отдельные элементы традиций уголовного мира (что естественно), армейской среды (в силу схожести ситуации оторванности от дома), детского "этноса", солдатского, разбойничего фольклора крестьян, но многим и отличаются. Характер творчества несовершеннолетних нарушителей закона определяется некоторым внутренним конфликтом между показной "взрослостью" и несформированностью личности. Укрепляется конфликт и противоречивыми стремлениями и интересами: увлеченность "блестящей" романтикой, раскаяние в преступлении, страх перед разлукой во время заключения, тоска по близким людям и привычной жизни. Именно эти предпосылки, видимо, и заставляют ребят, находящихся в следственных изоляторах, спешняках, в "зонах" прибегать к "отдушине" в виде рукописных тетрадей.

Традиция ведения альбомов и тетрадей, куда заносятся любимые песни, стихи, афоризмы и т.п., известна довольно давно. Это и салонные аристократические альбомы, и солдатские тетради, и песенники носителей крестьянской культуры, "дембельские" альбомы

* Мы разделяем точку зрения К.В. Чистова, определяющего специфику фольклора через особенности коммуникации и выводящего фольклор в первичные контактные группы (см.: Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л., 1986. С. 6.).

уволенных в запас, школьные тетради, студенческие рукописные сборники. В силу особого характера этот материал не часто привлекает внимание фольклористов (не фольклор), искусствоведов (непрофессиональное творчество), чаще он занимает историков как показатель уровня культурного развития представителей разных слоев общества. Больше, наверное, повезло традиционным песенникам и школьным тетрадям. Традиции уголовного мира интересуют профессиональных юристов, которые плоды своего труда длительное время прятали под грифом "ДСП" ("Для служебного пользования"), хотя сейчас фольклор ГУЛАГа стал предметом интереса фольклористов.

Традиции же в среде несовершеннолетних преступников, подвергнутых наказанию, пока проходили в разряде "малоизученных". Подростковыми преступными группировками занимаются журналисты, они же чаще других наведываются в колонии для несовершеннолетних, хотя бы в малой степени фиксируя их быт. Между тем, контекст бытования тюремных тетрадей не менее глубок, чем в любой другой социальной или профессиональной группе.

С нашей точки зрения, система взаимных отношений и поведения в камере реализует стремление подростков в отрыве от нормальной жизни смоделировать хотя бы некое подобие общества, вынужденно изолированного от привычной среды и намеренно изолированного от "законного" окружения (охрана, воспитатели, производственные мастера, следственный аппарат). В следственном изоляторе основной ячейкой является группа, находящаяся в одной камере. Внутри нее соблюдается довольно четкое иерархическое разделение, которое определяется следующими факторами: наличие знакомств в уголовной среде или наличие старших родственников в ней же ("лат" в понимании слова в начале XX в.); степень тяжести статьи УК; физическая сила; интеллектуальные способности. Сочетание факторов и определяет ступень в иерархии. В самом ее низу находятся "опущенные" (как в социальном плане, так и в сексуальном). Отношения между ними и остальными определяются как отношения между верхними и нижними иерархическими ступенями в любом обществе. Несколько иную окраску носят отношения между теми, кто уже имеет некоторый уголовный

Разворот рукописной тетради 1 из камеры СИЗО-1 г. Перми. Фото Е.М. Рогова

опыт (в подростковых группировках или более серьезных "командах"), и теми, кто попал за решетку, оступившись случайно. Они схожи с иерархией "посвященный-непосвященный". Уже после "посвящения" новый человек имеет возможность занять какое-либо определенное место в сообществе: оставаться на нижней ступени "опущенных" или двигаться выше, приобретая криминальный опыт и навыки. Именно такая ситуация привела к появлению распространенных изречений типа "Тюрьма – не место исправлений, а школа новых преступлений".

Само же "посвящение" может носить и ритуальный характер. При входе в камеру новый человек должен переступить через разложенное за порогом полотенце. "Непосвященный", боясь испортить отношения, как правило, перешагивает, "посвященный" – наступает на него. Первого избивают, второй выходит принят сразу. Иерархия подчеркивается и местом на нарах (что довольно хорошо известно). Другой элемент инициации – нанесение татуировок, которые распространены и в среде "малолеток". Роза, опутанная колючей проволокой; плывущий корабль под парусами; чайка в небе над волнами – татуировки, чаще всего свидетельствующие о прохождении тюремного "посвящения", они же встречаются и как сюжеты рисунков в тетрадях.

Даже поверхностное обозначение общего контекста тюремного быта "малолеток" показывает глубинные связи с традиционной культурой (не обязательно генетические). Ритуал вхождения в камеру своей атрибутикой и общим смыслом совпадает с ритуалом введения на крестьянский двор новой скотины, где наступившая на скатерть или поло-

тенце корова будет "вестись". Нанесение татуировок тоже хорошо известно как один из устойчивых элементов обряда половозрастной инициации. Совпадают эти традиции и с армейскими: в них значение первой драки (проверка физической силы) аналогичное, а наличие татуировок объясняется приблизительно схожими причинами. Правда, в армии человек в зависимости от срока службы может переходить на верхние иерархические ступени. На флоте же еще некоторое время назад "молодые", "салаги" (первая ступень) и "деды" (последняя ступень) были в одинаковой степени гонимы, но последние занимались обучением "салаг", что, в принципе, практически полностью скалькировано с традиционного уклада жизни, когда старики и дети обладали схожим социальным статусом. В некоторых армейских частях привилегиями за столом пользовались именно молодые солдаты, что невозможно представить в тюремной, камерной группе.

Сочетание факторов, формирующих культурную среду в сообществе малолетних преступников, определяет и внутренние противоречия, которые особенно ярко проявляются в эстетических привязанностях подростков. Они наиболее полно и в законченном виде видны в рукописных тетрадях, куда попадает только то, что действительно существенно.

При подготовке публикации было решено остановиться на четырех тетрадях из одной камеры СИЗО-1 г. Перми, которые не дают полного представления о творчестве "малолеток", но наиболее характерны для них. Судя по листу 30 тетради 1, в камере в момент создания тетради находилось 39 человек, так как на нем перечислено именно такое количество кличек под "шапкой" "Хата 9.2.". Из них двое отмечены знаком нижней иерархической ступени (клички – на фоне рисунка веника), один – "опущенный" (над кличкой – изображение обнаженных ягодиц с пластирем "крестом"). Первые, по всей видимости, из числа "непосвященных".

Тетради создавались в 1991–92 гг.; выглядят так: общая тетрадь в 48 листов, обложка оклеена страницами журнала с фотографиями рок-концерта (т. 1); аналогичная тетрадь, но без обложки (т. 2); блокнот для записи карандашом с обложкой из прозрачного полипропилена, прошитого по краю красной, желтой и зеленой толстой шерстяной нитью (т. 3); школьная тетрадь в клетку в 18 листов (т. 4). Первые две принадлежали одному человеку.

Общая структура каждой тетради следующая: "Пролог" ("Открой тетрадь, мой друг или подруга..."), календарь (с указанием срока, расписанного по месяцам), адреса (сокамерников и подруг с кличками), адрес владельца тетради (с

указанием статьи УК, срока, если он уже определен). Эти элементы практически обязательны для каждой тетради, но последовательность их неустойчива. Неустойчивы и сочетания жанров в основной части тетради, но наиболее часто встречаются такие "связки": песня и изречение, изречение и рисунок.

Жанровый (выделенный довольно условно) состав тетрадей следующий. Тетрадь 1: 12 изречений, 12 искаженных цитат из уголовно-процессуального кодекса, 3 поздравления, 9 песен, 3 молитвы и заговора, "пролог", адреса, последнее слово обвиняемого, толкование аббревиатуры; 27 рисунков. Тетрадь 2: 22 песни, 22 изречения, 2 календаря, 2 страницы адресов, "пролог"; 36 рисунков. Тетрадь 3: 22 песни, 21 изречение, 7 поздравлений и строк для писем, 3 молитвы и заговора, календарь; 45 рисунков. Тетрадь 4: 55 поздравлений и строк для писем, 10 песен, 8 изречений, 6 молитв и заговоров, пролог, календарь; 10 рисунков.

Чаще всего встречаются рифмованые "заготовки" для писем и поздравлений – 65; песни и афористика – по 63 текста; 12 молитв и заговоров. Эти жанры составляют основное содержание тетрадей.

Рисунков в общей сложности 118, из них 46 "полосных" (на всю страницу), 40 иллюстраций-фрагментов, остальные – "концовки" текста, фоновые и орнаменты.

Наиболее частотные изображения: крест (14), колючая проволока (13), роза (11), деньги (10), обнаженные женщины (10), нож (8), череп (7), решетка (7), облака (6), пистолет (6), карты (5). Естественно, что чаще всего встречаются рисунки атрибутов преступной и тюремной жизни.

В песенном репертуаре наиболее часто встречаются тексты, которые попадают в разряд "латных" – 24 (с использованием жаргона только 4); 14 текстов может быть отнесено к тюремной любовной лирике; 11 текстов – лирические песни без выраженной специфики (чаще романсы); 4 песни из репертуара популярных исполнителей эстрады; 3 любовные солдатские; 4 текста из репертуара клубов самодеятельной песни, авторство которых точно установить не представляется возможным; 2 песни Розенбаума из "латного" цикла.

Вполне закономерно наличие в рукописных тетрадях молитв и заговоров. Практически все они являются неоднократно переписанными и поэтому искаженными: "Сенистрельная Божья Матерь" (вариант: "Семистрельная") – на суд; молитва царя Давида – на суд; "Все знающий, все видящий, все могущий..." – на суд и от ссор; "Живый в помощи" (вариант: "Живи в помощи"); "Сон Пресвятой Богородицы"; утренняя и вечерняя молитвы; Псалом упования;

Страница рукописной тетради 1 из камеры СИЗО-1 г. Перми, на которой условно изображены все сокамерники. Фото Е.М. Рогова

Молитва оптиных старцев; Отче наш. Не случайно, вероятно, и крест стал самым частотным изображением среди рисунков; встречаются и две копии с образом Владимирской Богоматери.

С нашей точки зрения, наибольший интерес как специфические жанры рукописной тетради представляют изречения и своеобразные "заготовки" для писем и поздравлений. Афористика представлена довольно широко и в комментариях не нуждается. В ее состав входят практически все тематические группы, характерные для творчества заключенных. Часть изречений ("Я – раб судьбы, но не лакей закона", "Плыви, кораблик мой, туда, где нет закона и суда", "Люби свободу, как чайка воду") в совокупности с рисунками полностью повторяет татуировки.

Естественно, что основные темы – разлука и тюремная жизнь. Как и в армейских традициях, наиболее ярко выражается образ матери, в отличие от подруги, которая может изменить или бросить. В целом же отношение к женщине, выраженное в афористике, пренебрежительное, что несколько противоречит общей закономерности едва ли не обожествления верной подруги, культа Женщины, которая умеет ждать. Нет нужды вспоминать о том, что именно соблюдение верности отсутствующему супругу (другу) является одной из ведущих тем от донационального эпоса до романса. Наиболее явно она выражается в сюжетике песен военных лет, в современном армейском песнетворчестве. Скорее всего, именно ситуация временной несвободы (службы в армии, заключения) упорно порождает схожие сюжеты, а то и просто заимствует их из другой социокультурной среды.

Рукописные тетради "малолеток" живут по законам творчества изолированной от внешнего мира группы. Но для каждого ее члена внутренние контакты и законы теряют привлекательность и силу перед возможностью выйти за пределы этого круга. Ее дают письма, свидания и посылки. Именно поэтому, вероятно, в тетрадях появился такой специфический жанр, как стихотворные строки из писем и поздравлений с праздниками. Их функциональность подтверждается двумя факторами: наличием пропусков в строках для подстановки имени и использованием цитат в реальной практике создания текстов писем и поздравлений.

Наиболее часто в "строках" писем звучит любовная тема (в 17 отрывках), тема разлуки (13), тема несвободы (11). Такое распределение представляется вполне закономерным, так как главным и единственным адресатом этих строк является возлюбленная. Вполне понятно и то, что в ее адрес в этом жанре не высказываются упреки в измене, но призыва ждать тоже практически от-

сутствуют. Если определить общую тональность и эмоциональный настрой "строк", то они только грустны. Скорее всего, такая тональность идет от любительской любовной лирики, цитаты из которой прослеживаются и в "строках". Частично цитаты выбраны из школьных девичьих альбомов, но большей частью они соответствуют специфике именно тюремной лирики. Удивительно, что образ матери в "строках" отсутствует. Не исключено, что это объясняется тем, что они воспринимаются как жестко ограниченный по адресности жанр.

Это отличает "строки" от поздравлений, где шире не только адресность, но и повод для обращения. В "поздравления" входят не только строчки возлюбленной, но и матери. Поводом выступают: день рождения, 8 Марта, Новый Год. Симптоматично и то, что мужской адресат не встречается, что вполне объяснимо половым составом камерного сообщества. Тематика мало чем отличается от тематики "строк", пожелания же достаточно стандартны: счастья, исполнения желаний, любви, долгой жизни, здоровья, молодости. Но и в поздравления вносится тема заключения, которая обыгрывается обещанием подарить цветы после окончания срока или выражается более явно в строках, адресованных матери. Разлука в этом жанре не акцентируется, изменя практики не упоминается, что понятно: поздравления и пожелания счастья можно адресовать только той, которая не изменит и будет ждать. В целом же они более человечны, менее специфичны, а символика образов далека от уголовной.

Последнее объяснимо, так как "строки" и "поздравления" являются жанрами, обеспечивающими внешние, а не внутренние контакты группы "малолеток". Но их особый характер, в конечном итоге, оказывается полностью зависим от специфических традиций среды, строится "от противного". В результате они не менее специфичны, чем афористика и блатные песни.

АФОРИСТИКА *

Открой тетрадь, мой друг или подруга, и пробегись глазами по строкам. Они написаны в часы досуга в тоске по дому и родным местам.

Пусть будет проклят этот день, когда наручники надели.

Пусть будет проклят этот день, он на душе моей, как тень.

Розы гибнут на морозе, малолетки – в лагерях.

Гори, огонь, во имя малолетки.

Я – раб судьбы, но не лакей закона.

Я – раб судьбы, но не слуга закона.

Суд – это базар, где торгуют свободой, но не знают ее цены.

* В эту группу помещены тексты, которые могут и не быть афоризмом, пословицей, но зафиксированы в тетради в форме высказывания.

Судья – это такая тварь, которая сует свой нос, куда не надо.

Топчи законы СССР, дави ментов и прокуроров!

Плыви, кораблик мой, туда, где нет законов и суда.

Люби свободу, как чайка воду.

Бог не фраер – всё простит.

Напаворил на воле, отсидишь на зоне.

Искал я счастье и покой, нашел разлуку и конвой.

Год – не срок, два – урок, три – пустяк, четыре – так, пять – нештяк.

То, что мы любим, то нас и губит.

Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок.

Да будет проклят тот от века и до века, кто выдумал тюрьмой исправить человека.

Тюрьма не ... – садись, не бойся.

Тюрьма – не школа исправлений, а школа новых преступлений.

Тюрьма – не место исправлений, а школа новых преступлений.

Там не суда и не закона, там не слыхать кандалы звон, там спят спокойно люди бога, кому не нравится закон.

Нас триста лет бабаи гнули, но не смогли загнуть, в карцере так загнули (за 10 суток), за триста лет не разогнули.

За решетку посадили, думали – пропал ... сосите коммунисты – под амнистию попал.

Спаси меня, грешного, от порядка здешнего.

Кто не был здесь, возможно, будет, кто побывал, тот не забудет.

Кто не был тут, возможно, будет, хлебнет и горя и тоски. А кто тут был, тот не забудет до самой гробовой доски.

Кто не был здесь, не грыз сухую корку, кто не любил и не страдал, с того не будет толку.

Я буду помнить много лет тюремный суп и черный хлеб...

Гори, свеча, идет мой срок, я скоро выйду на свободу.

Пусть падает пушистая снежинка мне на руку в прогулочном дворе, и пусть проходит время золотое в пермской следственной тюрьме.

Не слушал матерь, так слушай звон цепей тюремных.

Не слушал материнских слов, так слушай звон ключей тюремных.

В этой жизни для меня лишь матерь – мой искренний судья...

В этой жизни только матерь меня сумеет оправдать...

Люби достойна только матерь, она одна умеет ждать!

Есть только одна женщина, которая может ждать, – это матерь.

Хоть руки скованы цепями, цветок дарю любимой маме!

Мать, не плачь, твой сын – бродяга, пусть плачет та, чей сын козел!

Лиши в разлуке все сразу поймешь, как теперь мне тебя не хватает, но сейчас ничего не вернешь, путь к тебе мне забор преграждает.

Я люблю тебя, жизнь, я люблю свою жизнь, потому что ты в ней, а тебя потому, что ты в жизни моей.

Моя судьба в твоих руках!

Если хочешь хватнуть горя, полюби меня.

Судьба заставила расстаться, но не заставила забыть, с тобой мы можем не встречаться, но нам друг друга не забыть.

Женщина — это звезда, а звезды прекрасны только ночью,
Легче найти у змеи ноги, чем у женщины
правд...

Мужчина — это такая сволочь, хуже которой может быть только женщина.

Не рои цветы — они завянут, не верь блядям — они обманут.

Любовь и свобода дороже всего, за них не беру никогда ничего.

В одиночестве можно обрести все, кроме характера.

Не всякому по плечу высоко поднятая голова.

Вдали от дома в добрый час мы помним тех, кто помнит нас, и только бы хватило сил забыть о тех, кто нас забыл.

Как бы ни было трудно, надо всегда оставаться человеком.

Насилие рождает насилие, ложь порождает ложь.

Мы любим тех, кто нас не любит, мы губим тех, кто любит нас.

Не живи уныло, не жалей, что было, не гадай, что будет, береги, что есть...

Жизнь — дремучий лес, в котором люди разеваются друг на друга пасть.

Анархия — мать порядка!

Пейте пиво пенным — морда будет ок...нна!

"СТРОЧКИ" (заготовки для писем)

Сижу теперь, смотрю в окно,
И день такой прекрасный,
Что написать тебе в письме?
Во-первых, ... здравствуй.

Пишу из мест, где нет невест,
Где юность топчут сапогами,
Где солнце не достает руками,
Где девушки считают за богинь,
И ласки дожидаются годами.

Разве друзья забывают друг друга?
Разве мы сможем друг друга забыть?
Нет, никогда я тебя не забуду!
Буду помнить тебя и любить.

Когда-нибудь в кругу друзей
Возьмешь бокал вина и если
Вспомнишь обо мне,
То пей его до дна.

Если в минуту печали
Тебя одолеет тоска,
То вспомни, родная, что в мире
Есть сердце, которое любит тебя.

Я буду помнить о тебе всегда,
Повсюду, каждодневно,
Ведь лучшую подругу была ты мне,
И это навсегда, наверное.

Я убиваюсь не буду,
В грусти надежду любя,
Но я тебя не забуду,
Буду помнить тебя я всегда.

Ты пришла ко мне с любовью,
Я сел, не успев сказать ничего.
Ты прости меня, дорогая,
Что уехал в далекие края.

Я тебя вспоминаю,

Я не забуду тебя никогда.

Пусть печаль над тобой не смеется,
Смотри гордо вперед,
Знай, что счастье придет,
И удача тебе улыбнется.

Все эти долгие годы
Ты мне снилась, как наяву,
Ты меня согревала любовью
В эти холодные дни.

Как жаль, что ты ушла к другому,
И не сказав мне ничего,
А мне с тобою было так прекрасно и хорошо.

Еще вчера были я и ты,
Еще вчера дарил цветы,
Еще вчера было так легко,
Но неужели все умчалось далеко?

Не грусти, если горе случится,
Не грусти, если слезы бегут,
В жизни всякое может случиться,
Все несчастья к счастью ведут.

Не плачь, что розы вянут,
Они опять расцветут,
Не плачь за то, что годы молодые
Уже не вернуть.

Я простился с тобой, моя юность,
Ты ушла от меня навсегда,
Я узнал в эти годы жестокость,
Я узнал, что такое тюрьма.

О женщины, хочу я вам сказать,
Чтоб не звучал ваш голос возмущенный
— Никто не может любить,
Как любят заключенный.

Любить тебя я буду вечно,
Моя любовь к тебе сильна,
И лишь тогда тебя забуду,
Когда закроются глаза.

Много трудных дорог будет в жизни твоей,
Много будет тревог, много будет дождей,
Все тревоги уйдут, как уходят года,
И я тут же вернусь к тебе навсегда.

Я знаю, что тебе больно бывает,
Когда ты плачешь наедине с собой,
Я знаю, что жалеть о прошлом поздно,
Ты ничего не сделаешь с собой.

Любить — люби, но осторожно,
Люби не всех и не всегда,
Не забывай, что есть на свете
Измена, ложь и клевета.

Огонь горит и потухает,
Человек живет и умирает,
А ты живи, не умрай,
Меня совсем не забывай.

Нас не может с тобой разлучить
Даже строгая сила закона,
Я тебя не смогу позабыть
Даже там, где запретная зона.

Мы теперь далеко друг от друга,
Но это нас не страшит.
Я в тюрьме, ну а ты на свободе,
Между нами любовь будет жить.

Я любви твоей, как солнцу, верю,
Сижу в тюрьме, считаю дни,
Ты напиши, найди, родная, время,
Как живешь, как дела твои.

Как я хочу тебя обнять,
Закрыть глаза, поцеловать.
Родимых глаз пустую синь
И слез непролитых пролить,
Хочу услышать голос твой,
Но что мечтать — я не с тобой,
Лишь только писем лепестки
Хранят тепло твоей руки.

Если дружба у нас оборвется,
Значит, не было в сердце любви,
То хранить это фото не надо —
Улыбнись, отвернись и порви.

Дорогая, поверь, я устал от разлуки,
Как хотел бы прижаться к твоей нежной груди,
Целовать бы тебя, позабыть про все муки,
Но не в силах, родная, —
Срок большой у меня впереди.

Не может тот любить со всей душой,
Кто никогда ни счастья не видал,
Не пережил кто страха под собой,
Не плакал, не грустил и не страдал.

Не говори, что жизнь печальна,
Не говори, что тяжко жить,
Умей среди жизненных развалин
Смеяться, верить и любить.

У всех людей одна черта —
Стоит лишь в яму горя провалиться,
Тотчас же от тебя все отвернутся,
Забудут и родные и друзья,
Не вспомнят, что в жилах кровь течет одна.

Не огорчайся так жестоко,
Не разводи большую грусть,
Не вечно жить с тобой в разлуке,
Ты только жди, и я вернусь.

Может быть, сирень отцвела,
Может быть, годы пропали из жизни,
Но свобода от нас не ушла,
Мы на время ее потеряли.

Не шути никогда над девчонкой,
Ее сердце, как нежный цветок,
Обольстится горячей слезою,
Не шути так над ней, паренек.
Не шути, потому что бывают
И ошибки на нашем пути,
Много слабых парней погибает
Из-за этой проклятой любви.

Ну что такого, что я заключенный,
Случайно нарушил советский закон,
Судом осужденный, свободы лишенный,
Но чувств человеческих я не лишен.

Поверь, разлука ненадолго,
Я верю – встретимся мы вновь,
И с уст твоих слетит лишь слово:
"Я так ждала тебя, любовь".

Мы часто ищем сложности вещей,
Где истина совсем простая,
Мне не хватает нежности твоей,
Тебе моей заботы не хватает.
Что к этому прибавить я могу?
Одно. Что я твоей любви не стою,
Ведь я тебя совсем не берегу,
Легко ли быть тебе со мною?

Мы разошлись на полпути,
Мы разлучились до разлуки,
И думали – не будет муки
В последнем роковом "прости".
Но даже плакать нету силы,
Пиши – прошу я одного.
Мне эти письма будут милья
И святы, как цветы с могилы,
С могилы сердца моего.

Я буду ждать – ты этому не веришь
Ты думаешь – забуду я тебя,
Но как же мне тебя уверить,
Как доказать, что я люблю тебя.
Нет, говорить тебе я ничего не стану,
Я буду лишь любить тебя,
И ждать тебя не перстану.
Я люблю тебя.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

С днем рождения тебя поздравляю,
На открытке стихи тебе шлю,
Этот день я с тобой не встречаю,
Лишь открытку на память дарю.
Не суди ты меня так жестоко,
Что приехать к тебе не смогу,
Но, надеюсь, близка наша встреча,
И тогда я тебя обниму.

У тебя сегодня день рождения,
Сегодня ты особенно мила,
И я спешу отправить поздравление,
Которое, быть может, не ждала.
Дарю тебе желаний море,
Улыбку звезд и тишину морей.
Себе оставил только горе
Да память тех ушедших дней.

С днем рождения тебя поздравляю,
И открытку на память дарю.
А цветы? Остаются за мною –
Когда выйду, тогда подарю!

занеменялся а в весение начинавших радуй
се прегастных и животворящих Кресты
Господь прогоняй бесы силу на тебе
прощего господа нашего Иисуса и Христа,
то ад смущающего и поправившего силу
дьяволу и дровавшего нам тебе. Крест
свои чистки на прощание всякого супо-
стата. О прегастный и животворящий
Крест Господень! Помогающий евнуху
головкою Девою Богородицею и со всеми
светами во веки. Аминь!

*Богородицк
Владимирская*

Разворот рукописной тетради 1 из камеры СИЗО-1 г. Перми. Фото Е.М. Рогова

У тебя сегодня день рождения,
В этот день явилась ты,
Ты поверь, от всей души желаю,
Чтоб сегодня расцвели сады,
Чтоб не снег лежал под солнцем алым,
А струился яблонь белый цвет,
Чтобы в жизни было все прекрасно,
Чтоб жила ты много-много лет!

С днем рождения тебя поздравляю,
Моя милая добрая мать,
И всем сердцем тебе я желаю,
Все, что в силах тебе пожелать.
Я желаю тебе, дорогая,
И добра, и тепла, и удачи,
И счастливые годы,
И успехов взамен неудач,
Чтобы в жизни большие невзгоды
Обходили тебя стороной,
Чтобы ты, невзирая на годы,
Оставалась всегда молодой!

С 8 Марта тебя поздравляю,
С праздником веселым и большим.
Не знаю, рада ли ты будешь
Строчкам поздравительным моим.
Я бы поздравил тебя цветами,
Так они же прекрасны, как ты,
Но цветов не видал я годами
И забыл, как дарятся они!

Еще в садах бушует выюга,
Еще в снегу стоит сирень,
И пожелаю я тебе, родная,
В международный женский день
– Живи, цвети с весною вместе,
Как самый лучший в мире сад,
Во всяком случае лет двести,
А если больше – буду рад!

С Новым Годом тебя поздравляю
В этот солнечный день января,
Пусть снежинки пушистого снега
Поцелуют тебя за меня!

Новый год, а мы с тобой в разлуке!
Ты сидишь за праздничным столом,
И воъемся ты в маленьющую руку
Рюмочку с играющим вином.
Но не пей за счастье, как другие,
Если дорог я тебе еще.
Вот когда я выйду на свободу,
Мы за счастье выпьем,
Но вдвоем!

Пусть Новый Год войдет к вам в дом,
Порогсыплет серебром,
И пусть исчезнут все несчастья,
А в дом войдет одно лишь счастье!

Сегодня ты нужнее, чем обычно,
Сегодня ты красивей, чем всегда,
Сегодня каждый шаг твой необычен,
Сегодня день рождения у тебя!

Со слезами тебя вспоминаю,
Сердце ноет и стонет опять,
С днем рождения тебя поздравляю,
Моя добрая милая мать!

Желать хрустальной жизни не хочу,
И в ясный день случаются несчастья
Я просто пожелать тебе хочу
Простого человеческого счастья!

Желаю тебе, милая <имя>
Шагать по простому пути,
Шутить и смеяться,
Любить и влюбляться,
И верного друга для жизни найти!

Желаю быть тебе счастливой,
Желаю горя не видать,
Желаю быть тебе любимой,
Но и друзей не забывать!

Желаю в жизненном пути
Дорогу верную найти,
Беды не знать, преград не видеть,
Любить, надеяться и верить!

Желаю счастья много-много,
Желаю горя не видать,
Хочу, чтоб в жизни молодой
Твоя широкая дорога
Не стала узкою тропой!
Еще любви тебе желаю
Такой же чистой, как горная река,
И чтобы чаще улыбались
Твои красивые глаза!

Что пожелать тебе, не знаю,
Как трудно подобрать слова.
Желать любви? Нет, не желаю,
Она придет к тебе сама.
Желать же счастья неудобно,
Его ведь надо заслужить.
И все же, я тебе желаю
Хорошим человеком быть!

А.Ф. БЕЛОУСОВ

Анекдоты о ШТИРЛИЦЕ

Однинадцатого августа 1973 года в 19.30 по первой программе Центрального телевидения началась демонстрация многосерийного фильма "Семнадцать мгновений весны". Две недели миллионы людей с напряженным вниманием следили за борьбой нашего разведчика с фашистским рейхом.

Одобренный высоким начальством, этот фильм столько раз потом повторялся по телевидению, что его главный герой разделил судьбу самых известных и популярных персонажей советской массовой культуры. Вслед за Василием Ивановичем Чапаевым Штирлиц-Исаев стал героем многочисленных анекдотов. Анекдотический Штирлиц является комическим двойником знаменитого телегероя. Изображая его подвиги, анекдоты осмеивали как исключительные способности Штирлица-Исаева (*Мюллер гнал машину по шоссе со скоростью сто километров в час. А рядом бежал Штирлиц, делая вид, что беззаботно прогуливается*), так и обязательную успешность его деятельности (*Штирлиц подкрался к часовому, замахнулся и вдруг... уснул. Но он прекрасно знал, что через двадцать две минуты проснется и выполнит начатое дело*).

Впрочем, анекдотов о героизме, исключительности личности разведчика не так уж много. Они растворяются в общей массе текстов, дискредитирующих профессиональное мастерство Штирлица-Исаева. Телегероя, скрывающего свою истинную сущность, маскирующегося под окружающих, в анекдоте дублирует персонаж, тяготящийся личиной немецкого офицера, стремящийся быть самим собой:

Зал в гостинице "Адлер" в Германии. Длинный-длинный стол. За столом сидят высшие чины СС. Среди них — Штирлиц. Все едят: вилка — в левой руке, нож — в правой. У Штирлица нож валяется на столе, вилка — в правой руке. Голос Копеляна за кадром: "Штирлиц знал, что он совершает грубую ошибку, но он так хотел хотя бы несколько мгновений побывать полковником Исаевым!"

Он не только не скрывает своих манер, но и предпочитает носить привычную для себя одежду:

Штирлиц зашел в кабинет Мюллера. Тот увидел его и сразу упал в обморок. "Нервишки", — подумал Штирлиц, поправляя буденовку.

Штирлиц пришел к дому Гиммлера в красной вышивкой косоворотке и с гармошкой в руках. Наигрывая "Камаринского", он плясал вприсядку и насвистывал. Голос Копеляна за кадром: "Да, никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу, как в этот вечер..."

Профессия героя отступает перед его натурой:

Мюллер: "Штирлиц! Нам все о Вас известно! Вы разоблачены. Вы — еврей!" Штирлиц (возмущенно): "Русский я, русский!"

Опытного разведчика сменяет советский человек, пользующийся всеми положенными ему льготами:

Когда в отделе РСХА, где работал Штирлиц, давали зарплату, он брал ее без очереди. Все удивлялись этому. Штирлиц понимал их удивление. Они же не знали, что Герои Советского Союза обслуживаются вне очереди.

А уж праздник для него — святое дело, которое и отметить надо так, как полагается народному герою:

В очередную годовщину 23 февраля Штирлиц сел на белого коня и в бурке, с криками "ура!", размахивая саблей, промчался по Берлину. И лишь год спустя понял, что никогда он не был так близок к провалу.

Однако что бы ни делал, как бы ни демаскировался анекдотический Штирлиц, он застрахован от провала. Этому способствуют обстоятельства, в которых живет и действует наш разведчик:

Штирлиц вскрыл сейф Бормана и достал оттуда секретные документы. Вдруг появляется Борман: "Что Вы здесь делаете?!" — "Жду трамвая, партайгеноссе!" — "Трамваи тут не ходят", — заметил Борман и вышел. Когда он через полчаса возвращается в свой кабинет, Штирлица там уже нет. "Надо же, — удивился Борман. — Уехал-таки!"

В полночь к дому Штирлица подъехали две машины с сотрудниками СС. Двое подошли к двери и постучали. Остальные оцепили черный ход и окна: "Штирлиц! Откройте!" Штирлиц подошел к двери и тихо произнес: "Никого нет дома". — "А кто говорит?" — "Говорит Берлинское радио. Берлинское время — двенадцать часов". Эсэсовцы сели в машины и уехали. Голос за кадром: "Вот так опытный советский разведчик водил за нос СС!"

Враги слишком наивны и доверчивы, чтобы победить Штирлица. Любая попытка простаков разоблачить нашего героя оканчивается конфузом:

Мюллер вызвал к себе Штирлица: "Штирлиц, вот Вы все знаете. Скажите, какого цвета у меня сегодня плавки?" "Зеленые в горошек", — ответил Штирлиц. "Вот Вы и попались, — обрадовался Мюллер. — Об этом знали только я и радиостанция Кэт." "Об этом скоро будет знать весь абвер", — сказал Штирлиц, — если Вы, генерал, не застегнете шифринку!"

Они осознают свою беспомощность в борьбе со Штирлицем и вынуждены мириться с его деятельностью:

В кабинете Гитлера идет совещание. Вдруг открывается дверь. Вбегает Штирлиц и фотографирует секретные документы. Гитлер спрашивает: "Кто это?" Ему отвечают: "Советский разведчик Исаев." — "Так почему же вы его не ловите?" — недоумевает Гитлер. — "А зачем? Все равно выкрутится!"

Войдя в свой кабинет, Мюллер застал там роющегося в бумагах Штирлица. "Вообще-то это мой кабинет", — напомнил Мюллер. "Разговорчики!" — прикрикнула полковник Исаев.

Мюллер звонит Штирлицу: "Штандартенфюрер Штирлиц! Если Вы еще хоть раз будете резать на секретных бумагах колбасу, я Вам не позволю брать документы из моего сейфа!"

Хотя проделки Штирлица со своими противниками порой и напоминают взаимоотношения хитреца и простаков в традиционном анекдоте, его интеллектуальное превосходство над врагами выглядит весьма двусмысленным:

"Юстас, Вы дурак. Алекс." Над этой шифровкой три дня смеялся весь абвер. И только Штирлиц понял, что ему присвоено звание Героя Советского Союза.

В сущности, он мало чем отличается от окружающих его простаков, демонстрируя такую же, доходящую до глупости наивность:

Мюллер и Штириц загорают на пляже. На Штирице надеты красные плавки с серпом и молотом, на Мюллере — черные со свастикой. Мюллер спрашивает: "Откуда у Вас такие красивые плавки?" "А мне их жена подарила на 23 февраля", — отвечает Штириц и тут же спохватывается: "А не сболтнул ли я чего лишнего?"

Анекдоты представляют телегероя не кем иным, как дураком. Это характерно для современного "мифотворчества", которое использует именно образ фольклорного дурака, пародируя культурных героев нашего времени. Оттого ведущие персонажи современных анекдотов похожи друг на друга. О типичности главных героев цикла, созданного по мотивам "Семнадцати мгновений весны", свидетельствует комическое отождествление их с другой известной парой анекдотических персонажей:

Мюллер вызывает Штирица: "Штириц, где Вы были в 1938 году?" — "С Вами, шеф, в Испании". — "А в 1928 году?" — "С Вами на КВЖД". — "А в 1918-м?" — "Василий Иванович?!" — "Точно, Петя!"

А между тем анекдотическая глупость имеет разные оттенки¹. Лишний раз убедиться в этом позволяет наш Штириц. Ему стараются приписать любую глупость. Однако в целом интеллект анекдотического Штирица более всего соответствует мышлению наивного простака, на которого ориентируется и весь образ комического двойника, дублирующего выдающегося мастера конспирации и открывателя вражеских секретов:

Штириц ехал к Берлину. Город был окутан дымом пожаров: "Опять утюг забыл выключить!" — с досадой подумал Штириц.

Штириц шел по коридору. Навстречу ему шла Кэт. Два эсэсовца несли за ней чемоданы. "В отпуск!" — подумал Штириц.

Штириц получил шифровку "У Вас родился сын. Алекс". По щеке Штирица скатилась скупая мужская слеза. Голос за кадром: "Он тридцать лет не был дома!"

Анекдотический персонаж глуп, как ребенок, который еще учится думать:

Штириц подумал. Ему понравилось — и он решил подумать еще раз.

Осмеивается не только нарушение им элементарных логических правил, но и следование этим правилам, что преподносится как умственный подвиг разведчика:

Штириц зашел в комнату, отодвинул занавеску. За окном он увидел людей на лыжах. "Лыжники", — подумал Штириц.

Навстречу Штирицу шли три ярко накрашенные женщины. "Проститутки", — подумал Штириц. "Майор Исаев", — подумали проститутки.

В последнем анекдоте подчеркивается тривиальность умозаключений Штирица. (Ср. вариант: "Штириц прогуливался по берлинскому зоопарку. В воде плавали какие-то птицы. Утки", — подумал Штириц. "Майор Исаев", — подумали утки").

Тривиальность и лапидарность мысли — основа взаимопонимания персонажей, вплоть до телепатического общения между ними. В анекдотах мысль Штирица вызывает ответную реакцию со стороны тех, кому она адресована:

Штириц шел по лесу. Из дупла на него смотрели горящие глаза. "Дятел", — подумал Штириц. "Сам ты дятел", — обиделся Мюллер.

Штириц сидит у себя в кабинете и читает шифровку из Москвы. Вдруг в кабинет врывается Мюллер, отрывает

от донесения кусок страницы и убегает. "Пронесло", — подумал Штириц. "Чтоб тебя так пронесло!" — подумал Мюллер.

Штириц шел по коридору. Мюллер подставил ему ногу и Штириц упал. "Едри твою мать!" — подумал Штириц. "Не смейте мне тыкать, Штириц!" — оскорбился Мюллер.

Возникновению шутовской мистики способствовал, как нам кажется, закадровый ("авторский") голос, который дополнял изобразительный ряд "Семнадцати мгновений весны", раскрывая зрителю внутренний мир героев и тем самым объясняя истинный смысл того, что происходило на экране телевизора. "Голос за кадром" отчасти формирует образ зрителя-простака, поэтому он тоже комически обыгрывается в анекдотах:

На банкете у Мюллера Штириц напился до потери сознания и упал лицом в тарелку с салатом. Голос Копеляна за кадром: "Штириц будет спать пятнадцать минут. К такой точности его приучила работа в советской разведке". (Весь пафос информации Копеляна здесь пародируется "грязными" подробностями происходящего).

Между тем закадровый голос — далеко не ординарный прием в искусстве кино. В воспоминаниях М.И. Ромма рассказывается о реакции Сталина на дикторский текст к художественному фильму: "Что за загробный мистический голос я слышу тут все время?" — после чего он (текст), как "не свойственный духу народного искусства", был запрещен в советском кино². Подобное отношение к закадровому голосу присуще наивному взгляду кинозрителя: всеведущий рассказчик противоречит его ощущению достоверности, подлинности той жизни, что изображается на экране, и, действительно, может восприниматься им как загадочный, даже мистический момент зрелица, придающий ему фантастический характер.

Одна из функций закадрового голоса — озвучивание мыслей Штирица. Естественно, что мысль Штирица занимает особое место в анекдотическом цикле. Во многих анекдотах она преподносится как основной факт и центральное событие. Интеллектуальная мощь богатыря, раскрывавшего на телекране все секреты противной стороны и потому побеждавшего в борьбе с врагами, дискредитируется умственной ограниченностью анекдотического "дурачка", который не может, да и не хочет сохранять инкогнито, свою "тайну".

Анекдоты воздали должное претензии героя на интеллектуальность, создав свой образ "умного" Штирица. А Василий Иванович Чапаев получил нового партнера, интеллект которого доставляет ему массу неприятностей:

Штириц и Василий Иванович попали в плен к немцам. Их бросили в камеру. Сначала пришли за Чапаевым, потребовали сказать военную тайну. Били-били, но он молчал. Тогда его притащили обратно в камеру. Штириц увидел его и ужаснулся. А Василий Иванович говорит: "Я же просял: давай запишем! А ты все свое: запомним, запомним!"

Однако комической версией "Семнадцати мгновений весны" анекдотический цикл не ограничивается. Вслед за пародийными "дублями" к телесериалу появились и все еще продолжают появляться каламбуры, созданные по мотивам "Семнадцати мгновений весны". Около сотни известных к настоящему времени анекдотов демонстрируют многообразие видов словесной игры. Одни каламбуры рождаются в результате "буквализации" фразеологизмов:

Штириц с трудом оторвал глаза от асфальта. Это были глаза профессора Плейшнера.

Штирицу угодила в голову пуля. "Разрывная!" — понял Штириц, раскинув мозгами.

Штириц ел картошку в мундире. Война окончилась и он не боялся его испачкать.

Возникновению других способствует многозначность слова:

Штириц выпил бутылку шнапса и совсем распоясался. "Застегнитесь — неудобно!" — попенял ему Борман.

Из подвала Кэт видела, как Штириц вышел на дорогу и стал стрелять. "Стрельни и мне одну!" — крикнула она.

Штириц шел по улице. Вдруг сзади послышались крики и стрельба. "Это конец, — подумал он, сунув руку в карман. — А где же пистолет?"

До Штирица не дошло письмо из Центра. Не дошло, хотя он перечитал его еще раз.

Особенно же популярны каламбуры, построенные на столкновении омонимов (и шире — сходных по звучанию слов):

Штириц стоял у открытого окна. Из окна дуло. Штириц закрыл окно. Дуло исчезло.

Штириц с Мюллером стреляли по очереди. Очередь с криками разбегалась.

Штириц поставил шкаф на попа. Пастор Шлаг скончался.

Штириц шел по Берлину и увидел проституток. "Недосуг", — подумал Штириц.

Штириц зашел в кабинет и вытащил из сейфа записку Мюллера. Мюллер кричал и отчаянно сопротивлялся.

Мюллер сидел у себя в кабинете и читал газету. Вдруг ему в глаза бросилось объявление: "Поп-группе срочно требуется пианистка". "Обнаглел пастор", — подумал Мюллер.

Штириц выстрелил Мюллеру в затылок. Пуля расплющилась и упала. "Броневой!" — подумал Штириц.

Штириц вышел из воды и лег на гальку. Светка обиделась и ушла.

Аnekdoticheskiy эpos o Штирице — единственный, в котором каламбуры играют столь важную роль. Одна из исследовательниц современного анекдота отметила это "необычное на первый взгляд явление", но так его и не объяснила³. A все достаточно просто: двуплановость каламбура подобна характерной для "разведческого" фильма двусмыслиности предмета, персонажа и действия. Обнажение скрытого смысла высказывания в словесной игре соответствует жанровой специфике телесериала, что и способствовало бурному развитию каламбурного начала в анекдотическом цикле.

Аналогия между "сюжетными" и "словесными" анекдотами о Штирице не исчерпывается обыгрыванием принципиальной двусмыслиности его существования. Если "для возникновения каламбура необходима "установка" на игру словом, причем установка должна иметь целью выразить шутливое, ироническое, сатирическое отношение автора к высказываемому, к адресату, к ситуации и т.д."⁴, то здесь эта установка нередко доводится до крайности, освобождая каламбур от самой презумпции его осмыслиности. Абсурдности многих "сюжетных" анекдотов соответствует бесмыслица целого ряда каламбуров "со Штирицием":

Штириц корил немецких детей украдкой. От украдки дети пухли и дохли.

Штириц потерял передатчик и его весь вечер был озабочен. Озабочен был радиостом и без передатчика работать не мог.

Штириц надвинул шляпу набекрень. Бекрень обиделась и ушла.

Штириц встал спозаранку. Румынская разведчица облегченно вздохнула.

Штириц порол чушь. Чушь извивалась и повизгивала.

Штириц был наверняка. Наверняк отбивался как мог. А Мог был крепким парнем.

Штириц выстрелил в упор. Упор упал навзничь. Взничка вскочила и бросилась наутек. Утек стал защищаться.

Штириц с Мюллером бежали вприскакку. В "Припрыжке" давали свежее пиво.

Олицетворение "озноба" — всего лишь случайное совпадение с анималистическими представлениями наших предков. Оно обусловлено общим принципом порождения каламбуров подобного рода: с реально существующими словами сталкиваются вымышленные для них омонимы — ложные слова, слова-призраки, которые могут существовать лишь под видом экзотических собственных имен. Игра словами оборачивается игрой воображения. "Люди в сугубо фамильярных условиях, — писал о пережитках "вольной народно-площадной речи" М.М. Бахтин, — предаются бесцельной и необузданной словесной игре или отпускают на волю свое словесное воображение вне серьезной колеи мысли и образного творчества"⁵. Она не столь уж бесцельна в анекдотах о Штирице. Ложные слова играют ту же роль, что и фантастическая образность "сюжетных" анекдотов, обостряя и подчеркивая комическую суть анекдотического цикла.

Отклинувшись на появление очередного культурного героя и делая из него дурака, как того требует анекдотический канон, комическое творчество сосредотачивается на роде его деятельности. Обыгрывается совмещение лица и маски, тайного и явного, столь характерное для персонажа из современной версии древнейшего сюжета о том, как "один из нас", преодолев границу (перелез стену, перешел границу, переоделся "по-ихнему", заговорил "не по-нашему", "вскликнул Магмета", как советует Афанасий Никитин, оделся французом, как Долохов), проникает к "ним"⁶. Его двусмысличество осознается как конструктивный принцип анекдотической темы. Это приводит к появлению чисто словесных каламбуров "со Штирицием". Общность особенностей этих каламбуров и пародийных "дублей" к "Семнадцати мгновениям весны" дает основание видеть в них разные уровни комического обыгрывания двусмысличности. Они образуют структуру, свойственную лишь анекдотическому циклу о Штирице. Логика его развития свидетельствует о глубоком проникновении комического творчества в сущность своего предмета, который отнюдь не сводится к однозначному символу брежневской эпохи.

Примечания

¹ О сущности и "оттенках" анекдотической глупости см., например: Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы М., 1990. С. 27–28; Юдин Ю.И. Русская народная бытовая сказка и история // Историческая жизнь народной поэзии. Л., 1976. С. 152–172 (Русский фольклор; Вып. 16); Юдин Ю.И. Типология героев бытовой сказки // Вопросы теории фольклора. Л., 1979. С. 55–61 (Русский фольклор; Вып. 19).

² Ромм, Михаил. Точка отсчета // Москва. 1987. №11. С. 166.

³ См.: Харитонова, Валентина. Анекдоты (статья о подлинных анекдотах со множеством примеров) // Истоки: Альманах. Вып. 21. М., 1990. С. 371.

⁴ Ходакова Е.П. Каламбуры у Пушкина и Вяземского // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964. С. 289.

⁵ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 459.

⁶ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 289.

В.С. БАХТИН

Из городского песенного репертуара 1920-30 гг.

Эпоха романтизма оживила и ввела в сферу высокой литературы жанр баллады, до того существовавший в простонародной среде. Продолжателем этой традиции стал романс. Его черед настал в XIX веке. Романс имеет две модификации: романсы камерные, созданные известными и безызвестными русскими профессиональными композиторами и поэтами, и так называемые жестокие, или городские, или мещанские романсы, бытовавшие в менее образованной среде.

В высоком романсе обычно речь идет о перипетиях любви — встречах, разлуках, изменах, объясняемых движениями самого чувства. В них редки упоминания о смерти, во всяком случае, о насильственной. В романсе жестоком, как свидетельствует само название, концовка обычно одна и та же: погибают либо один, либо оба любящих. Причем это в большинстве случаев убийство и последующее самоубийство. Орудия гибели соответствуют времени — револьвер, поезд или даже самолет.

Жизнь городского (жестокого) романса, который давно уже занял весьма значительное место и в репертуаре деревни, продолжалась и в советское время.

Приведу два текста, обнаруженные мной в альбоме восемнадцатилетней Нины Лебедевой из деревни Сенное Чухломского района Костромской области в ходе экспедиции сектора народного творчества Пушкинского Дома летом 1959 года. Этот объемистый блокнот, содержащий советские песни, песни-переделки, "ответы", романсы, частушки и стихотворные тексты (всего 124 номера), ранее принадлежал женщине 30–32 лет из Ленинграда.

Обе песни нашлись и в альбоме Ираиды Петуховой, 20 лет, из деревни Понизье Чухломского района Костромской области; в 1959 году она служила домработницей в Ленинграде. Альбом заполнялся частично в деревне, частично в Ленинграде.

Песня

Тихо сияла луна серебристая,
Ветер слегка подувал,
Речка журчала тихонько волнистая,
Лес будто что-то шептал.

Мы в этот час под сиренью сидели
И слушали песнь соловья.
Мне не забыть этих милых свиданий,

Буду их помнить всегда.

Долго мы с ней под сиренью сидели,
И вдруг перед нею я встал,
И щечки у неё, как розы, алели.
— Тебя я люблю! — прошептал.

Правую руку на грудь ей положил.
— Тебя я люблю! — прошептал.
И вдруг встрепенулось горячее сердце,
И горько пред ней зарыдал.

— Не плачь, милый мой, я тебя умоляю!
Ведь я тебя тоже люблю!
Порой по тебе я безумно страдаю,
Но быть же твоей не могу.

Ты знаешь прекрасно — отец мой священник,
А ты, милый мой, — коммунист.
Советская власть ведь ему не по сердцу,
Он ярый у нас монахист
(в альбоме явно ошибочно: "анархист" — В.Б.).

— Брось же ты, брось же, голубка родная,
Брось, позабудь про отца!
— Нет, милый, просьба напрасна,
Не брошу отца никогда!

— Последнее слово скажи, дорогая:
Ты будешь моей или нет?
— Твоей никогда, милый мой, я не буду,
Последний мой этот ответ!

Тут в голову пала мысль роковая:
Убью я ее и себя,
Пусть примет в объятья земля нас сырья —
Тогда позабудет отца!

<И вот> из кармана я вынул
Свой маленький новый наган.
Должна совершиться ужасная драма!
По сердцу прошел ураган.

Она, как наган у меня увидала,
Вскочила, хотела бежать.
Но верная пуля в висок поспешила,
Она попытала кричать.

Вот рану рукою она ухватила
И вдруг пошатнулась слегка,
Горячую кровью себя обагрила
Упала и тут умерла.

А я оглянулся. Все было спокойно,
Лишь месяц сиял над рекой.

Очнулся в больнице. И врач предо мною,
Он в белом халате стоял,
И что-то он делал со мною, не помню,
И молча смотрел мне в глаза.
Очнулся вторично. Стояли *<у койки>*
Отец мой и мать *<во слезах>*.
Спросили меня: — Как ты здесь очутился?...
Потом и в нарсуд повели.
— Пред вами я, судьи, всю правду открою;
Священник, ты прочь отойди!
Свяжите священнику руки цепями,
Товарищи, вы за меня.
А мне, партубийцу, расстрел присудите
За то, что закон нарушил.
Но только с красавицей той положите,
Которую ночью убил!

Пилот

Они друг друга любили крепко,
Хотя и были еще детьми.
И часто нежно они мечтали:
— Друг друга не забудем мы.
В семнадцать лет, еще парнишкой,
Служить в пилоты он пошел.
В машине шумной, с звездой на крыльях
Себе утешу он нашел.
Прошло не мало, а пять лет ровно,
И *стало* двадцать два ему.
Писал он часто: "Приеду скоро
И поцелую, и обниму".
Но как-то раз ему писали
Его товарищи-друзья
И злую шутку написали:
"Она не любит уже тебя".
"Ну что ж, не любит, так и не надо —
За что же я тебя люблю?
И что ж мне стоит сделать без страха
С улыбкой мертвую петлю?"
На высоте шесть тысяч метров
Он приготовился и ждал.
"Ну что, не любит, так и не надо" —
И для петли педаль нажал.
Шумел простор, несло машину.
Удар о землю, пропеллер стал.
Пилот красивый с разбитой грудью
Губами медленно шептал:
— Так, значит, амба, так, значит, крышка,
Моей любви последний час.
Любил я крепко еще парнишкой,
Но больше жизни люблю сейчас.
...Его друзья похоронили,
Пропеллер стал крестом ему.
И часто дева на той могиле
Роняла жгучую слезу.

В городе всегда существовало большое количество песен шуточных, политических куплетов, пародий, блестящих песен и стилизаций под них (вроде песен одесского цикла), сходивших к публике с эстрадных подиумов и, наоборот, попадавших на сцену, на пластинки и в самые первые звуковые фильмы из народного обихода ("Цыпленок жареный...", "Я тебя люблю, Дров тебе куплю, А дрова одна осина, Не горят без керосина...", "У самовара я и моя Маша..." и т.п.). Нередко они входили в студенческий репертуар, где тоже могли подвергаться переработке, переосмыслению. После войны их пели нищие в вагонах. Возникла масса новых. И часто случалось так, что песня, всерьез воспринимаемая в одной среде, в другой исполняется как удивительная пародия.

Подайте же, подайте, подайте, гражданине,
Подайте хоть хлеба кусок,
Поскольку у этой Карениной Ани
Остался малютка-сынок!

Как бедная птичка, он ищет прокорму,
И думает часто порой,
Что, может быть, лучше пойти на платформу
И кончить, как мама, с собой.

Ведь он воровать не имеет привычки,
Забытый вдали от людей...
Подайте же, вас просит, братушки, сестрички,
Несчастный Каренин Сергей!

Песня "Семен-пролетарий" достаточно известна. Будучи студентами Ленинградского университета в первые послевоенные годы, мы ее знали и пели. Однако мне не встречались ее публикации. Полагаю, вариант, явно сохранивший черты 20-х годов, следует закрепить печатно (сообщен редактором "Советского писателя" Еленой Никитиной в 1990 г.; несколько неточностей исправлено мной по памяти).

Служил на заводе Семен-пролетарий,
Он в доску был сознательный марксист,
И он же член профкома, и он же член месткома —
Ну, в общем стопроцентный активист.

Жена-его Маруся страдала уклоном,
И наш Семен утратил с ней контакт.
Накрашенные губки, колена ниже юбки —
Ну, словом, безусловно мерзкий факт.

Сказал Сенька Маньке: "Ты брось свои отрыжки,
Ведь ты комплиментируешь себе..."
Маруся ему басом: "Пошел ты к своим массам!
Не буду я сидеть в твоей клубе!"

Стихийно возмутился тут Сенька-пролетарий,
И пошла между ними тут муга:
"Ты шахтинская гада, и нам таких не надо!
С помадовицей кончить нам пора!"

Услышав это дело, тут Манька заревела
И волосы повсюду с себя рвут!
А Сенька не сдается, он своего добьется —
Он маньковщину с корнем изживет!

В.Ф. ЛУРЬЕ .

ПАМЯТНИК в текстах современной городской культуры

Народная городская культура создавалась выходцами из деревни, и ее начальный этап оказывался вторичным по отношению к деревенской культуре. Со временем в городе стали возникать особые отношения человека с его рукотворным окружением, подобного которому не было в деревне. Город развился в сложный культурно-бытовой контекст, в котором человек существовал вместе с различными объектами: зданиями, коммуникациями, памятниками и т.д. В деревенском мире традиционной культуры все имело свои имена, призванные и понятые каждым. Горожанину приходится обживать местность, делая чужое своим. Его мир сильно ограничен пространственно, и окружающий ландшафт часто ощущается враждебным. Не имея возможности изменить его (как это могло бы быть в деревне), горожанин изменяет названия, топонимику, строя новые отношения с различными объектами. Неофициальная микротопонимия, перформансы, фольклор, реклама, граффити, шум проспектов, цвет времен года, тишина кладбищ, бой часов, подневный выстрел — не разрозненные события и факты, а составляющие единого целого — города, с которым у жителей складываются определенные отношения.

Типичный городской объект, с которым возникали особые отношения — памятник (произведение монументального искусства), одна из обязательных фигур русского городского ландшафта начиная с 18-го века. Массовое и индивидуальное сознание горожан выражается в отношении к личности, которой установлен памятник, к художественному решению монумента; к тому, какое окружение получает этот памятник и как он с ним взаимодействует.

Можно выделить 2 типа памятников: в память того или иного лица, события (памятник как носитель информации о прошлом); и памятник как воплощение некой идеи, утверждение которой считается обязательным для всех членов общества. Отношение человека (зрителя) к памятнику может быть нейтральным, негативным или положительным. Судьба памятника в социокультурной среде обитания человека — тема обширная и выводящая на специфику городского фольклора вообще. Ниже будут приведены некоторые тексты и описания действий, в которые горожане включают памятники и сам город. Они принадлежат разным жанрам. Это мифы и слухи, анекдоты и анекдотические случаи, микротопонимика (неофициальные наименования), надписи и граффити, перформансы и ритуалы.

Отношение к памятнику формируется с момента его установки, во время которой может произойти нечто неожиданное, запоминающееся. Истинность событий за давностью лет документально проверить не всегда удается. Сюжет бытует в виде мифа, легенды, слуха или анекдота; у разных рассказчиков акцент на определенном жанре различен. После открытия памятника начинаются взаимоотношения человека с ним. Утверждается данное памятнику имя, или происходит новое наречение. Формируется отношение к нему (не обязательно связанное с личностью того, кого памятник изображает), дается новая трактовка композиции. Кроме того, акцентуализируется определенный ракурс обозрения памятника ("Ленин на корточках", "Воровский, танцующий твист" и др.). Неизбежны шутка и (или) снижение идей памятника. Ненормативный (неучтенный создателями) угол, ракурс обозрения ставит памятник в новую, изначально несвойственную ему ситуацию. Чем и пользуются зрители. Новую трактовку получает каноническая поза героя памятника ("Карл Маркс, предлагающий пиво"). Трактовка, всегда "сниженная", существует параллельно с официальной.

При активном восприятии памятника возможно физическое вмешательство зрителя. Оно может выражаться в добавлении или отнятии элемента памятника, что также изменяет его идею. Обы-

денное общение может выразиться и в сигарете, вставленной между пальцами статуи. Встречаются как традиционные шутки, так и полуритуальные действия, сходные с перформансом.

Памятник в городе не может быть одинок, он вступает в некоторые отношения со всем окружающим ландшафтом. Многие статуи стоят, направив в какую-либо сторону правую руку (реже левую). На фигуры политических деятелей всегда обращали особое внимание — куда именно они показывают и смотрят. Рассказывали о прибалтийских памятниках, ранее смотрящих кто куда (или в сторону Запада), а после присоединения к СССР — строго на восток, на Москву. Если в монументе присутствовало тяжелое вооружение, то его наоборот, отворачивали от востока.

В конце жизни памятника — его разрушение или демонтаж. Это может быть акт частного или общественного вандализма. При всей своей деструктивности это — "обращение" одной культуры к другой. Чаще всего последний аргумент. Широко известны случаи такого разрушения: храмы, статуи Летнего сада, надгробия еврейского кладбища, кладбища.

Существует и особый жанр анекдотов о памятниках различным известным людям. Чаще всего серия анекдотов об определенном человеке пополняется сюжетом о его памятнике, т.е. о жизни после смерти. Известны подобные анекдоты о Пушкине, Гоголе, Ленине и других. Тексты можно найти во многих изданиях современных анекдотов.

Переосмысление идей. Герои остаются прежними, а идея памятника переосмысливается. Верbalная часть таких текстов, как правило, сопровождается жестами.

На одном из вокзалов Ленин пиджаком торгует — за фалды держит и рукой показывает (предлагает).

Ленин на Московском проспекте — танцует леванесу (видно, когда на автобусе едешь).

Баркай дерается за живот (болит!), а Кутузов показывает на аптеку — или, мол, купи лекарство.

Воины-металлурги на территории завода "Серп и молот" танцуют с автоматами в руках танец маленьких лебедей, а недалеко им аккомпанирует Чайковский, который развел руки, точно играет на гармони.

У Никитских ворот стоит Климент Аркадьевич Тимирязев, он очень заторопился, но за несколько метров до общественного туалета увидел, что там теперь коммерческий магазин. В отчаяньи расстегнул брюки прямо на бульваре.

Памятник Шевченко в Киеве. Зрителю предлагается обойти его свади и посмотреть, какой у Шевченко кулак. Кулак огромный. На москвичей.

Наречие. Переосмыляются и герои памятника, и его идея. Опоздавшие на московский поезд: скульптурная группа грустных людей у таллинского вокзала, у одного на руках девочка.

Па-де-де из балета "Андреевские темзы": один из памятников Ленину.

Памятник Пищевикову: Ленин во дворе ДК пищевиков, маленький и толстенький, настоящий пищевик.

Памятник Злой Матери: скульптура "Милосердие" на воротах Воспитательного дома в Москве — подняла руку мать над ребенком ("Вот тебе, вот тебе, сынок!").

Ласковый дедушка: партизан с вытянутой рукой на станции метро "Белорусская". Под нее можно встать, и кажется, что дедушка гладит по головке (это место встречи влюбленных, и дедушка утешает ожидающих).

Памятник электромонтеру: Ленин на возвышении из разных железок (болты, шестеренки и пр.) перед депо Октябрьской железной дороги в Москве.

Двое третьего несут: композиция у кинотеатра "София" в Москве.

Рыболовы-пенсионеры: памятник Марксу и Энгельсу в Петроводске.

Фаллос в лифчике: стела у Московского вокзала.

Последняя девушки Бибирева: бронзовая скульптура девушки, стоящей у дороги в Бибирево, окраинном районе Москвы.

Мифы. Легенды. Слухи.

На вершине Нарвских ворот в Санкт-Петербурге стоит колдун. (Миф бытовал в 1920–30-е гг., записан автором в 1989 г. в Калининской обл. Вероятно, именно он отразился в картине П. Филонова "Нарвские ворота", о сюжете которой ясного представления пока не было).

Как рассказывают, в основании Александрийской колонны на Дворцовой площади Санкт-Петербурга зарыт ящик первоклассного шампанского.

По версиям прохожих, одно из ядер коней Клодта, покрытых краской: 1. расписано непристойностями; 2. изображает собой голову какого-то неприятеля Клодта; 3. на нем есть портрет Наполеона.

Памятник Юрию Долгорукому в Москве. По одной версии, Сталин, по другой — некий старорежимный академик архитектуры, оглядев статую, сказал: "Не мог русский князь на кобыле ездить!". За ночь срочно сделали и приделали что нужно, и исправили кобылу на коня.

Статуя Дзержинского на Лубянской площади в Москве отлиты из чистого золота — "золота партии", чтобы охранять было легче.

Памятник Ленину, у которого было две кепки: одна на голове, другая в руке (или кармане плаща). Рассказывают различно: то как о памятнике, простоявшем так долго ("и сейчас стоит" — так говорили до 1990-х годов, теперь ни за что уже нельзя быть уверенным), то о том, что это было замечено вскоре после установки.

Ритуалы. Известны ритуалы, связанные как с общегородскими памятниками (их проводят курсанты различных военных училищ), так и с локальными, расположеннымными в зданиях (школ и т.д.).

Курсанты явно относятся к расположенному рядом с их домом памятнику как к божеству-покровителю. Во время своей инициации — при выпуске — они что-либо делают с ними ("натирают нос").

На памятник Ивану Круzenштерну моряки-курсанты при выпуске надевали специально сшитую тельняшку (из двух—трех настоящих).

Памятнику у Военно-медицинской Академии при выпуске чистили ботинки.

Там же — натирали пастой ГОИ грудь русалки, сидящей в фонтане.

Коню Медного всадника этой же пастой курсанты-военные инженеры натирали причинные места. В ночь выпуска туда направляют специальные дозоры (часто безуспешно).

Петру Первому — у домаика Петра — тем же натирают нос выпускники-нахимовцы.

На Петра Первого курсанты-выпускники надевают матросский воротник (Санкт-Петербург). —

Горький в Голубом зале 20-го корпуса ЛГПИ им. А.И. Герцена, несомнению, расценивался всеми как Genius loci. На праздники его украшали, и вообще — уважали.

В одной школе стоял бюст Некрасова. Так он частенько был в губной помаде ("Ну совершенно исцелованный!").

Перформансы и прочее.

Футуристы красили траву в Александровском саду в фиолетовый и оранжевый цвета. Ленин, говорят, очень расстроился.

Сидение за спиной всадника — стариное времяпрепровождение.

В Ярославле хиппи на день рождения Ленина покупали кило сосисок и забрасывали их на его памятник. У памятника собирались бродячие собаки и выли.

В февральскую революцию 1917 г. к сабле Скобелева (Москва) прикрепили красное знамя.

Не так давно на огромную голову Ленина в Улан-Уде была специально сшита шапка-ушанка.

В одной больнице в приемном покое стоял фаянсовый бюст Пирогова. Когда наступал час затаилья, когда было уже поздно, все дела были сделаны, анекдоты рассказаны и т.д. и т.п., тогда медсестра шла "Пирогова мыть". Его несли в ванну, тщательно мыли, вытирали, заворачивали в махровое полотенце и несли на место. Однажды бюст разбился, и его склеил один из больных — скульптор.

Гатчина, памятник Ленину на скамейке. Люди садятся рядом (памятник почти в натуральную величину) и фотографируются.

Ленину, стоящему с протянутой рукой (как обычно), в руку вкладывают букет цветов: "На свидание с Армандом".

Рассказы о случаях. Кроме анекдотов, бытуют и рассказы о реальных (или выдаваемых за таковые) событиях.

Одна женщина гуляла со своей дочкой по городу, и они все время встречали памятники. И это все время оказывались или Ленин, или его соратники. Мама так и объясняла. И вот они дошли до памятника дедушке Крылову. И дочка сказала: "Мам, это Ленин и его соратники!".

Сотрудники Академии Художеств были однажды несколько шокированы видом полуголого человека, залезавшего на огромного Геракла (или это был другой столь же выдающийся мужчина и полубог). Причем на статую был натянут бюстгалтер. Пришлось принять действенные меры.

У одной из фигур на ст. метро "Площадь Революции" (Москва) постоянно крали пистолет. Все за этим даже специально следили.

Приморский парк победы. Детская площадка. Большие бетонные звери. Симпатичные. Детишки по ним ползают. Только по одному зверю почему-то не ползают. Ба, да это же бетонный Ленин! Потом зверей покрасили разноцветно, и Ленин стал более выделяться своей серой белизной. А еще потом его закрыли со всех сторон деревянным бушлатом. Напоминало туалет. Приглядевшись в щелку — а он там.

При установке в 1976 г. в Москве памятника Энгельску красновицки оставил его на ночь в подвешенном состоянии. Тросы промерзли, и статуя провисела так двое суток. От нескромных глаз её прикрыли белым полотном, и москвичи прозвали этот памятник "призраком коммунизма".

Портрет Брежнева на углу улицы О. Кошевого и проспекта М. Горького постоянно подновлялся новыми регалиями. За пивным ларьком у стены того же дома, на котором висел портрет, стоял трафарет Звезды Героя...

В городе Вологде стоит на постаменте танк — и все обращали внимание, что ствол его направлен на местное "дворянское гнездо" — дом местной злиты.

Место встречи.

Между ног Маяковского (памятник на станции метро "Маяковская" в Питере), там частенько оттаптывали ботинок, а один милиционер рапорт на хана, слишком намозолившего глаза патрулю, так и начинялся: "Сидел между ног Маяковского".

"Встречайся под яйцами", — говорят в Ростове, имея в виду памятник на главной площади.

На ст. метро "Площадь Революции" (Москва) под каблуком одного революционера влюбленные оставляли записки друг другу, была традиция писать (и читать) записки незнакомым людям.

Девушкам, с которыми курсанты знакомились на танцах, они говорили, договариваясь о следующей встрече: "Приходи проходной, спроси Ваню Круzenштерна. Меня всякий знает". Легковерные девицы так и делали.

Надписи и граффити. Тексты на памятнике — обращение памятника (или его создателя) к зрителям; вступить в диалог позволяют самодеятельные ответные надписи. Добавление письменного элемента может изменить смысл памятника. Традиционный пример — эпиграммы на памятники (изначально на памятниках и писавшиеся).

"Свободу рабыне Иззуре!" — это самое сильное, что можно было себе представить на поверженном памятнике Дзержинскому на Лубянке.

"Дай прикурить, American boy!" — написал кто-то на рекламе Marlboro на ст. метро "Маяковская".

Ю.М. КИСЕЛЕВА

Магия и поверья в московском медучилище

Согласно общему предубеждению, в поисках фольклора нужно ехать в далекие, Богом забытые деревни, к старушкам-долгожительницам. Трудно поверить, что и в наши дни и не где-нибудь, а в Москве можно встретить носителей и современных продолжателей старинных традиций.

Мы познакомились с Галей С. в августе 1988 года. Ей было восемнадцать лет, она училась в медучилище в Москве, собираясь стать массажисткой. В этой современной москвичке трудно было заподозрить веру в сверхъестественное и опыт в народной магии. Гала не проявляла большого интереса к русским народным песням, которые мы нередко пели в ее присутствии, зато любила напевать мелодии из рок-оперы "Христос Суперстар". Она мало чем отличалась от своих сверстниц. Разве тем, что держалась немного особняком и была сначала довольно замкнута и недоверчива.

По-настоящему наше общение началось с разговора о любовной магии, который завязался совершенно случайно. К моему огромному удивлению, Гала рассказала, что у них в медучилище распространены некоторые любовные заговоры и магические средства, и она сама кое-чему там научилась. Например, девочки сказали ей, что нужно кричать имя того, кого хочешь приворожить, в вентиляционное отверстие. Впрочем, Гала это не помогло, сколько она ни кричала. Но потом узнала другой способ — любовный заговор на сигарете. Сначала она не поверила и испробовала его в шутку: курила на перемene и "приговорила" первого попавшегося знакомого мальчика. Успех был поразительный. Правда, потом Гала перестала пользоваться заговорами: поняла, что это грех. Передавая мне свои присушки, она не советовала их применять. Но, несмотря на это, опасалась, как бы заговоры из-за передачи не потеряли силы, и поэтому давала мне их только на обмен. Я рассказала ей одну присушку и один заговор от испуга. Кроме того, Гала не разрешила записывать любовные заговоры, и пришлось выучить их наизусть. Второй заговор (на соль) она дала мне немного второпях и сказала, что он хорошо действует, но использовала ли его сама и откуда узнала, так и осталось мне неизвестным.

В наших беседах участвовала еще одна девушка, моя подруга, но, хотя она была в курсе дела, присушки Гала рассказала мне одной. Зато потом она "подарила" без всякого обмена нам обеим лечебный заговор от простуды, которому очень доверяет и в отличие от любовных заговоров не считает чем-то нехорошим. Этим заговором бабушка лечила ее в детстве от ангины. Правда, по Галиным словам, он помогает только в том случае, когда больного глашили. А определить глаши можно так: надо зажечь три спички над водой, как описано в заговоре от простуды, сломать их четвертой и посмотреть, утонут ли они в воде.

Гала и самой довелось увидеть настоящую знахарку. В 1987 г. она с бабушкой ездила на Украину к какой-то женщине, которая заговорила у нее растяжение запястья. Больше всего Гала запомнилось то, что у знахарки на столе стоял котелок с водой, которая кипела без

огня. Она сунула в котелок Галину руку, и Гала почувствовала, что вода холодная. Колдунья заговорила ей руку всего лишь на год, и рука, действительно, потихоньку начинает болеть. Гала интересовалась, не знаю ли я какого-нибудь заговора, чтобы вылечить руку окончательно.

В последний вечер нашего общения мы говорили о духах, о нечистой силе. Гала искренне верит в домового и носит крестик (чтобы ничего плохого не случилось).

1. Присушка

Сигарету закуриваешь, затягиваешься, говоришь:
 — Царь дым-дымок (затянь на спичку),
 Сделай милость (затяжка),
 Приворожи раба Божьего (иоф.) (затяжка),
 Чтобы он ел — не наедался (затяжка),
 Чтобы пил — не напивался (затяжка),
 К рабе Божьей (иоф.) (затяжка),
 Как корова к теленку (затяжка),
 Как улка к утенку (затяжка),
 Чтобы слово мое крепче камня было (затяжка).
 Аминь (затяжка).
 Аминь (затяжка).
 Аминь (затяжка).

2. Присушка

Разжигаешь печку, кидаешь соль в печку:
 — Иди ко мне, не борись (иоф.),
 Пусть твоя душа болит по мне.
 Как эта соль горят в огне.

3. От простуды

Перелить три раза воду над скобкой (дверной ручкой). Зажечь одновременно три спички над водой, подождать, пока они догорят, сломать их разом с помощью четвертой спички так, чтобы они упали в воду. Если спички утонут, значит больного глашили. Потом бросить в воду щепотку соли.

Крестить заговорившего человека (если "весь болеет", то всего, а если нога, рука, голова, то эту часть тела) и говорить:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков Аминь. На поле стоит велевый дуб, на этом дубе три святителя: Кузьма-Демьян, Михаил-архангел и Цициан — исцели мою болезнь Гали.

Потом набираешь в рот воды из кружки и брызгаешь на больного человека. Затем даешь ему чуть-чуть попить из кружки. Потом опять брызгаешь и говоришь:

— Хворь за порог, бабушке пирог. Гале доброго здоровья.

И эту воду выливаешь за порог, чтобы вода ушла в землю.

4. Быличка

Гала рассказала, что видела домового. Это было в Москве. Ночью, когда она спала в комнате с мамой, вдруг почувствовала странное оцепенение. Проснулась — жутко, и не может ни пошевелиться, ни говорить, как будто давят что-то. Видит, перед ней стоит огромный такой столб дыма, из которого вырисовывается человек. Гала стало очень страшно, но она знала, что нужно сказать: "К худу или к добру?" А говорить не может, только промычала что-то похожее. "Не знаю, разобрал он что-нибудь

или нет, но исчез, ничего не сказал. А потом у меня случилась большая радость, ну, как радость? — мне собаку купили, представляете, девчонки, я с детства мечтала".

Гала сказала, что домовой всегда является к большой радости или к большой беде.

5. Быличка

А бабка в горах мне говорила, что домовой может по-разному появляться, человеком, там, кошкой. Вот она видела домового: большой такой белый кот, огромный, вот как сидящий человек примерно. Она ему говорит: "К худу или к добру?" А он ей противным таким кошачьим голосом: "К добру, к добру". Ну и было добро: казаки приехали в селение, а ее муж на чердаке спрятался, они его не нашли. Это было в гражданскую войну. Ну как? Тоже радость? — ну, для нее-то, конечно, радость. Жив остался.

Вообще, девчонки, это очень страшно, не дай Бог, увидеть.

6. Легенда

Гала рассказывала о каких-то ее знакомых людях, которые ехали на машине в горах и вдруг увидели впереди огромную белую фигуру, женщину в белом. Она стояла прямо на дороге. Шофер очень испугался, остановил машину. Они выбежали из машины, смотрят — а машина стоит прямо над пропастью. Гала сказала, что это была Богородица, она иногда может являться людям.

Легко заметить, что в Галиных заговорах тесно переплетаются древнее и современное, и многое переосмыслено на новый лад. Например, в деревнях известен старинный способ кричать в трубу имя человека, которому хочешь внушить любовь. Труба представлялась магическим выходом в иной мир, и такой зов любимый должен был непременно услышать и подчиниться ему. Теперь же трубу в Москве заменила обычна вентиляция.

С давних времен существуют любовные чаи, связанные с огнем. Огонь должен разжечь в человеке любовную страсть, поэтому Галины присушки с печью и на сигарету имеют древнюю основу. Но сигарета — это, конечно, новинка для магии. Часто используется в заговорах и соль как средство, предупреждающее вредоносное влияние.

Присушки, в которых нужно обращаться к дыму, существуют, но они довольно редки, а само выражение "царь дым-дымок", скорее всего, образовано по сходству с "царь огонь" и "вода-царица".

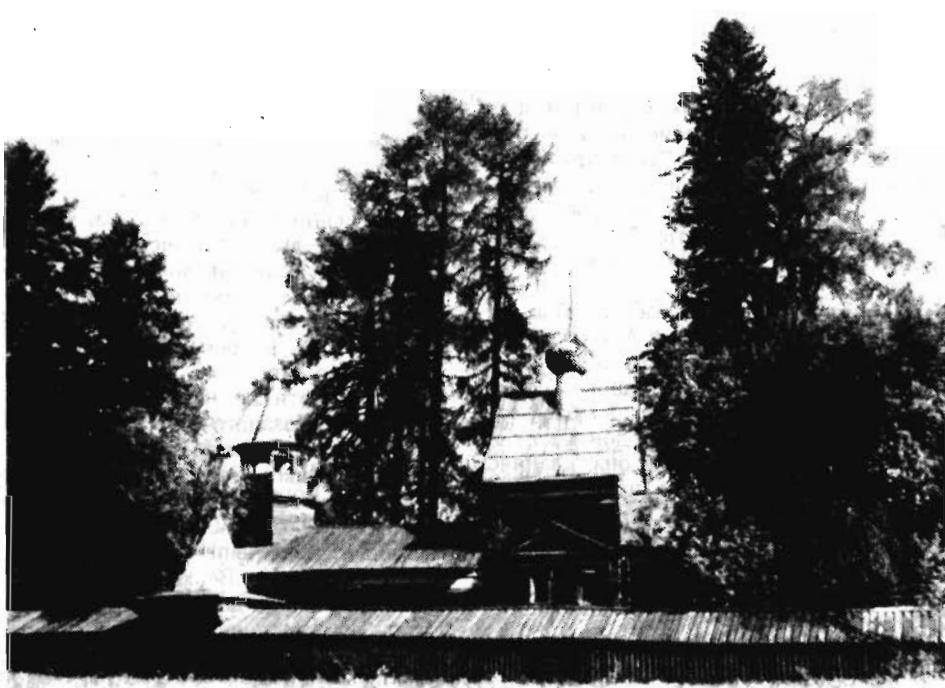
Интересно, что, по словам Гали, нужно обязательно назвать в заговоре имя, отчество и фамилию заговорившего человека. Вероятно, это навеяно привычкой к документам, потому что традиционно в заговоре человека называют только по имени.

В заговоре от простуды концовка по ритму и содержанию напоминает детскую считалку: образным сочетанием "баба", "бабушка" и "пироги" и распределением участников, при котором каждый получает свое (хворь идет за порог, бабушка получает пирог, Гала — здоровье).

Национальный парк в районе Кенозера

Национальный парк в районе Кенозера уникален не только реликтовой северной природой, но и сохранившимися благочестивыми обычаями жителей окрестных деревень. Этот край был заселен пришедшими сюда новгородцами; в прошлом через него проходил древний путь из Обонежья в Заволочье. Хотя ныне состояние деревень плачевно, жители продолжают почитать древние святыни — церкви и часовни, которыми особенно богато Каргополье. Сохраняется здесь и обычай поставлять придорожные кресты. Старые, замшелые, но все еще украшенные полотенцами, стоят они у дорог и в "священных рощах".

Группа из трех поклонных крестов установлена по дороге на Ошевенскую слободу. Еще один — у дер. Ряпусово. Он прислонен к одиночно стоящей, раздвоенной ели. В самой деревне рядом с дорогой прибит к сараю недавно сделанный крест, который увенчен полотенцем; тут же доживает свой век крест старый. Придорожный крест, покрытый двускатной кровелькой, стоит между дер. Горбачиха и с. Поршенское.

Недалеко от дер. Тарышкино на опушке леса расположена небольшая придорожная часовенка — "крест". Ранее в ней стоял поклонный крест, сейчас в отреставрированной часовне висят иконы, украшенные рушниками.

В полуразрушенных храмах Кенозера можно увидеть молящихся, например в церкви вблизи дер. Майлахта. Стоит церковь на высоком холме и представляет собой прямоугольное в основании строение, покрытое двускатной кровлей без глав. Внутри вдоль южной стены протянута веревка, на которой развешаны цветные скатерти и полотенца — приношения верующих.

В с. Поршенское сохранилась церковь XVII в. — клетской Ильинский храм. В Плоонежье храмов подобных этому нет. Вокруг него уцелела рубленая ограда с башенками. Подобная ограда сохранилась еще только на Водлозерском погосте (ограда Кижского погоста возведена относительно недавно). Сейчас церковь отреставрирована.

А.Н. СУЧКОВ
Фото автора.

И.А. МОРОЗОВ, И.С. СЛЕПЦОВА

"Доение коровушки"

(из истории одной народной забавы)

В конце прошлого века в одном из номеров журнала "Этнографическое обозрение" была опубликована заметка П.А. Шилкова "Из быта срочных арестантов", в которой описаны быт и нравы в тюрьме г. Екатеринбурга. Помимо общих сведений об устройстве камер, о взаимоотношениях с сокамерниками, дисциплинарных наказаниях и т.п. в заметке приводятся некоторые "невинные" забавы, «которыми, — как пишет автор, — арестанты коротают свое время, потешаясь более всего над новичками. Эти забавы, — продолжает он, — происходят поздно вечером после поверки, и от них жутко становится вся кому новичку, а между тем никто из них не может быть посторонним зрителем, но обязательно проходит весь курс этих искусств. Эти цианости производятся всегда так, чтобы не знало про них начальство. Надзиратели же никогда не донесут по одному тому, что и сами они находятся в опасности от арестантов и в некоторой зависимости от них. Если же идет на то время начальство, то нарочито поставленный у дверей камеры караульный арестант дает знать условными терминами: "стрема" или "26-ть" — и все стихает, как ни в чем не бывало»¹.

Для большинства описанных П.А. Шилковым забав можно найти прямые соответствия среди старых деревенских развлечений и игр (например, арестантские игры "юром", "ималки" или "жмурки", "суд на хлеб и воду", "ложками", "чехарда", а также игры в карты, косточки и юлку). Некоторые из развлечений очень близки к сценкам, разыгрываемым на святыни ряженными (к таким можно отнести "присягу", "похороны бабушки", "молотье муки").

Выделяется также третья группа забав, которая по многим признакам сближается с народными подщечиваниями и разыгрышами над детьми и подростками, основанными на элементах неожиданности, издевки, насмешки над неопытным или новичком (например, над тем, кого принимали в сложившуюся молодежную группу — "громаду", "шатию", "кагал"). К забавам такого рода можно отнести "колокольню", "шитье халата", "битье ложками", "шипанцы", "банки" и др. Особый акцент в этих забавах сделан на испытания болью: избиение, дерганье за волосы, щипки, а также на разного рода глумление над неофитом (например, его заставляют целовать срамные места).

Особняком среди этих забав стоит разыгрыш, который арестанты называли "доение коровушки". Он заключался в следующем. "Один из более сильных арестантов становится посредине каме-

ры, ему сплетывают руки и ноги полтенцем не очень туго, устанавливают его на пол на четвереньки и заставляют новичка садиться под него вроде того, как женщины доят коров; при этом просовывают его руки и ноги так, чтобы правая рука и нога пришлились промеж рук стоящего на четвереньках (коровы), а левая рука и нога — промеж ног, затем наклоняют ему голову под живот, и коль скоро это готово, то арестант, изображающий собою корову, мгновенно перевертывается и ложится на правый бок. Попавшийся в эту ловушку новичек уже не в состоянии вырваться, так как голова, руки и ноги его крепко защемлены, а остальное все на верху. Тут его поливают водой и бьют чем ни попало"².

Описания этой забавы практически не известны. Правда, в словарях воровского и тюремного языка, появившихся в последнее время, можно найти термин "корова", например, для обозначения новичка, которого берут с собой в побег опытные уголовники для того, чтобы при необходимости съесть его или его печень. Такая изолированность "доения коровушки" создает впечатление, что это специфический вид подщечивания, возникший в уголовной среде.

Правда, в качестве отдаленной параллели этой забаве можно привести встречающуюся на Русском Севере святочную сценку ряженых под название "коровушку доить". Так, по сведениям 1989–1990 гг., в д. Холкин Конец Тотемского р-на Вологодской обл. на святыни в избу вводили на четвереньках голого мужика, измазанного сажей (в некоторых деревнях на него накидывали настоящую коровью шкуру), и поводырь водил его на ремешке, привязанном за шею, по избе. Затем кто-нибудь кричал: "Надо корову подоить!" — и один из ряженых пытался "доить корову" ("подергать за титьку"), а та лягала его "копытом", в чем и состоял интерес сцены³.

Описание подобной забавы было сделано А.Д. Григорьевым в Архангельской губернии. "Корову" изображал мужик в вывороченной шубе, стоящий на четвереньках, хозяйку — разбитная баба или мужик. Хозяйка пытается доить корову, но та не давалась. Тогда она, кланяясь всем в ноги, спрашивала, не найдется ли колдуна или знахаря, а обнаружив его, обращалась к нему с причтанием:

Доброход ты мой, красно солнышко,
Пособи моему горюшку,
Поставь мою коровушку —
Не доит-то моя сердечная
От людей ли злых, ли от Бога
Лгается ноженъками,
Не дает-то мне, бедной,

Подойти с подойником,
Малым деточкам молоко надоить,
Моих порядочных кумушек
Молоком напоить.
Да и нам-то с мужем
Нечем захлебнуть.
Не оставь ты, мой сердечный, помоги,
Застаив за себя вечно Бога молит
И вечно Бога благодарит.
Ведь и коровушка-то у меня, батюшка, издой,
И доит-то она, сердечная... (непечатно).

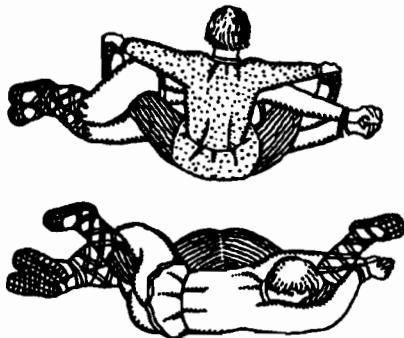
Колдун старался "поправить" корову: гладил ее и нащептывал. Но когда хозяйка принималась доить ее, та опять начинала лягаться. Колдун, рассердившись, желал ей околеть или чтоб ее медведь съел. Хозяйка ругала колдуна: "Типун тебе на язык, чтоб тебе приспело... (непечатно)". После перебранки хозяйка вновь искала колдуна, но и новый колдун был не в состоянии ей помочь. В конце концов она уходила с ковой⁴.

Известна также подобная сценка с доением козы⁵.

Во всех этих сценках привлекает внимание деталь, которая, по-видимому, и обусловила их применение в качестве разыгрыша или насмешки ("подергать за титьку"). Обращенность к теме телесного низа, различные манипуляции с половыми органами осмеиваемого (например, издевки и насмешки над ними) — очень характерная деталь для любой подростковой или молодежной среды. Действительно, целый ряд развлечений на посиделках был связан с обрядами инициации — приобщения к престижному кругу старших парней и девушек или взрослых. Подобные развлечения практиковались чаще всего как шутки над малоопытными несведущими новичками, хотя и заключали в себе довольно сложные, иногда почти акробатические трюки, то есть по существу являлись спортивными упражнениями. Упомянутое выше назначение этих развлечений обуславливало их употребление в очень интимном, узком кругу сверстников, как правило одного пола.

Одним из непременных составных элементов забав такого рода являлась и смеховая эротика — использование уязвимости и беззащитности испытуемого для разного рода мелких насмешек: заголения, щипков, толчков и т.п. К ним относятся и забавы с кувырками, то есть напрямую перекликающиеся с описываемым развлечением арестантов. Так, в д. Мокиевская Верховажского р-на Вологодской обл. девочки-подростки на посиделках до прихода парней "имали лисицу". Для этого уговаривали одну, чаще неопытную, подружку быть "лисой". Вторая — обычно девушка "в теле"

— соглашалась быть "кряжем" (охотничий капкан из расщепленного бревна для ловли средних и крупных хищников). Ей связывали ноги и поднятые над головой руки и укладывали на бок. "Лисица", усевшись напротив нее, просовывала свои ноги между ног и между рук "кряжа", "защемив" их, а затем, наклонившись вперед и положив голову на бок "кряжа", захватывала руками пальцы своих ног. Проделав все это, двое добровольных помощников слегка приподнимали "лисицу", а затем резко опрокидывали ее через голову на спину. Одновременно "кряж" перекатывался на другой бок и "лисица" оказывалась прижатой к полу, не имея возможности двигаться или даже сопротивляться, что, наряду с ее отчаянными попытками освободиться, и служило поводом для веселья окружающих⁶.

"Лисицу в кряж имать". Рис. С. Иевлева

В д. Лышное Кичменгско-Городецкого р-на Вологодской обл. "запряженная лиса" выглядела так. Игроκу связывали кисти, он приседал так, что ему можно было просунуть палку в сгиб локтя и под коленями. После этого "лису" отпускали на волю и потешались над ее попытками освободиться, кувырками и падениями. В дд. Аристово и Телячье Велико-Устюгского р-на Вологодской обл. "лису" или "петуха" дети катали кубарем по полу. В д. Островская Верховажского р-на Вологодской обл. "попавшая в кряж лисицей" становилась молоденькая неопытная девушка. Одной из подруг привязывали скрещенные крест-на-крест руки к ногам, а затем переворачивали ее на спину и, хохоча, рассматривали, щипали, толкали. Так шутили на вечерованных девушки, когда не было парней⁷.

Вполне закономерно появление в этой забаве такого персонажа, как "петух" (ср. его употребление в воровском жаргоне, а также "петух" в качестве персонажа ряжения, напоминающего "коровушку"): ему привязывали руки к ногам или засовывали руку и ногу в один рукав, а другие руку и ногу во второй рукав шубы и застегивали ее на спине, а затем перекувыркивали, задирали подол и т.п.⁸

Встречались среди молодежных забав подобного рода и варианты с "коро-

вушкой". Скажем, в д. Середская Тотемского р-на Вологодской обл. "доили коровушку": привязав руки к ногам, ставили "коровушку" на колени и начинали толкать и щипать ее в самые уязвимые места. Особенно при этом, конечно, усердствовали соперницы. В д. Аристово игрок повзрослея со связанными руками и ногами ложился животом вниз, а второй игрок — "корова" — просовывал между его связанных ног и рук свои ноги, а голову ему помогали просунуть под живот товарища. Затем первый игрок вставал на четвереньки, а "корова" повисала под ним под хохот и насмешки приятелей: "Корову запрегли!"⁹

Как видно из описаний, молодежные варианты "доения коровушки" очень близки к арестантским. Возникает закономерный вопрос, предшествовали ли деревенские варианты тюремным (значительная часть арестантов происходила из "необразованных классов") или же, напротив, они проникли в северные деревни из среды ссылнопоселенцев.

Некоторые сомнения в "исковности" вызывает также довольно редкое для русской игровой терминологии название "лису запрягать". Лиса как игровой персонаж гораздо более частотна в Западной Европе, в том числе у западных славян, а кроме того встречается в одной весьма характерной украинской молодежной забаве, бытовавшей и в Словакии, Чехии, Польше, то есть в регионе, прилегающем к Карпато-Моравскому ареалу с его ярко выраженным традициями "парубоцких громад" и профессиональных групп (например, пастухов). Эти забавы под названием "лису" или "козу дратъ" (реже "кота дратъ") заключались в специальных болевых испытаниях для неискушенных новичков. Например, двое участников, став спиной друг к другу, предлагали не подозревающему о каверзе новичку пролезть у них под ногами и в этот момент зажимали его ногами, а затем устраивали ему своеобразную пытку с заламыванием рук и ног, дерганьем за волосы, щипками, трением и т.п. Множество похожих забав с перетягиванием, а также с кувырками встречается в Словакии¹⁰.

Приведем еще одну из них.

Игра называлась "лазить в лисью нору" ("vložit' do liščí díry"). Один из мальчиков изображал "лисью нору": он вставал, расставив ноги на ширину около 10 см, затем наклонялся и опирался ладонями о землю. Ему связывали запястья и щиколотки так, чтобы перевязь не была слишком тугой, но при этом не сползла на землю. Его товарищ, тот, кто изъявил желание "залезть в лисью нору", садился рядом с ним и засовывал свои правую руку и ногу в ремень на руках, а левую руку и ногу — в ремень на ногах (если садился с другой стороны, то наоборот). Когда "лиса" оказывалась в норе, первый ("нора") быстро переворачивался на бок и распрямлялся. Если второй влезал с правой стороны, то переворачивался на правый бок,

если с левой — на левый. У того, кто "влез в нору", руки и ноги оказывались широко растопыренными, что иногда могло быть довольно болезненно, особенно для ног. Одного урока бывало вполне достаточно, и во второй раз в "лисью нору" никто не лез¹¹.

Дальнейшая судьба такого рода забав связана с подщечиваниями и розыгрышами, а также с наказаниями за различные провинности. Например, на Русском Севере "петушком" могли запрягать шалунов и оставлять их так на некоторое время.

Столь широкая география забав типа "доения коровушки", а также их функциональная направленность (испытание новичков) позволяет предположить их глубокую укорененность в традиционной культуре. По-видимому, аналогичным испытаниям могли подвергаться и посвящаемые в традиционных переходно-посвятительных обрядах (инициационных), связанных со вступлением в другую половозрастную группу и т.п. В пользу этого свидетельствуют, на наш взгляд, и разнообразные молодежные забавы с кувырканием перед Рождеством, во время святок, в "соломенную неделю", в которых явно просматривается символика обрядового брака и койтуса¹².

Основные признаки этих испытательных розыгрышей и шуток (дерганье за волосы, кувыркание, щипки и т.п.), судя по всему, не зависят от социальной среды, а зависят от конкретных условий вступления в группу, доступ в которую ограничен по тем или иным причинам.

Примечания

¹ Шилков П.А. Из быта срочных арестантов // Этнографическое обозрение. 1891, №4. С. 159.

² Там же. С. 162.

³ Записано в д. Холкин Конец Морозовым И.А. в 1990 г. от Трескина Александра Александровича, 1922 г.р.; в д. Бархатово Кирилловского р-на Вологодской обл. Лавицук Е.И. в 1990 г. от Зайцева Сергея Петровича, 1922 г.р.; в д. Росляково Белоэрского р-на Вологодской обл. Морозовым И.А. в 1989 г. от Ильиной Прасковьи Ивановны, 1908 г.р., и Масловой Анны Андреевны, 1918 г.р.

⁴ Отдел редкой рукописной книги Славянской библиотеки г. Прага. Фонд А.Д. Григорьева. Список рукописей: А. Рукописи Пинеги Архангельской губернии, с. Покровское [?]. Приносим глубокую благодарность А.Н. Мартыновой, любезно предоставившей авторам эти материалы.

⁵ Морозов И.А., Слепцова И.С. Праздничная культура Вологодского края. Ч. 1. Свяtkи и масленица // Российский этнограф. 1993, №8. С. 214–216.

⁶ Там же. С. 153–154.

⁷ Там же. С. 155.

⁸ Там же. С. 224.

⁹ Там же. С. 154–155.

¹⁰ См.: Vranecký, Joža Ország. A mél sem ja pišálenku. O lidových hudebních nástrojoch, dětských hráčkách a hrách na Moravském Valašsku. Ostrava, 1963.

¹¹ Vranecký, J. Op. cit. S. 106.

¹² Морозов И.А., Слепцова И.С. Ук. соч. С. 149–155.

Н.Н. ПОКРОВСКИЙ

Рукопись сибирских старообрядцев на бересте

Вот уж поистине живая старина: книга на бересте, созданная осенью 1991 г. в сибирском таежном поселении. Написанная старинным полууставным почерком в духе древних жанров православной литературы. Здесь толкование на Апокалипсис, духовные стихи, плачи, нравоучительные наставления. Но рядом — куда более современный акrostих: начальные буквы его строк складываются в имена автора и адресата, людей нашего столетия. Да и в тексте всех произведений вместе с древними языковыми и литературными формами постоянно присутствуют реалии XX века.

...Береста, древнейший материал для письма у восточных славян со времен начала нашей письменности и государственности, применялась для этих же целей в Сибири с самых первых шагов ее освоения русскими. О книгах и документах на бересте упоминают сибирские источники XVII и XVIII веков. Отдельные листы исписанной бересты, а иногда и маленькие берестяные книжицы с текстами молитв, псалмов давно уже попадались и в ходе наших археографических экспедиций по сибирским старообрядческим поселениям. Но берестяная книжка "Стихосложение" в 36 страниц, написанная на берегах Енисея и приписанная ее создателем в новосибирский Академгородок в подарок археографу Н.Д. Зольниковой и мне, — явление уникальное, ибо в ней собрано несколько неизвестных сочинений современных крестьянских авторов, живых носителей традиций древнерусской литературы, книжности. Один из таких авторов, старый знакомец сибирских археографов Афанасий Герасимов, во время одной из наших экспедиций на Енисей показал Н.Д. Зольниковой некоторые из написанных им духовных стихов. Она попросила записать для нас его стихи на бересте: Афанасий показывал ранее свои берестяные "письма". В ответ на эту просьбу и была создана книга, хранящаяся ныне в собрании Института истории (Новосибирск).

Прекрасной выделки бархатистая береста исписана четким почерком Афанасия Герасимова с соблюдением многих древних правил книжного искусства. Это не только языковые и литературные каноны, но и расположение текста на листе, употребление киноварных заголовков и инициалов, отсылки на полях к текстам Священного Писания, система сокращенных написаний многих древнерусских слов. Талантливый писатель из сибирских крестьян Афанасий Герасимов является автором нескольких произведений этой книги, другие созданы его добрыми знакомыми и единомышленниками, старцами-пустынниками одного из самых крупных согласий сибирских старообрядцев — часовенного.

Книгу открывает "Замечательное путешествие", излагющее разговор 1948 года Афанасия Герасимова с его учителем отцом Симеоном. Это краткий пересказ большого сочинения Афанасия. В нем делается новая попытка истолковать известные пророчества Откровения Иоанна о семи фиалах Господнего гнева применительно к реальным событиям не только древней, но и новейшей истории.

Нужно сказать, что схема мировой истории, оценка на фоне этой истории современных толкователю событий отличаются большей широтой и детализированностью, чем это было по традиции принято у многих средневековых и старообрядческих толкователей знаменитейшего новозаветного текста. Авторы апокалиптических толкований чаще всего приходили к выводу, что они-то уже живут в самые-самые последние времена вплотную приблизившегося конца света. Это ощущение со второй половины XVII в. постоянно питало и наиболее радикальные направления старообрядческой эсхатологии, учения о конечных судьбах мира и человечества, о последнейхватке победившего на земле Антихриста и предвечных сил добра. Сибирским староверам-часовенным было известно многое из этого идейного наследия подвижников раннего старообрядчества, видевших в трагических картинах Апокалипсиса совершившееся на их глазах, при патриархе Никоне и затем при царе Петре, отпадение пресветлой благоверной Руси в царство торжествующего Антихриста. Это было, по их мнению, третье и последнее перед концом света отпадение — первым было около 1000 года отпадение католического мира от православия, вторым — отпадение в унию около 1600 года западной части украинских и белорусских земель. Третий этап — утвердивший на Руси реформы Никона собор 1666 года, когда к первой благочестивой тысяче лет прибавилось "звериное число" Апокалипсиса 666.

Критика "неистинных", "безбожных" царей в подпольной старообрядческой литературе XVIII—XIX вв. логично перешла в нашем веке в острейшее неприятие и осуждение богоборного советского режима. На страшные реалии коммунистического ГУЛАГа характеристики апокалиптического зверя накладывались еще успешнее, чем на гонителей древней веры в прошлые века. И Афанасий Герасимов, и его скитские наставники о. Симеон и о. Антоний в своих сочинениях, тайно переписывавшихся и распространявшихся старообрядцами, дали беспощадные характеристики колхозному рабству, ликвидации коммунистами частной собственности и торговли, государственному террору по отношению к народу своей страны, искоренению основ его традиционной культуры и веры. А стремление к созданию всемирной коммунистической империи толковались ими как путь к предсказанному в Писании всемирному царству Антихриста накануне Армагеддона.

Однако в сочинениях часовенных нашего столетия трагическая масштабность происходившего на их глазах слома не заслонила тесной причинной связи этих событий с расколом России во времена Никона и Петра. Нынешние беды России — следствие все того же "отпадения" в XVII в. страны от своих древних корней, хотя преследования и мучительства времен Аввакума и Хованщины оказались далеко не последними. Одним словом, как любят ныне повторять А.И. Солженицын, еще в "Архипелаге ГУЛАГ" высоко оценивший вековое сопротивление староверов Начальству, трагедия России началась не в семнадцатом году, а в семнадцатом веке.

В статьях Н.Д. Зольниковой, посвященных творчеству о. Симеона и Афанасия Герасимова, анализируется эта доминанта эсхатологического сознания современных енисейских староверов — ощущение непрерывной причинной связи российской трагедии XX века со всемирными катаклизмами прошлых столетий¹.

На Урале наши коллеги-археографы приобрели рукописный сборник с миниатюрами на темы Апокалипсиса, где Антихристу приданы черты царя Петра I, а войска, направляемые им на разгром убежищ истинно верующих, одеты в мундиры петровских полков.

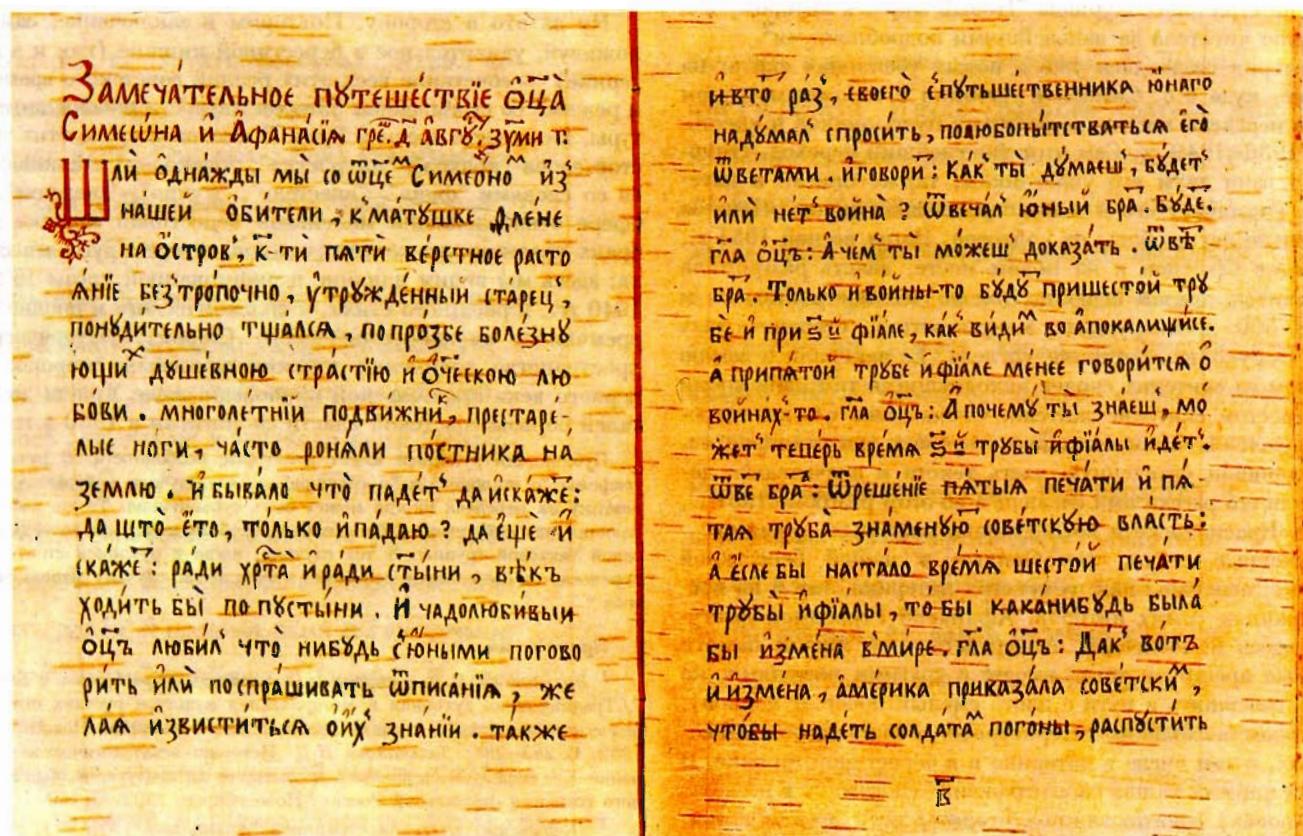
Но интересно отметить, что в издаваемом тексте берестяной книги, в беседе с о. Симеоном, которую автор отнес к августу 1948 г., переживаемое им время еще далеко не конец света, не самые последние беды. Это только пятый из семи периодов мировой истории после Христа. Впереди и всемирное воцарение Антихриста, и новые, более страшные войны — человечеству еще долго страдать до второго пришествия Христова. Среди этих будущих бед перед приходом "последнего чорта" (термин Аввакума) современный старообрядческий автор с берегов Енисея называет — вполне по Писанию — и смену всеобщего неверия широчайшим распространением ложных вер, наряду с сохранением немногими истинной веры отцов.

А истинная вера, по давнему убеждению старообрядцев, возникшему еще в годы первых гонений XVII в., может сохраниться лишь в тайных малодоступных убежищах, "вертепах и пещерах", вдали от шумных "мирских плащней". Большинство сюжетов нашей берестяной книжки связаны с историей одного из таких убежищ — небольшого скита, точнее группы скитов, спрятанных в непроходимых енисейских лесах. По дороге от одного из этих скитов

в другой и происходила 9 августа 1948 г. "замечательная беседа" Афанасия с главным скитским авторитетом о. Симеоном. А духовные стихи о. Виталия, о. Макария и Афанасия посвящены разгрому енисейских скитов карельским отрядом МГБ на Пасху 1951 г., суду над скитскими жителями и последовавшей уже в лагере смерти о. Симеона, отказавшегося принимать пищу от антихристового лагерного начальства.

Сейчас, после долгих отяжек, нам наконец представили возможность познакомиться с материалами того суда. Скрупулезно собранные доблестными советскими чекистами 11 томов доказательств антисоветской пропаганды и агитации отцов-пустынников четко подводили под пресловутые статьи 58–10 и 58–11 апокалиптические сочинения о. Симеона и его предшественников — их специально для суда один из следователей довольно грамотно перевел на современный русский язык. Среди предъявленных пустынникам пунктов обвинения был и такой: "Клеветали на советскую науку, утверждая существование Бога". Допросы среди прочего прояснили систематическую деятельность о. Симеона по сабиранию письменных и устных свидетельств истории своего согласия, своего скитского центра. Несколько таких свидетельств, содержащих записанные по настоянию о. Симеона рассказы о первых советских репрессиях по отношению к сибирским крестьянам-старообрядцам, составили небольшую берестяную книжку. Она была написана в скиту незадолго до разгрома 1951 г. и приложена в качестве "вещдока" к одному из томов следственного дела.

Уральские (а позднее и сибирские) старообрядцы-часовенные более двух веков записывали и хранили свою историю. Их первые исторические сочинения, ставшие изве-

Разворот рукописи на бересте Афанасия Герасимова

стными в ходе археографических экспедиций новосибирских и екатеринбургских ученых, рассказывают о местных событиях с начала XVIII в. Эта письменная традиция чуть было не пресеклась в годы особенно упорных преследований старообрядчества при Николае I. Но уральские часовенные все же сумели сохранить память о своем прошлом, а в конце XIX в. по постановлению Екатеринбургского собора 1887 г. они создали единый свод своей истории. Это обширное сочинение, называвшееся "Родословие часовенного согласия", было написано на основе нескольких старообрядческих произведений XVII — XIX вв. и многочисленных устных преданий о. Нифонтом, возглавлявшим тогда главный скитский центр часовенных на Урале, возникший еще в первой четверти XVIII в. В сибирских старообрядческих поселениях нами обнаружено 5 рукописных списков этого труда с разными приписками более позднего времени о событиях в разных скитских центрах Сибири, генетически связанных со скитом о. Нифонта.

Сам главный скит о. Нифонта переселился в Сибирь в несколько приемов в 1897—1917 гг. — подальше от цивилизации, властей и "мирских птиц". Позднее туда же ушли обитатели еще нескольких старообрядческих скитов Урала. Преемники о. Нифонта по руководству скитом о.о. Савва, Симеон и Антоний предпринимали немалые усилия по сохранению, фиксации истории своего и соседних скитов. Сначала создавались продолжения "Родословия", а позднее о. Симеон со своими последователями осуществил масштабный замысел написания трехтомного "Уральского патерика", содержащего историю уральских и сибирских пустынников с XVIII в. по 1980-е годы. Недавно мы получили возможность скопировать текст этого патерика и сравнить его с другими историческими сочинениями часовенных. Мне доводилось уже рассказывать об этом на страницах журнала "Новый мир", к которому я и отсыпаю читателя за дальнейшими подробностями².

Патерик создавался уже в новых убежищах скита, на Енисее, куда о.о. Симеон и Антоний с огромным трудом тайно перевели несколько десятков пустынников и крестьян в 1936—1940 гг. Сам этот тяжелейший переход, стоявший жизни двум его участникам, также описан в патерике, упоминает его и наша берестяная книжка. Цена за несколько лет свободы от колхозов. Когда весной 1951 г., выследив беглецов и на новом месте, власть разгромила эти скиты, предав огню не только все постройки, но и более 500 древнерусских манускриптов, старопечатных книг — рукопись патерика уцелела. Ее закопали в землю в одном из скитских сараев находившиеся там одно время под арестом скитские жители. Огонь лишь слегка повредил рукопись. Много позднее старообрядцы откопали ее, восстановили утраченную часть текста и значительно дополнили его рассказами очевидцев об этом разгроме 1951 г., суде в Красноярске и последующих лагерных мучениях.

Духовные стихи, помещенные в нашей берестяной книжке, основаны как на текстах патерика, так и на воспоминаниях самих авторов. Афанасий Герасимов выступает здесь и носителем непосредственной живой памяти (он был арестован тогда вместе с другими жителями, но сумел совершив в пути с плота смелый побег от конвоя), и автором нескольких литературных сочинений об этих событиях, в том числе в патерике и в берестяной книжке. В стихах книжки нашли свое отражение (подчас — в нескольких словах) многие важные стороны всей этой истории, подробно описанные в патерике: трудности переселения на Енисей, внезапный набег карателей, поиски все новых

тайных убежищ и связанные с этим пытки пустынников, сожжение скитов со всей святыней, обыски, путь на платах в тюрьму, жестокое следствие, суд и лагерные мучения.

Есть и другие источники: А.И. Солженицын в "Архипелаге ГУЛАГ" изложил события на основании лагерных рассказов. Чекистский взгляд отражен в судебно-следственных материалах; конечно, мы напрасно будем искать в этих материалах упоминания о тех изощренных, поистине зверских пытках, которым подвергали пустынников начальники карательного отряда, выпытывая у них местонахождение тайных убежищ (а иногда стариков пытали и просто для собственного развлечения). Кстати говоря, один из карателей — любивший в перерыва между гнусными пытками поспорить со старцами о Боге, Антихристе и мировой революции — выслужившись позднее до должностей генеральских, уже в горбачевское время командовал репрессивным аппаратом огромного края в пол-Европы. Из следственного дела узнаем, что подчас не так уж и важно было для карателей получить эти сведения о соседних убежищах: ни пытаемые, ни авторы духовных стихов, упоминавшие об этих пытках, и не подозревали, что еще до начала всей экспедиции план всех избушек и землянок чекистами уже был составлен. И еще следственные материалы показывают, что (как и писал А.И. Солженицын) карательная экспедиция 1951 г. была далеко не единственной в этих краях: власти, имея в своем распоряжении и авиацию, и осведомителей, постоянно прочесывали леса в поисках укрывающихся от колхозов и марксизма-ленинизма. Подумать только, что сегодня идеи наследники этих карателей-коммунистов лицемерно кричат об оккупационном режиме — вот именно тогда, в 1920-х — 1950-х годах, был режим! А в лагерях не только о. Симеон, но и мы через несколько лет застали очень бдительных начальников по режиму.

Ну да это в сторону. Повторим в заключение: самое, пожалуй, удивительное в берестяной книжке (как и в патерике) — сочетание всех этих реалий советского времени и режима со стремлением авторов соблюсти каноны литературы, книжности древней Руси. В языковой среде этих текстов слова "колхоз", "пятилетка", "одеколон" сталкиваются со словами "фиал", "власти", "купно", "снедение". В сфере стихосложения маленькая берестяная книжка вошла в традиции нескольких этапов истории русского стиха: здесь мы видим влияние и рифмованной прозы 1620—1640 гг., и раешного стиха, и силлабического и вполне современного силлабо-тонического (хорей). Историческое пространство сочинений книжки предельно широко: от первого века апостольской проповеди после Христа до деталей борьбы советской власти со скитами в 1950-х годах.

Публикация рукописи имеет некоторые особенности. В рукописи графемы "о широкое" и "о обычное" в ряде случаевней нейтрализуются, поэтому их передача иногда может быть субъективна. То же касается наличия или отсутствия уменьшенного пробела между словами внутри одной тактовой группы. В тех случаях, когда в рукописи стоит знак переноса, он передается дефисом, в остальных случаях используется анак «».

Примечания

¹ Эльникова Н.Д. Современный писатель-старообрядец с Енисея // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 283—288; Эльникова Н.Д. Историко-эсхатологическое сочинение ХХ века // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 160—190.

² Покровский Н.Н. За страницей "Архипелага ГУЛАГ" // Новый мир, 1991, №9. С. 77—90; Покровский Н.Н. Скитские биографии // Новый мир, 1992, №8. С. 194—210.

СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Замечательное погашение ющада
Симеона и Афанасия греческого. Давгаган. зуми г.
Шли однажды мы со ющем Симеоном из
нашей обители, к матушке Длени
на остров, к-ти пати вёрстное расто-
аное без тропочно, утраждённый старец,
понадительно тщался, по прозбе болезни=юши^х дешёвною страстью и ющескою лю-
бови. многолетний подвижник^х, престаре-
лье ноги, часто ронали постника на
землю. И бывало что подёт да искалече:
да что это, только и подаду? да ешё и
скаже: ради христа и ради стёпки, въекъ
ходить бы по пустыни. И чадолюбивыи
ющ любил^х что нибудь с юными погово-
рить и по спрашивать ющисамя, же-
лая известиться о них^х знании. также

и вто^х раз^х, своею с погашениемника юного
подымал^х спросить, полюбопытствовать ег^о
ющами. и говорил: как ты думаешь, будет^х
или нет война? юный брат. Будет^х.
где ющ: а чём ты можешь доказать. ющ
брата. Только и войны-то будущий пришестий трево-
бё и приз^х фтиле, как видим во апокалипсисе.
а припятой тревебё и фтиле мене говоритсѧ о
войне^х-то. где ющ: а почему ты знаешь, мо-
жет^х теперь время ющих тревбы и фтиле идет^х.
ющ брат: ющешене патыя пеуати и паты-
я тревба знаменую советскую власть:
а если бы настало время шестой пеуати
тревбы и фтиле, то бы какнибудь был^х
бы изменена в мире. где ющ: да и изменена,^х
америка приказала советски^х,
чтобы надеть солдата^х погоны, распустить

В

колхозы, выпустить тюремны^х, и была вон-
кала война, а думаю что теперь ющ
тревба идет^х. Рече брат: как это изменена,
ты сам^х ющие знаешь? какое прежде были
изменены. ющешене да и пеуати знаменует^х
апельскую проповедь: были законы заповеди
и правила богоугодны юсты. По ющешене
важа пеуати, знаменует^х власть мучителей
царей, их^х законы и заповеди были бого-
зски и апельски противны. ющешене Гий
пеуати, знаменует^х благочестие юконстанти-
на великого и до римского юподенка: и ю-
пать закон^х и правила были благочестны и
мучительски противны. ющешене да и пе-
уати, знаменует^х время юримского поде-
нка, и до свержения церковной власти в 1917 г.
и опять закон^х и правила стали пагубныа ере-

тические и противны благочестии. По ющеш-
ене ющие пеуати: И видел^х (рече) по Олатре^х душа
избенны^х за слово юже и засвидетельство ю-
же имах^х. И возвыша гласом велии^х, глюще:
доколе вако наше^х стыи и истинны^х, несдиши
и немстящи кропе наше^х юживши на земля.
Это пророчество сбылось, когда южас свергли, и вс^х
князей еп^хиков попов^х сщеников^х, стали мучить
казнить мстить любодеище юрима науальств-
ющеи излившей кропи сты^х. Где попустил^х и
безбожники отомстили ющ: и уставили свой
закон^х и правила богоугодныа, и вс^х дре-
ни^х противныа. во^х какая разница в пеуате^х.
как будет^х другим пеуать, так^х и другое
время буде^х. также и тревба, ющ тревба з-
наменует^х патиуное время, сире^х патилетки.
и среволюции ющо время идет^х патилетки ю

Г

сейчас'. А когдà бывде^т ѿрешёнє єшь пеуати и
и трубы, то спать бывде^т драгое врема, и
другой закон' и правил. сейчас' говоря^т что
бога не^т, а пото^м закрича^т что : бог' воцарился,
пріидите поклонитеся ему^т. А думаю что
воструби^т єшь трубы, и бывде^т война и антих-
рист' воцарился. и при єшь флаге глаголется
брмагед'дон', сире^т: хитрое выгублене^т войскъ.
и это все а понимаю что бывде^т в'переди, и
должно быть большо^е опустошёнє народа.
гла ѿцъ : а у рязве мало заёт^т войну было
убито, почи^ти да года танчлась война.
реуне бра^т : Хотя и большо^е было война, но
она при патой трубе, а при єшь должна
быть больше : потому^т что при шестой то,
только о войнах' и пишет^т. єздра пррк' гле^т :
Пройд^т непуколеблемо до вавилона, и разр^т

< к строке 16 > : гла . єї
Г . кнн .

стихосложёнє вер^т. Вита^т.

Множество грехов' моих' воспреща^т, боле=
знь же срыва^т по очурает^т. Писать о разоренїи
шбйтелей, и о страданїи пустынно-жителей.
И аз' со скорбью в'дши и болезню срыва^той, про=
шъ теба творец' превечной. Подаждь ми
разум' показать, и немного слов' о сих' сказа^т.
Дз' малейши^т в'члщех' и сквден' разумом' весма^т,
но аще вышний извбли^т, то и глаглом' подас^т
ум^т. Сколько пеуально и прискорено, слы=
шать повесть об'юща^т, страшна бура прогре=
мела в'ето^т гдё вси^т конца^т. Грозны влас=
ти прибежали, словоно гастреб' на птенцов',
они кельи скрежими, и пытали тут^т ющов'.
Швы^т лестными словами, что свободой о=адра^т, швы^т палками ремнями, да всю^т про=
вд^т говоря^т. Старши^т крепко добивались, и
где живут^т ющи^т ешь, что палки треска^т ло-

ша^т ег^т. а сейчас' єшь вавилон' не разрывшён',
сире^т рым'. а гле^т єздра : излю^т звезды и всю
мощь на^т. поэтом^т єшь та война в'переди
ужасна^т, о кото^рой глет^т єздра : и бывде^т ре=
чё кровь ѿ меуа^т даже до утробы, и гнои^т члн=
ски^т даже до седла верблюжья : должны єшь
разрушить англую америку италию, и постать
в'ни^т советскую власть. гле^т во апокалифи^т
блова. десять рогов' Гцидрей суть, аще и неца=
ри^т по област^т яко црк^т имети бывдят^т, и си^т
един^т имят^т волю, и силы и област^т свою зве=
рю ѿ дад^т. и гла ѿцъ : поэтом^т єшь война
бывде^т? и просветися англовидное лицо ѿцъ,
и породовася бозарное ег^т срце, ему^т понра=
вились ѿвёты юнаго брата. И єшь иного^т
глово^т было много^е. сие^т же паче важнейшее
списал^т себ^т надолгую память.

А

мались, о братское плече. Но сколько братцы не
держались, но укрепиться не могли, напослед^т
расказали, и к'юща^т их^т привели. Что же пронес
осталось, только стоит^т воздухнуть, вешай збор^т
об'авили только несколько минут^т. ющов'
искели из'гана^т, как^т видно на всегда^т, и ѿ бга=
на^т не штаётся, стройки их^таго труда. На
тогльчес^т их^т привода^т, да и тут^т немного жить,
только иного^т им^т пеуали, много^е требуется им^т тут^т
живь. Иконы книг^т обобрали, даже чётки
не где взять, что же бывде^т и в' дальнейшем^т,
можно так^т пре^тполагать. По^т конвою^т их^т дер=
жали, несть им^т можно убежать, разве вышна=
го сядьбами, теч^т моментов^т ожидать. Всехъ
ющов' они собрали, старци^т также на плоты,
сколь их^т полна грядь пеуали, только зна=
еш^т творче ты. Повезли их^т все^т водами,

Е

на бе́збóжные края, зна́ть-то не́цын о́стáн⁷,
в'нè прекрасного раја. Занé прéлесть их⁸ вели-
ка, мнóги кóзни у врага, а́ е́стествò скоропре-
ложно, сми⁹ ѿн¹⁰ бóрется веќа. Больше нáм'
ничтó же веќсто, гдè ктò бóдё¹¹ проживáть.
только вышнаго съдьбами, веќти бóдемъ
ожидáть. јн¹² ѿцех¹³ о кончевáю, побесть кра-
ткю писать, и́ ёдва в'мáле удержáвса, ѿх¹⁴
увы мne восклицаТЬ. Переполнены пеуали
дшá и́ ср҃це и́ грáдь, к'тебé влúце взывáю
ты помоуница мne бóдь. Каќ¹⁵ на¹⁶ быть,
и́ чтò на¹⁷ дымать, и́ гдè на¹⁸ жить веќмà не
зна¹⁹, ли́ скитáться без'покróва поречиошка²⁰
и́ лесам²¹. На²² сирóтка²³ не осталось, не покро-
ва не дверéй, да ёщé скажу плауевнее, ни
о́цоў ни мтреý. Во юдоle сéй плауевной,
каќ²⁴ в'далынейш²⁵ бóдё²⁶ жить, прїидйт²⁷ вси

сирóтки, кóпно сáде²⁸ потужить. ўнýла
пгстына воздыхáе²⁹, не видá житеlei свои³⁰,
и́ с'болéзнию восклицае³¹, зна́ть не видеть бó-
льше их³². јн³³ не бóдг³⁴ свои³⁵ гла́со³⁶, менé
пресладко ѿглашáть, да и́ ѿстáвшайса по-
томок³⁷, зна́ть не бóдг³⁸ утешáть. Свои³⁹ ргк⁴⁰
они⁴¹ традами, менà не бóдг⁴² расчищáть, и́
свои⁴³ ног⁴⁴ они⁴⁵ ходéнїе⁴⁶, менà не бóдг⁴⁷ бе́зпá-
ть. й грибóв⁴⁸ мон⁴⁹ несыш⁵⁰, я́год⁵¹ тákже неко-
гда, и́ брéхи бóдг⁵² пýща, птица⁵³ и́гáдо⁵⁴ на все-
гда. й заросты⁵⁵ мой тропинки, занé нектò.
тг⁵⁶ не пройдё⁵⁷, разве бéглый скотомкой, мимохó-
до⁵⁸ пробредё⁵⁹. Но не бысть сгё славчайно, но тóкмо
вóлею творца, разрвshéнїе ѿбители, и́ ѹзгнá-
ниe ѿца. Но слáва бг⁶⁰ ѿвсех⁶¹, строителю наше-
го спасéнїя, творáщему полéзниа ѿвсех⁶²,
рáди мвдраго си смотрéнїя.

§

Повесть о разорéнїи многотрвдных⁶³ сéверны⁶⁴
скитóв⁶⁵. составлена братом⁶⁶ Макарéем⁶⁷.
Пгстыниошка роднаа, осталася ты пгстаа, лю-
бимых⁶⁸ ўад⁶⁹ тебé больше не видáть, и́ сладкогла-
голивы⁷⁰ устéн⁷¹ их⁷² не слыхáть. Всё распгганы разсéа-
ны и́ повсёй земли развéаны. стопы ног⁷³ их⁷⁴ по тебе не
пройдз⁷⁵, и́ всё дорóшки кгстами заросты⁷⁶. Род⁷⁷ багти
пребываа⁷⁸, и́ аки свéто⁷⁹ многотрвднью пгстынио ѿсíм⁸⁰.
всё дорóшки поповлались, нíвы и́ луга ѿпгстынио-
любны⁸¹ лáстовиц⁸² незабываались. Нíвы скъдные хлебами,
заростаю⁸³ всё безплодными мохами. а́ вáши дéточки о-
стались, и́ несть прїюта на земли. Птички гнéздышки
свибаю⁸⁴, а́ вáши ўада безпокróва пребываа⁸⁵, и́ подкло-
нить главы кгда не знаю⁸⁶. Кгст⁸⁷ трéхнётса и́ ср҃це
сколыхнётса, бе́збóжный звóк⁸⁸ почвства⁸⁹ прозвучи⁹⁰.
а́ бе́дны⁹¹ сирота⁹² ѿвсюдз стра⁹³ и́ трéп⁹⁴ належи⁹⁵. й бе-
збóжный род⁹⁶ стремйтса, до ѿснованиа ѿвéц⁹⁷ хртóвы⁹⁸

и́стребить. а́ мы остались сиротами, и́ несть
комъ нас⁹⁹ ѿбезбóжны¹⁰⁰ свободить. Но мы на-
деждой упованиа, не боимся гордаго врага.
взирае¹⁰¹ на прéжнїе страданиа, какова была беда.
Ножами и́ рожами, бичами и́ желéзными ногтами,
плоть страдальцев¹⁰² дробили, но вéры и́ любви
шни¹⁰³ ни ктò неистребили. Птички пéсни воспевают¹⁰⁴,
и́ сладки¹⁰⁵ гла́со¹⁰⁶ воздых¹⁰⁷ ѿглашают¹⁰⁸. а́ наши ѿщи
тóчью словами сгю далéкую пгстынио вспоминаю¹⁰⁹.
Гдè мтв¹¹⁰ бг¹¹¹ возсылали, и́ ѿ ср҃це злыie мысли ѿ-
ревали. зна́ть то на¹¹² и́ не видáть, и́ сладкогливы¹¹³ ус-
тени¹¹⁴ их¹¹⁵ не слыхáть, но тóчью на бóдг¹¹⁶ свиданиа ѿ-
жидáть. Род¹¹⁷ ѿ рóдз раставалса, сгъ со ѿцем¹¹⁸ на вeki
распрощалса. мéртвы¹¹⁹ кости вóгробе лежали, и́ ни-
кто они¹²⁰ не вспоминал¹²¹. а́ угодивши¹²² бг¹²³ мир¹²⁴ веќи
вeуно в'споминал¹²⁵. наши прéдки днi толики про-
живали, тóчью умом¹²⁶ бе¹²⁷ врёменни мечтал¹²⁸, а́ их¹²⁹

§

ни внуки тò глазами обзирáю^т, и приход^а прескверного всечасно ожидáю^т. Где мать возвысили, и кади-
ло возжигали, тут^т осталось кучи пепла, изжёнья земли. На воспоминанье оставши^т, где трудились ихн^е ѿщи. Мир^т утёх^т, плоти угоддёнье назывáе^т, а пустынной сладости юн^д не знае^т, ѿ-
на беспечальная и вольна, аки птичка крылатая
возлететь на неба. Скоро скоро мир^т весь изменился,
нитса, и вся мирская прелесть обличитса. Неба
святятся, звёзды мраком^т облекутса. шимо^т стра-
шны^т восторги^т, и вся земля огнем^т возгори^т. Кони
сладость возлюбили, и своей плоти угодили, аки
храбрости^т зажгутса, и в венчую маку ѿведутса.
Тогда явится всем пустынна сладость, которой
мир не удаётся никогда. Кий страх и трепет неявится?
и обниме^т на всегда. что вся стихия в мгновении
ока изменится, и дёло каждого явится.

Сладчайши и се призри на своё созданье, услыши
плаку и сиюное стонанье. Тако выше нашеа меры по-
страдали, ѿ безбожных рука^т изгнали.

Сочинение греческое. Афанасий Оразорений изгнан и обижен.
Сяди один на едине, плаку воздвигни в тишине.

Тишина ѿ плака прозвучи^т, да и опять наевки замолчи^т. Зане не буде^т гласа ни поющи^т, во стой обители
живущи^т. И ктому^т не слышится пение и моление,
и сего стаго поколения^т. Где бг^т жертва приносилась,
там все вспепел обратилось. Стало образо^т плака и се-
наня^т, зраши^т на вечное вспоминанье. Владыка Гора
и безбожна, умолить её невозможно. Нет^т вни мило-
сти пощады, разве укоризны и досады. Все же^т и зла-
ба на стыню, да искренность в конец пустыню. Иконы
книги сожигаются, а сами^т кресты и мантри срываются.
Пытки спалкой представляли, да что^т мы драги драг-

И

га выавали. Немоучные братия убоались, и преда-
тели обозабились. Отца Симеона выдали начальству,
увы! злому^т и безстыдному^т начальству. Был^т отец
сего края, добре дховенюю паству назирал. Все^т
был^т отец любезный, в нашеи дни житель небес.
Воспитатель братства дховенаго, свободитель и га
греховенаго. Кротце наказывал согрешающи^т, любезно
утешал^т изнемогающи^т. Всегда был^т весел^т и доволен^т,
основатель сей пустыни самоизволен^т. Вын^т братс-
тво почуял^т твореню бж^тю, да что^т могли пройти
востать безбожию. Устала исполнь дховенаго вѣ-
щаня^т, кроме благословенаго залечаня^т. Ш време-
на^т последни^т добре разсаждал^т, речь писанье^т потвер-
ждал^т. И кто^т был^т не доволен^т таковаго отца? разве
школанен^т и страстен^т до конца. И теперъ уже нам^т
не видеть отца, никак^т его стаго лица. И не видеть^т
следышка ног^т его, и не услышать гласа его. И те-

перь уж^т не прийдёт^т и непобеседы^т, застол^т не саде^т и
не по обедде^т. И теперь зати^т сей небесный глас^т, иль по-
туйтесь найдите подобнаго из вас^т. И хоть найдёте но
пеналь не утоли^т, но што^т мое срце скучает^т и болитъ.
Да и отец антионий тружник^т хб^т, в путь^т шествиахъ
умресть был^т готов^т. Все реки и дороги, ибошли ег^т
ноги. Редкоа ель и кедр сучеватая, не имела ег^т по-
собой почеватая. А пыща в путь^т саморасленна, пти-
цам^т и зверкам^т однодушевена. Как^т корабль на море вла-
ется, так^т и он^т вдальнюю пустынь напускается. По-
истине-тврещ^т спасаемы^т детьель, о пустынны^т дх-
шах^т был^т к бг^т свидетель. Ш каждо^т дш^т сруно
болен^т, а наипаче когда попали в безбожны^т пре-
дэл^т. И теперъ погасли сии два ока пустынны^т, сре-
ди пробы^т отца^т не повинны^т. Ш селе скратилось зре-
ние дховеное, и не удобъ стало зримо стремлен^т
греховное. Ш селе об^тло на существо^т сиротство,

Ф

изгнано бысть ѿ на^с дх^обно^е ср^одство . Всё молились въ м^естѣ питались , и въ незап^а х^одш^а ѿл^ьти^х . Остались . И на сколь наша ж^изнь непостоанна , и почт^о забываются да м^а окаанна . Един^ь поемлетса да другіи оставляются , и почт^о мое ср^дце не умилается . И теперъ на ето^м св^ет^у ихъ болше не видать , и если б^ыд^а гр^ош^е[?] , т^о и въ-д^аш^е ста^ни^х етоже страдать . Уни стражд^а и б^ыг^уго^жда^т , а мен^а плотскія страсти услаждаются . Но наст^ап^и скоро врема , каждый возмет^ь свое врема . И аще врема б^ыде^т ста^ни^х , т^о и стати с'ни^м б^ыдет^ь тру^дно . И аще увешан^ь соперни^м умоли^т , т^от^ь и благ^у веучны^х ул^{чу}йт^ь . Того же . Настало врема иск^ушени^я , каковаго и нечал^ь , кроме всакаго утешени^я , т^{ак} г^о мн^е провес^шал^ь . Палса въ м^оре истазан^и , ег^о же сланости незна^л . въ п^учины ложны^х скозан^и , их^ъже м^{ир}

< вертикально в конце левой и начале правой страницы: ѿлица отца Симеона >

дабы г^о помог^ь мн^е противостоять и одоле^т врага . и ѿ двоих^ъ един^ь прележи^т на^м всако , или он^ъ поде^т , или и пода^т . и возможас^т окаанныи , понеже всему м^{ир} о доле . тако б^ыг^у по пустивш^и гр^ох^у ради на^{ши} . И се нне изгнан^ие и поношени^е , р^ук^и вазан^ие пар^{аг}ан^ие , осмеан^ие , пытки и наконец^ь ѿ все^х разлучен^ие , что да мен^а было мучен^ие . переполнены очеса и ушеса мой мирскаго лестнаго и м^ерзскаго виден^иа и слышаша^иа . и сотеснается ср^дце мое не²в^ол^ею ! св^азано[?] , среди безбожнаго и пагубнаго м^{ира} . как^ъ овца привязана среди тмы волков^ъ , только и слыше^т в^ой да рыкан^ие . не^т любви не²в^оедин^ио^м и вотма^х правды не найдешь . всакий разврашен^ие предлоге^т , каждый пагубы жаде^т и че^м только не^та^д наповерхности земли . и кто дар^у име^т разсажден^ия , за^{бо}ну м^{ож}е^т разс^удить , какое м^{ож}е^т бы^т об^щен^ие , и как^ъ на^м сними бы^т . и где ты благоцвет^ъ

* Чифрами ²; ¹ автор рукописи указывает последовательность слов. — Н.П.

за^{йт}и^н принал^ь . Оди[?] среди безбожных^ъ п^учины , как^ъ не^т о^кормлен^иа ладья . кроме всак^ия причины , тута^{тся} адовы кна^зы . взять ѿ м^{ира} в^ед^уши^х писани^ие , да бы не^т кто м^{ож}е^т поучить . их^ъ ложное скозан^ие , и антихриста м^{ира} об^авить . и редкой м^{ож}е^т соблости , и непостыдно в^ер^у ухранить . иск^ушени^е законно понести , и возжено^во свещ^и не^урони^т . И как^ъ видно мало усто^т , и враг^у в^ршки недад^ит^ь . т^ех^ъ вси англ^ии ублажа^т , и в^иц^тв^ие небо^е в^ед^ит^ь . увы мн^е , в^{споми}наю радостные лета , когда по пустыне с'брат^ией ходил^ь . еш^е наст^ан^е ли когда , что^б свами к^впно говорил^ь . брат^ия моя вожделен^иа , уадцы моя любезные , воспитанницы моя дх^обн^ии , плодъ уст^и мои[?] есть : породи^х вы не^тплотски по дх^обно . и не^трастно по это . и не^тлучески по англ^иски . в^{спом}ините брат^ия моя любезные , о вас^и мой п^оты и труды , и в^{спомина}йте мое смирен^ие в^ваши^х матва^х .

< снизу: писал^ь к октагону 1991 г. >

Г

ща^{ла} в^ола , и где ты все^м желан^иа свободы , ком^у ты надеяла и кто тебе невозлюбил^ь . пр^ииде^т ли то врема наст^ан^е ли тот^ь час^ь , да спасть и по пустыне с'брат^ией пойд^и , или что^б-ни^будь поговорю . еш^е поговориль^ь и походил^ь бы свами . хота^и и тажко было мн^е ходить , но еш^е тажка^е зде^{сь} мн^е быть . хота^и на мох^у да нахвойке , да только бы на сво^ие в^ольке : как^ъ скозал^ь оди[?] ѿ познавши^х сей иск^ус^ь . Но не^т б^ыде^т тог^о врема и не^т на^деюсь ул^{чу}ит^ь . но среди пагубнаго м^{ира} , пр^иидется ж^изнь свою свершить . и не^тзвестна кончина да^в всего братства м^{ож}е^т быть , и дальность растоян^ия всак^и в^есть о мн^е скрыть , и кроме посмертнаго в^{споминан^ия} , до с^уда страшнаго пребы^т . все^м не^тв^одом[?] кончина и бекрестна могила , и п^еснь над^ьгроби^ю не^т кто не^тв^оспое^т . кроме погребательнаго чина и напутстви^я стыни , отойд^и на с^иный св^ет^ь . Но вы ѿщи^и и брат^ия мой любезные , кто остался жить

ат

в'пъстынє ? тákже й вы мгри ю сёстры юглюбёзныє , причастницы стынє . Прошъ терпите трд' пъстынnyй ю немыслите страдать , сколько здесть нас' попаля , все неможе "устоя" . Но порадуйтесь в'пъстынє , утешайтесь в'свободе , веселитесь наявле , котрой на больше невидать . У врага юрость велика ю непрестанно попадать , всегда будьте готовы и ва" пройдётся пострадать . И вас' юцы , гь оставила вообители , да будете оставши" по пеучители . И вы понесите та- гость немошмы" , и аще кто останется юстариц" , примиите тщанте о ни" . Да неувыда" ихны слезы и покрою" ваш покой , и ваша жизнь к'празности привутятся и небуде" пользы никакой . Пущай ёшё плодится пъстынь хва , да неоскуде" стыих" полкъ до конца . И вы как' можно любовь драгу" ко драгу храните , и вас' гь пощади" . честию драгу" драга больша творите , да неплоть дха покори" . Усердно

кижномъ утёню прилежите , да неувыде" юм' пари" . ука- рашенъ плодами верг покажите , как' писанье говори" . И моё ученье ю наказанье в'споминайте , когда что сва- ми говори" . А теперъ ужे больше не услышите , заня- та" гь блговоли" . Как' юж' ва" гь напрви" , а только срцем' поболю . ю искшено" ю бед' и забави" ю покаже" на вас' мать свою . Все остались как' дети , всех" люби- маго юца . все" в'виду хотели имети , и всех" в'стремить у крыль- ца . А теперъ как' ва" извесно , нас' забрали повели . чтобы взять да неуместно , а осталыое властели зажгли . На тогъльес" все" пригнали , и в'малу келью заперли . иконы книги лестовки отобрали , пригладзя" наши" сожгли . И пото" с'садили на плоты , и повезли вниз" по реке . и мы срчны" "воздыханье" печатлели на каждо" кризинке . Непрестанно взять смотрели , хотели пайдеться на- век' . Но вода несет' и несет' не возвратно , как' бывай есть урек' . Все унылы и пеучальны , и срце сотес-

БІ

насмо бедой . всегда сего болались , что нас' выве- зи водой . И во" исполниса мнени" , и в'тюрьмах" уже седи" . были почетные вселенски" свёто" , в' ма- ло темное окшечко глади" . И не" надежды свобод- дены" , как' на" видно юсвада . ювсе" дреvни" искшено" , эта последняя страдала . И че" оконы" неизвесно , в'че" застаме" смртный нас' ? веци падла и стено" , и прости" помоши ювас' . Помолитесь прослезитесь и до- лъ исполните любви , крайнюю мать сотворите , ей же сподобитесь и вы . А когда земля закроется , тогда престаме" мы страдать . умиленный глас" умолкне" , и не буде" мы стенасть . И вси" последно" изречены" , конец" повести творю , и в' по чудчно" прощены" , блгоустро- ить совесть свою . И вы простите мла юцы сти и мгри сти , мнё ва" больше прощено" и блгвено" не по- дать . И простите ма братя утнин ю сёстры утнин , мнё ва" больше слова не сказать . Насе" оконы" ве-

и любовью кроплю . стсено" и цртвя" нбнаго всемъ желанию , егоже ради и да вса терпию ...
Как' получили весть о скончании юца Симеона . Прозвучал глас" плачевный , по нашей пъстынию- шке родной . услыхало братство прослезилось , и в'здохнуло из'груди болной . А оставшимся ста- риц" сиротка" , дак' и во все гласный плачь . к'своим" наждад" недовольны , и все юны да не врочь . Пришла весть скончании , нашего любезнаго юца . все томи- лись ожиданье" , хотели видеть егоже лицо . Шеле кончили мы жданье , нашего великаго юца . так' как' и он" свое страданье" , достойное нбнаго венца . И тепе- рь мысль непрестави" , что где то он" живой . илъ бу- деть время увидамся , може" быть пройдёт" домой . А теперъ мысль преставляе" , что лежи" он" мертвело" . Запечатле" жизни погище , свой" страдальчески" концо" . Оставил" к'надежде обрадз" , принятю" хлеба

ГІ

й воды . как' пррк' Дамий в' Вавилоне , спраже по-
стъ и труды . И свой скончаніе число изнаучил ,
иманной днъ настоащаго ѡцда . И как' бытъ-то
сказол' что , а емъ передал всл . Чтнеша ста-
рицы Евгении , блженнья очи и краснейша ,
увидели падшее зданіе , дом' дши егъ чтнеша .
Штрех мтреи трии любителей , Валентины Фли-
ны и Афанаси . взем' сюю повесть предлаго , всака
правда в' тре согласти . И теперъ ждатъ оставили , а
только бвде в'споминасть . И жалетъ наставника та-
кона , который скро мог' дши наставлять . Где ты
скрылоса светило , который Облак' та закрыль ;
сколько было егъ стенои , теперъ все ужъ их'
забыл' . Не пришлось послаждить в'егъ исходе , и в'
последний раз' проститься . ни видать егъ могилы ,
и егъ гроб поклониться . Какое было пос-
ледное изреченіе , и наче замкнулиса устя . было

< снизу: писал Афанасий 24 октя . в' день своих иланий ,
исполнилось 70 лет . 1991 года . >

правданіе улучши . мы твой чада безнадежныя ,
просим' нас'бы не забыл' . На сколь бедно и пла-
чевно , и неизнаніе как' и быть . к'свои наждади недо-
вольны , а ни то что людем' послаждить . Шлабе-
ли к'дёл рвки , и нет' усердя в'дше . нет' по-
мысла о смрти , как' дши в'нас' чужи . И ты
любезныи наш' оче , чада свои нас' не забуди . У-
милыся к'бгом помолиса , ходатай о нас' бди .
Умом' и срцем' приподде , и твойх' ног' касаися .
И что бывало к тебе согрешихо , теперъ слезно касе-
мса . Как' мысленно болезни , свою совестю
снедаемы . зане дёлом' и слово не разгмы , прес-
лавшаніе своечество были уловляемы . И ты
прости нас' оче стыи , и не помани нашеи худо-
сти . нам' уж' довольно шсовести обличенія ,
и сяа бедныя удасти ...

ли сколько к'причашенію , ш тэла нашего храта .
И кто-то был ли с' дшой верной ? и смотрел' егъ
исход . и сказол' свою мыслю , что , дши егъ
шрода и в'род . И поболел' ли кто-то срцем' , и у-
ронил' каплю слез . и мыслил' , что комъ-то и он'
ведь любезный , и гонимы чада очь . И какъ
очи плотьска закрылись , так' и дшевными
увидол' . прежде мыслю мечталось , а ш сель
зреть истину пренал' . И как' чудно не обычно ,
новый мир' нетленна жизн . и ум' смртный не
постигне , шных' бедущи новизн . Все увидел' у-
дивися , солнца не а свят' сял' . не хожденію
преграды , ни дол' ни высота и долгота ка плоть-
ски бывал' . Но с любезнейши наш' оче , где
твоя бгом' зданна дши ? что онна заслужи-
ла и увидела ? попе же всак' члкъ не безгреха .
То ли дерзновеніе пре бгом' имешь ? илъ только ш-

А

Духовный кросворд' .
Англи родяются шутющи писаніе ,
срце исполнают' духовного желания .
Фимтамо кадат' читателя тщаливаго ,
дипломысленна им' и воискуссе терпеливаго .
Англьско дёло в' духовном' получаться ,
спасенію надежда ш сюда получается .
Не возможно без'крыло птице избыти снеденія ,
также и члкъ не утешим' книг' избыти поденія .
Дще ли чисто писаніе читаем' ,
реже на грех' а больше спасенію насыкае .
Солнечны святом' можно назвать ,
же в'писаніи разумъ стажать .
Гзанию новый прими сей наскъ ,
мудрость мирскую выбрось из'рвкъ .
Имиса премудрости к'блжеству ведущей ,
швратися ш прелести к'гееене градущей .

Е

< сбоку вертикально: по щедельности красные я сине в'миз . >

Помысли час' смерти й страшнаго суда ,
 Тамо грешницы престаны^т исполнены страда .
 И помысли беконечность томления й горесть мучения ,
 Аскайся о слабости жизни и мирского попечения .
 Смелая берися за дело спасения ,
 Очисти сноша одежда крещения ,
 Англом^т дрожже небыи жителю ,
 Недайся в'корысть дьявола мучителю .
 Любезно желаю ти мира здравия и спасения ,
 Же бы прятти тебе ѿ бГа прощения .
 Сестра плаче^т о брате , ѿ заключения свободы иска
 Но кней в'пстыни не возвратилася ...
 Сада Одна наедине , плачу воздвигну вти-
 шине . тишина ѿплака прозвучит^т , да
 и опять на вёки замолчи^т . Где ты братец
 мой скрылася , а котраго люблю . и комне
 не возвратилася , ѿ дще твоей скорблю . ()
 Любезный умилися , что слыхалася стобой ?

воздохнй прослезися , смерть всегда на головой .
 Какое в'жизни изменение , как скоро може^т охла-
 дить . находясь в размышлении , как тебе бы
 возвратить . лягше было в недостатке , жить в'по-
 слушании отца . чём^т наяву и свободе , ждать по-
 гибели конца . где тे сладкое глы , и зоуст^т тво-
 их^т текли ? утешали и утвержали , жить в'терпе-
 нии и любви . обратись еще возможно , ведь са-
 мовластное у нас^т . устрашившись пока не позна , да
 непожне^т смртный час^т . а посмерти воздадите^т ,
 ѿ создателя творца . или мыка в'наказание , или
 цртво без^т конца . ѿле брате оле милый , на-
 до путь гнать едим^т . помолись о мнё ленивой ,
 да непрелести^т прелестный мир^т . заставляетъ
 меня плакать , весть печальна о тебе . ка^т уж^т
 видно охладело , твоё попечение о боли . но а
 ещё семя не верю , може^т сноша возгореть . любовь
 пыллющая к'бГу , если только восхотеть .

31

Обратись соединимса дхом^т , прелюбезный мой
 брат^т . гради держи меня заряк^т , и станем^т
 у небыих^т врат^т . правосудия имися , обрати
 свою стопы . уасто срещ^т молися , ибеги ѿ
 светы . что за мир^т такой прелестный , колебле^т
 наши срца . и погубле^т рай небыи , не буде^т кое-
 ми конца . угодившим^т рай прекрасный , на-
 до улучить его . а преступивши^т адъ ужасный ,
 как^т бы не попасть в'нег^т .
 Старице Марине просившей ѿменя полезное слово .
 Ты просила ѿменя слова наставления , как^т бы^т
 то бы хощешь исправленія . и дз^т за слово хр^тово
 хощу тебе реш^т , как^т спросащей дважды^т по прища-
 тици . внимай силь мои^т словес^т , да имей се-
 ба неиск^тснью во все^т . ѿцковское слово храни как^т
 завет^т , опасно людям^т и тр^тской сове^т . людися
 гнева как^т змеи , да несоставляй советы свой .
 Храни язык^т пуще всего , ты явно гибнеш^т ѿ

нег^т . велик^т улкъ стажавыи молчаніе , приуйсли^т
 ег^т к'принесащи^т поклоніе . своёи воли ѿверже-
 ние да молчаніе , большую часть наполняе^т ми-
 шеского обещания . а мы стобой ради воли
 да языка , ѿлучуны иночествующи^т лика . гради
 потчиимса к'наука блжимаго , да нелишимса
 жит^т все^т любимаго . как^т можно стараися
 исправить се^т , да за меня помолися а х^т-
 же тебе . наставление скроимы^т дёшкам^т .
 ѿклоняющися вразбрашеніе , ѿведе^т г^т с'твораши-

ми беззаконіе . услышите деяния наказаніе ѿчее^т ,
 и внемлите уненіе м^тре . дар^т блгъ даю в^т , слова
 моего неоставлайте . си^т бо бы^т и дз^т послушали^т отца^т ,
 и возлюбле^т си^т пре^тлице^т м^тре . аже глаголаста и у-
 часта ма . слыши дз^т и прими^т моя словеса , и у-
 миожатса лёта живота твоего . дз^т чти^т га и у-
 крепишиша , разве же ег^т не бойся никог^т . дз^т да
 не одолеет^т ти похоть чуждая добродеты , ни уловлена

31

< к предыдущей странице рукописи: к строке 10 ^ψ_α. ^{^K}_ρκά .
к строке 11 при ^τ_η ^{^K}_{γλ} . ^Δ_Δ .

к строке 16 . ^{^K}_Γ . ^{^K}_Σ .
к строке 17 . ^{^K}_Γ . ^{^K}_Σ >

бъди твойма бу́йма . Аци премъдро ве́селит' ѡцà ,
аши же безъмна пе́чаль м̄ти . Йже воздае́т ся́лò за-
добрò , не изы́де́т ся́лò из'домы́ е́гò . Слословиа́шїй ѡцà
йли́ мать́ , у́глашае́т свети́льник' сво́й . И не ўзри́ в' жи-
зни багодéнствїа и́ напоследок' не багослови́тса .

Багвени́е бò ѿ́чее у́тверждае́т домы́ чад' , кля́тва же
матерна и́скореневавае́т основа́нїа . Ко́ль хвлен' ѡста-
вляй ѡцà , и́ проклат' гдом' раздражая м̄ти
свою ... афона́стї

Честна добродетель и́ нажна члк' , нетленно бо-
гатство к'багдашем' ве́кв . В'малы́ ѿ́бре́тается и́
трядом' стажа́вается , а стажа́тель то́я ве́чны́ багъ
не́шаете́вается . Смиреніе и́ мать нажне́е всегò ,
должно члк' поги́бнуть без'сего . Поста́райса
на́выйкнуть сестра любезнаа , дёло багое да́ тे-
бà полезное . Береги́са в'юности гла́пости и́ слабос-
ти , на́выйкай матве и́ утёнию сладости .

< к строке 1. ^{^K}_Γ. ^τ_τ. к строке 6 ^{σε}_{σε}
к строке 2 . ^{^K}_Γ. ^Ξ_Ι. си . ^{^K}_Γ. ^Γ. >
к строке 3 . ^{^K}_Γ. ^Κ.

Не читай ны́нешни́ бе́збожны́ кни́г' , бе́з'числè лю-
дей поги́бло ѿ́ них' . У́дáрживай мъзы́к' ѿ́ неполе́з-
ны́ рече́й , та́кже и́ ѿ́ свети́лого зре́ниа ѿ́чей . Ще́нполе́з-
ны́ ве́стей и́ раска́зов' ѿ́длайса , грому́х хо́хоту́ и́
гне́ву́ ненда́вайса . Не держи́ ѿ́деколона и́ разны́ дыхо́ ,
и́ неприма́ниш' к'себе́ благды́ бесов' и́ избагдеш'
грехо́в' .

По ѿ́бываю нене́рны́ нешей сра́ды , но храни́ на се́бе́
любезнаа хрѣ́янскїа ѿ́брáды . Сквернослóвїа ѿ́
врачайса и́ ми́рски́ пессен' не по́й , и́ всегда багде́ и́ англь
храмите́ль стобо́й . Не́ата багди чу́жой красото́й ,
но красуйса любезнаа своёй чистото́й . Почитай
свои́ родите́лей и́ багдешь багвено , и́ во врема напас-
ти багдешь покровено . Дорожи́ и́х' слово́ и́ пре́людмий
не́кора́й , гь всегда снýми и́ты и́х' не́оскорблай .
Досаждаки́и м̄ти да́ примно́ги́ гла́за́ , всегда баг-
дешь в'не́шастїи и́ умоя́утса в'слеза́ . С'чи́тай се́ба́ по-
ле́днею ѿ́все́х' , да замена́ помоли́са а́ хвже ве́х' .

и́

Н.Н. Покровский показывает рукопись на бересте А.И. Солженицыну на встрече писателя с учеными СО РАН. 1994 г.
Фото В. Новикова

Л.В. ТИТОВА

Духовные стихи в берестяной книге Афанасия Герасимова

В основном духовные стихи, помеченные Афанасием Герасимовым (как его собственные, так и его единомышленников) в берестяной книжке, посвящены теме разорения скитов, самой болезненной для ее авторов. Собственно это лирическое осмысление того невероятно жестокого исторического события, которое искалечило судьбы многих людей, оставив в их памяти неизгладимый след. Каждый автор по-своему отразил навсегда запомнившееся ему "взятие" Дубчесских скитов. Чернец Виталий, избежавший участия большинства пустыножителей — ареста, хотя и очень кратко излагает разгром скитов, но его рассказ необыкновенно драматичен и эмоционален, он практически в одну страницу вместил все этапы взятия: "набег" карателей, допросы, пытки старообрядцев, арест "старших" отцов, уничтожение книг, икон, истребление всех построек и, наконец, увоз арестованных скитских жителей в неведомые дали ("Грозны власти прибежали, словно ястреб на птенцов, они кельи окружили и пытали тут отцов... Всех отцов они собирали, старц тажже на плоты, повезли их всех водами на безбожные края...").

После емкого и образного повествования о разорении скитов чернец Виталий в своем сочинении пытается передать (и это для него главное!) состояние тех, кто избежал участия всей братии, остался на свободе. "Без покрова", "без отцов и матерей" (духовных их наставников) они не знают, как им жить дальше. Монолог-плач пустыни, завершающий его "краткую повесть", передает состояние "осиротелой братии", которая как бы сливалась с природой, оплакивающей вместе с ними судьбу их единомышленников:

Унылая пустыня воздыхает,
Невидя жителей своих,
И с болезнью восклицает,
Знать не видеть большие их.

Они не будут своим гласом
Мене пресладко оглашать,
Да и оставшийся потомок
Знать не будет утешать.

Своих рук они трудами
Меня не будут расчищать,
И своих ног меня хождением
Они не будут освещать.

И грибов моих не сыщут,
Ягод также некогда,

*И орехи будут пища
Птицам и гадам навсегда.*

*И зарастут мои тропинки,
Зане некто тут не пройдет,
Разве белый с котомкой
Мимоходом пробредет.*

Следующий за текстом инока Виталия духовный стих, названный его автором братом Макарием "Повестью о разорении многотрудных северных скитов", скорее напоминает древнерусские плачи. Собственно и сам автор, завершая свое творение, имплицитует его плачем: "О сладчайший Иисусе, призри на свое создание, услыши плач и сердечное стечание". Если стих Виталия завершает плач-монолог самой пустыни по своим обитателям, то духовный стих Макария начинается с плача по пустыне оставшихся после разорения скитов староверов, "бескровных, бесприютных сирот", не знающих, "куда главы подклонить":

*Пустынушка родная,
остаешься ты пустая,
Любимых чад тебе больше не видать,
И сладкоглаголивых устен их
не слыхать.*

*Все распуганы,
Все разсияны,
И по всей земли развеяны.
Стопы ног их по тебе не пройдут,
И все дорочки кустами зарастут...*

Оплакивая осиротевшую пустыню и свое одиночество в ней, автор как бы всколыхнется, в нескольких фразах воссоздаст общую картину разгрома скитов (но также без фактов, без событийной канвы), стараясь выделить, подчеркнуть самое главное — стойкость и мученичество скитской жителей, пострадавших от руки "безбожных" карателей: "Пожами и рожнами, бичами и железными ногтями, плоть страдальцев дробили, но веры и любви от них никто не испребили".

Основной темой духовного стиха Макария является тема "прекрасной пустыни"¹, которая под пером Афанасия Герасимова плавно переходит в тему Страшного Суда: "Скоро, скоро мир изменится, и вся мирская прелесть облечится, небеса свинутся, звезды мраком облекутся, шумом страшным возшумят, и вся земля огнем возгорит. Кои сладость возлюбили и своей плоти угодили, аки хвастие зажгутся и в вечную муку отведутся". Тема Страшного суда —

одна из центральных тем в народной поэзии — здесь однозначно воспринимается как тема Возмездия. Именно эта тема и становится в сочинении Макария мощным центром притяжения.

Заключительное сочинение на тему разорения пустыни принадлежит перу самого Афанасия Герасимова. Его стих обстоятельное повествование о событиях, произошедших в далеских северных лесах, с оценкой поведения не только карателей, но и самих пустынников. В каждой строке творения Афанасия просматривается лирический образ самого автора — человека прямого, даже несколько жесткого, бесконечно преданного вере и своим учителям, единомышленникам. Он открыто заявляет не только о "яности и беспощадности" власти, "искоренившей в конец" скиты, но осуждает и единоверцев, предавших своих наставников. Слово "предатель" впервые произнучало только у него: "Пытки с палкой представляли, да чтоб мы друг друга выяляли. Немочные братия убоялись и предатели оказались. Отца Симеона выдали начальству, узы, злому и безстудному их нахалиству." (Ср.: чернец Виталий о не выдержавших жестоких пыток иноках говорил более мягко, без осуждения, с христианским всепрощением, порицая лишь "грозных властей": "Старших крепко добивались и где живут отцы еще, что палки треская ломались о братское плече. Но сколько братцы не держались, но укрепиться не могли, наподобок рассказали и к отцам их привели...").

Благодарность и преданность своему духовному отцу и наставнику Афанасий Герасимов пронес через всю свою жизнь, поэтому в его сочинении о разорении их духовной обители в центре внимания фигура отца Симеона — "Воспитателя братства духовного", "основателя пустыни". В его писании постоянно напеваясь плачет:

*Был отец сего края,
Добре духовную паству назирав,
Всем был отец любезный,
В нашея дни житель небесный.
Воспитатель братства духовного
Свободитель игра греховного,
Кротце наказуя согрешающих,
Любезно утешая изнемогающих.
... И теперь уже нам не видать отца
Ниже его святаго лица
И не видать следышка ног его
И не услышать гласа его,*

*И теперь уже не приндет и
• не побеседует,
За стол не сядет, не пообедает...*

Изложение истории разгрома скитов у Афанасия Герасимова оригинально тем, что оно дается как бы через призму восприятия отцом Симеоном (на полях берестяной книжки напротив начала повествования так и написано "от лица отца Симеона"). "Воспоминания" отца Симеона начинаются не с трагических событий 1951 года, а с философского размышления о свободе, рассуждений о настоящем времени, времени его заключения, об испытаниях за веру, посланных ему Богом:

*Один среди безбожных пучины,
Как неокормленная ладья,
Кромя всякия причины,
Тщатся адовы князья...*

— как бы пишет отец Симеон своей осиротелой пастве из далекого заключения. Все его помыслы о них, чадах его духовных. К ним он обращается с просьбой вспоминать его в молитвах, дабы Господь помог ему одолеть "окаянного врага", их он продолжает наставлять, призывают заботиться о слабых, любить друг друга, быть усердными в книжном чтении, избегать праздности. И только в заключении отец Симеон поведает о том, как его арестовали. Этот рассказ до предела сжал и динамичен, как и у предыдущих писателей — чернецца Виталия и брата Макария:

*А теперь, как вам известно,
Нас забрали, повели,
Чтобы взять, да неуместно,
А остальное властели сожгли.
На Тогульчес нас пригнали
И в малу келью заперли,
Иконы, книги, лестовки отобрали
При глазах наших сожгли.
И потом ссадили на плоты,
И повезли вниз по реке,
И мы сердечным воздыханием
печатлели
На каждом краунке.
... И вот исполнился мнение
И в тюрьмах уже седим,
Были почтенные вселенским светом
В мало темное окошечко глядим...*

Завершается цикл стихов о разорении Дубчесских скитов прощальным плачем по отцу Симеону, названный Афанасием Герасимовым "Как получили весть о скончании отца Симеона". Как следует из текста Афанасия Герасимова, известие о смерти отца Симеона было получено от старицы Евгении, находившейся в заключении в тех же краях, что и отец Симеон. ("Честнейшая старица Евгении блаженные очи и краснейшая увидели падшее здание, дом души его честнейшая...").

Отец Симеон, будучи в лагере в Иркутской области на реке Чуне, отказал-

ся принимать пищу и умер от голода 5 августа 1953 года². В духовном стихе Афанасия Герасимова нет никаких конкретных сведений о смерти старца, в нем доминирует плач по любимому наставнику и учителю:

*Где ты скрылося, светило, которой
облак тя закрыл,*

*Сколько было его стенаний, теперь
все их уж забыл.*

*Не пришло послужить в его исходе и
в последний раз проститься,*

Ни видать его могилы и его гробу поклониться...

Собственно история разорения сибирских скитов, получившая поэтическое воплощение в духовных стихах, и завершается известием о кончине отца Симеона, но к циклу этих поэтических старообрядческих сочинений примыкает еще один духовный стих Афанасия Герасимова "Сестра плачет о брате от заключения свободился, но к ней в пустыню не возвратился".

Как известно, после смерти И.В.Сталлина все страдальцы за веру были отпущены на свободу, но не все возвратились в свою общину после освобождения, многие пошли "мирским путем, ведущим на погубление"³. Плач сестры о брате как раз и отражает этот печальный факт в жизни пустынножителей. Сестра призывает брата, не вернувшегося к ней из заключения, выбравшего иной жизненный путь, бежать от мирской суеты, возвратиться в пустынную обитель, "пока не поздно, не пожнет смертный час".

Кроме духовных стихов, связанных с историей разорения Дубческих скитов, Афанасий Герасимов записал в своей берестяной книжке несколько небольших сочинений (в стихах и прозе), объединенных учительной тематикой. Среди них прежде всего обращает на себя внимание акrostих, который сам автор называл "Духовным кросвордом". Акростих Афанасий Герасимов графически оформил с особой тщательностью. Начальные буквы он выписал разными чернилами (красными и синими), чтобы легче было читать имена автора и адресата. К тому же на полях он поместил "ключ" к "кросворду": читать "по отдельности красные и синие вниз". Акростих гласит: "Афанасий писал Матроне". А писал он ей наставление о пользе книжного чтения, особенно Священного Писания.

*Аще ли часто Писание читаем,
Реже на грех, а больше спасению
навыкаем,
Солнечным светом можно назвать
Еже в Писании разум стяжать...*

— поучает Афанасий свою духовную dochь, указывая ей верный путь к спасению.

Будучи весьма начитанным и энергичным наставником и имея обширные связи не только со своей общиной, разбросанной по разным таежным уголкам, но и с другими — Афанасий Герасимов почти всегда в разъездах: навещает своих единоверцев, отправляет обряды венчания, крещения, отиевания, наставляет, поучает, часто пишет тому, кто просит наставления и кого он по какой-то причине не может повидать. Одни поучения носят индивидуальный характер, например, Поучение "Старице Марине, просившей от меня полезное слово", другие же — напротив — обращают ко всей пастве, и чаще к ее женской половине, типа "Наставления скромным девушкам" или Слова иконы "сестре любезней".

Призывая свою паству к жизни добродетельной, угодной Богу, сибирский наставник старается охватить все стороны человеческого бытия, написать как бы свод правил, кодекс для богообязненного христианина, учитывая даже мелочи обыденной жизни:

*Не читай нынешних безбожных книг...
Удерживай язык от неполезных речей...
Громкому хохоту и гневу невдавайся.
Не держи одеколона и духов,
И не приманиши к себе блудных бесов
И избудешь грехов
По обычую неверных не шей сряды...
Сквернсловия отвращайся и мирских
песен не пой...*

Почитай своих родителей...

Источники, которыми пользуется Афанасий Герасимов при составлении "полезных слов", определенно называть удастся не всегда, т.к. чаще всего это симбиоз житейской мудрости и неточных цитат из книг Священного писания или Слов отцов церкви. В берестяной книжке Афанасия Герасимова лишь "Наставление скромным девушкам" исключительно книжного происхождения, оно представляет собой искусную компиляцию из отдельных тематических фрагментов Притчиника (Книги притчей Соломоновых) и Исаильтии.

Примечания

¹ Поэтический образ пустыни в древнерусской письменности и особенно у старообрядцев традиционно связывается с самыми близкими для каждого человека образами — родной матери и отчего дома. Вспомним хотя бы один из излюбленных сюжетов в духовной поэзии старообрядчества о царевиче Иоасафе, идущем спасаться в пустыню: "О прекрасная пустыня, любимая мати, прими мя пустыня, яко чадо на руце..." и др.

² См.: Покровский И.Н. За страницей // Архипелага Гулаг // Новый мир. 1991, №9, С. 88.

³ См.: Покровский И.Н. Указ. соч., с. 89.

Е. КУЛЕШОВ, А. ТАРАБУКИНА

Современный "прицерковный" круг: рукописные тексты

Уже в прошлом веке, а возможно и ранее, существовала массовая православная литература, рассчитанная на малообразованного читателя, частично использующая сюжеты средневековой русской и западной литературы, а частично — рассказы, бытующие в устной традиции. Это многочисленные сборники "чудес", обмираний, явлений умерших и т.д.¹ Важное значение имели также периодические издания, публиковавшие рассказы религиозного содержания, например, "Страховик" (1860—1917), "Русский паломник" (1885—1917) и "Ведомости" различных епархий.

Находясь в тесном взаимодействии с устной традицией, эти книги и периодические издания не только использовали фольклорные тексты, но и сами способствовали их распространению. Рассказы с незначительными или существенными изменениями переходили из одной книги в другую, издавались отдельными брошюрами, читались различными слоями населения и пересказывались.

Типологически подобная литература восходит к древнерусской письменности, а вернее, к той ее части, которую А.Н. Гмыри называл "церковно-народной"². Это и паломническая литература, в том числе и знаменитое "Хожение" игумена Даниила, и жития святых, и популярный в Древней Руси "Пролог". Для массовой христианской литературы характерно сходство сюжетов в рамках одной темы. Так, рассказы, посвященные исцелениям у святыни, выглядят следующим образом: тяжелая болезнь — бесплодные усилия врачей — глубокая вера и слезные молитвы больного (его родных) — больной (родные) узнают о святыне — "контакт" со святыней (молитва, прикосновение, заказанный молебен) —

Монахи, собирающие пожертвования на построение храма. Владыческая церквь. (Фото из фонда РЭМ. Коллекция ЗХОЛ, привезенная в 1914 г.)

исцеление. Набор болезней также ограничен (слепота, паралич, беспозвоние, головные боли, реже — "грудные" болезни). Подобная повторяемость способствует устному распространению христианских рассказов.

После 1917 года выпуск массовой христианской литературы прекратился и для множества преданных православию людей наступили времена "кинжального голода". Безусловно, трагичность положения верующих в последующие десятилетия заключалась не только и не столько в этом; однако импульс острый недостаток христианской литературы воспринимается ими самими как наибольшее зло. Мученический венец, принятый в условиях гонений за веру, является, в сущности, благом для христианина, в то время как упадок христианского образования и, следовательно, веры в России приведет, по мнению "церковных" людей, к неизбежному концу света.

Вычеркнутые из жизни страны, верующие люди, по преимуществу представители деревенской и городской низовой среды, со временем образовали определенный социально-культурный слой, существенно отличающийся от других социальных групп.

Образ жизни людей прицерковного круга полностью определяется церковным распорядком, как в прошлом жизнь крестьянской общины определялась календарем (сезонными изменениями и чередованием будней и праздников). Зачастую "церковные люди" оставляли работу и жилье и ехали в другой конец страны за сосланным священником — их духовным отцом. И сейчас они стараются селиться поближе или к духовному отцу, или к святому месту (монастырю, храму с чудотворной иконой, гробнице святого и т.д.).

Кинжальный же голод, пусть не до конца, удовлетворялся переписанными и перепечатанными произведениями религиозного содержания, источниками для которых служила соответствующая литература XIX в., а также жития святых, творения отцов церкви и разнообразные устные рассказы о чудесах, мучениках и подвижниках и т.д. Переписывание, перепечатывание и создание подобных текстов проходили в условиях подполья в столицах и провинции и даже в невыносимых условиях лагерей³. Многие представители прицерковного круга хранят архивы, состоящие из переписанных и перепечатанных текстов, что доказывает существование своеобразного околодеревенского "самииздата", заменившего церковные издательства на протяжении семидесяти лет Советской власти.

Приведем перечень основных групп текстов, хранившихся в подобных архивах:

— канонические тексты (молитвы и акафисты, Евангелия, послания апостолов, творения отцов церкви и т.д.);

— краткие жития святых, часто не совпадающие с канонической редакцией, а также отдельные рассказы о чудесах, совершившихся тем или иным святым (иногда без упоминания его имени). Часто чудеса одного святого приписываются в подобных текстах другому или вообще заимствуются из устной традиции;

— апокрифические произведения на сюжеты из Ветхого и Нового Заветов;

— конспекты церковных проповедей или неопубликованные произведения почитаемых священников и монахов;

— рассказы, которые можно обобщить под названием произведения, вошедшего в эту публикацию — "Невероятное"; основой этих рассказов служит чудесное;

— рассказы исторического содержания, интерпретирующие те или иные события с христианской точки зрения;

— стихи религиозного содержания.

Мы предлагаем вниманию читателя семь текстов, взятых из двух архивов "церковных людей", живущих около Псково-Печерского монастыря. К архивам мы имели доступ в 1994 г. Все публикуемые произведения, по-видимому, относительно независимы от своих литературных источников (если такие вообще имеются), однако не исключено, что ближайший источник еще может быть обнаружен, и генезис того или иного текста будет реконструирован более обстоятельно.

При подготовке текстов к публикации мы осуществляли лишь орографическую и пунктуационную их правку. В силу этого тексты выглядят менее "удобочитаемыми", однако только так они могут создать у читателя полноценное впечатление от культуры, которую они представляют.

1. Рассказ. Господь послал Ангела смерти к одной женщине, а у ее муж пил, а она с ним ругалась. Ангел прилетел, а она кормит двух детей грудью. Ангел полетел обратно. Господь спрашивает, где душа ее. — «Я пожалел, у ее двое детей». — «По посылаю тебе на землю для послушания», он спустился на землю, и крыльев не стало, а лежал на земле голый, а муж двух детей понес на базар, чтобы продать сапоги, и шел по дороге, человек голый. «Откуда?» — Молчит. «Почему лежишь голый?» — Молчит. «Как зовут?» — «Михаил». — «Ну, пойдем со мной», — и повел. Жена встретила, начала ругаться: «Сам пьешь и еще кого-то ведешь». Он хорою жил и слушал хозяина и все смотрел в окно и кого-то ждал, и пришла женщина с двумя детьми, когда она умирала, и придавила одну девочку, мертвая была. Потом пришел барин и заказал сапоги и ткнулся головой о косяк, а он стал цвать не сапоги, а тапочки; смотрит мужик, что не то цвет. Вскоре возвращается с дороги слуга, сказал, что барин умер на дороге, вы ему тапки — отдал для барина, и у него выросли крылья; открылась крыша, и послышалось пение, слышно было. А позади тела барина шел Ангел смерти. А Ангел Михаил поднялся вверх и невидим был.

2. У Царя этой страны была одержимая злым духом дочь. И вот Царь Святителя Спиридона пригласил приехать к нему и исцелить его боленную дочь. Вот Святитель Спиридон говорит своему кучеру: «Занягай пару коней в повозку, и поедем к царю». И они поехали, а сектанты узнали, что это Святитель едет. И когда они остановились на отдых в одном месте, то сектанты постригали обеим лошадям головы, и они лежали мертвые. Когда пришел кучер занягать лошадей ехать дальше, то видит: обе лошади лежат без голов. Тогда он идет и говорит Святителю Спиридону, что «мы не можем ехать, обе лошади лежат без голов, отрезали сектанты». Тогда Святитель говорит кучеру: «Ничего, а ты приставь головы к лошадям, и они прирастут». Кучер так и сделал, и лошади ожили. А лошади были одна черная, одна белая, и он в горячке, в волнении, голову белой лошади приставил к черной, а голову черной лошади к белой, и головы приросли сразу, и лошади ожили. Когда они поехали, люди смотрят все и удивляются, что за чудо такое. Лошадь белая, а голова черная, и лошадь черная, а голова белая. Вот видите, какой Святитель был чудотворец. Когда они приехали во дворец Царский, поступал Святитель и вышел царский слуга. Святитель сказал: «Мне нужно видеть Царя». Слуга говорит: «Какой-то пийц пришел, и ему нужно видеть Царя», стал его выгонять: «Уходи отсюда вон, я покажу тебе Царя», — и ударил Святителя по щеке, а Святитель подставил ему другую щеку, говорят: «Бей и по этой щеке». Тогда слуга думает: «Не Святитель ли это, что такое у него смирение». Тогда он идет доложивать Царю. Царь говорит: «Да это Святитель, я его вызывал, и он приехал, пропусти его сюда». Слуга говорит: «А он одет плохо, как нищий». Слуга тогда просит у Святителя прощения и просит не говорить Царю о том, что он ударил его, «а то, — говорит, — Царь меня накажет, выгонит из дворца». Этот слуга был очень грубый, а после так его смягчились сердце, и больше так он никогда не поступал, а стал очень добрым.

3. Святой Макарий, когда он шел однажды по пустыне, и увидел человеческий череп, лежащий на земле, Макарий подошел, ударил три раза череп в лоб посохом и спросил: «Кто ты был, когда жил на земле?», и отвечал голос из черепа: «Я был жрецом египетских богов и морских идолов, которым многие служат и поклоняются», святой Макарий спросил: «Скажи мне сейчас, где ты находишься и в каком месте», ответил череп: «Где нас много мучают день и ночь», спросил святой Макарий: «Скажи мне, бывает ли вам когда-нибудь облегчение от муки?» Череп ответил: «Когда христиане молятся, особенно в субботу, помилюемые за усопших, тогда в верхних слоях ада бывает свет и отрада с вечера пятницы до утра воскресного, к нам этот свет мало проникает, но все же мы различаем перемены, и бывает некоторое облегчение», и спросил Макарий: «А христиане имеются с вами?» Череп отвечал: «Имеются, они когда-то прельстились, потом отвергли все святое и уклонились по своим земным путям, чародеи и кощунники, богохульники, еретики, блудники, из монахинь и монахов духовного рода, все они находятся вместе с нами, горе нам, перескакивая грехи никам, отвергшим Господа Вседержителя, сына его и святого духа, освернили», и спросил Макарий: «Скажи мне, череп, когда ты покинул плоть свою, т/е умер?» — «Вот уже 70 лет, как я лежу здесь похоро-

Последник собирающий пожертвования у входа Александро-Невской лавры на восстановление пустыни Сафоян-Петербург. Ноябрь 1994 г. Фото Д.А.Пискунова

нен», — отвечал череп, сказал святой Макарий: «Хочешь ли, человече, чтобы я помолился Господу и воскресил тебя?» Отвечал череп: «Я хочу, но при условии, чтобы не помирать снова, ибо смерть страшна и лютая, я не могу без содрогания вспомнить о ней». Конец.

4. Св. Антоний молился, и ему было откровение: в последнее время перед концом мира подвижников не будет, но будут спасаться «терпением и смиренiem». Монахи будут, как мирские. В первые века христианства были великие подвижники. В средние века меньшие подвижники. А в последний век совсем нет подвижников. Вот видит он огненную реку, огонь так и пытает вверх. Стоит на берегу три монаха, и им нужно перейти на ту сторону огненной реки. И вот монах первого века отходит от этих двух монахов метров на десять, у него образовались большие крылья, и он поднялся в воздух, и полетел через реку, и на другом берегу приземлился. Большие крылья — это у него были большие подвиги.

Средние века монах отходит метров на двадцать, и так же поднимается вверх, и летит на ту сторону реки, и так же приземляется: и у этого монаха были подвиги, но меньшие, как у первого.

А у монаха последнего века крылья петушиные, и он в таком страхе за то, как ему перелететь с такими крыльями огненную реку. И вот он поднялся, захлопнул крыльями петушинными и со слезами, и просьбою, и во имя Господу о помиловании полетел на ту сторону огненной реки и так же приземлился, как и те два монаха. Подвигов у него не было. Но и этот монах спасался: терпением и смирением.

5. Благоразумный разбойник. Когда Ирод дал указ на избиение младенцев, 14 000 в Вифлееме избили. Во сне Ангел Господень явился Иосифу, глаголя: «Встань, поима отрока и Матерь Его, бежи во Египет и буди там дондеже реку ти. Хочет Ирод искати отрочата да погубить Е..». И так они поступили: взяли осла, положили котомки, и

Матерь Божия со младенцем села на осла. На пути их встретила шайка разбойников, которая грабила богатых и убивали. Но подошли они к ним, обыскали, ничего не нашли, но сказал атаман: "Котомки свои возьмите с собой, а осла мы оставляем у себя". Но благоразумный разбойник сказал: "Зачем нам осел?" Но атаман решил взять. И святое семейство отпустил, а осла оставил. Благоразумный разбойник сказал: "Отдайте мне деньги, мою 4-ю часть, я у вас покупаю осла и пойду, а куда отлучусь". Я поехал в направлении Святого семейства. Они дошли до ручейка и решили отдохнуть, и там их догнал Благоразумный разбойник: "Возьмите своего осла". Матерь Божия попросила Благоразумного разбойника подержать Богомладенца, и когда он взял его на руки и сказал: "Если бы и Христос был, то этот младенец был необыкновенной красоты", — и даже прослезился. А Матерь Божия пошла поить осла; приходит, а Благоразумный разбойник сказал: "Я никогда не плакал, а сейчас слплакнула, что-то заставило меня". И одна слеза упала на ручку Спасителя, а другая — на мантию Матери Божьей. Матерь Божия сказала, что: "Когда-нибудь тебе эти 2 слезинки помогут". И когда он был распят на кресте вместе с Господом, то второй разбойник сказал: "Если ты Бог, себя спаси и нас". А благоразумный разбойник сказал: "Его-то за что; вот нас надо". И Матерь Божия показала его слезинку на мантии ее. И Господь говорит: "Отныне ты войдешь первый в Царствие райское", — и так и сбылось.

6. Невероятное. Представлю я себя, читатели: вырос я в православной, довольно набожной семье, а потом учился я в таком заведении, где неверие не почтaloось. Получилось из меня, в сущности, что-то малоопределенное, я не был атеистом и никак не мог считать себя сколько-нибудь религиозным человеком, но вот и сложилось в моей жизни так. Я носил имя христианина, но никогда даже в голову мне

Надле-страфа вага. Владимицкая туб.
(Фотопечка РЭМ. Коллекция 3307, приобретена в 1914 г.)

не приходило проверить себя. Я всегда говорил: я верю в Бога, но если бы спросили, как я верую в Бога, то я бы пришел в тупик. Бабушка моя строго соблюдала пост, однажды мне она сделала замечание, что: "Ты здоров, аппетит прекрасный, значит, отменно можешь кушать постное". На это я возразил: "Ведь и вы, бабушка машинально, по привычке, посему бессмысленно". Я сказал ей: "Да не все равно Богу, что я буду есть, ветчину или балык?" Бабушка возразила: "Как же это ты говоришь: "бессмысленно", когда Господь сам постился?" И тут-то я вспомнил о Евангельском повествовании об этом обстоятельстве. Я верил [в] Бога, в его Творение, но в загробную жизнь я не верил. Я по привычке редко ходил в церковь, раз в год говел, по привычке крестился.

И вот случайно мне пришлось попасть по делам службы в К., и заболел серьезно. Родных тут моих не было, даже своей прислуги в К., и мне пришлось лечь в больницу. Определение доктора — воспаление легких, но я тогда находился в гостинице. Болезнь моя развивалась. Т поднималась, и поднимал меня жар, не давал мне спать.

Т была 40,9 и 40,8, так и держалась. Потом т снизилась, 37, мне легче, но врачи все не отходили, потом мне к вечеру стало дурно, фельдшер мне принес кислород, мешок. Вдруг ко мне в палату собралось много врачей. Странная перемена: я потерял чувствительность, но видел, как доктор брал меня за пульс. Я видел и понимал, [меня] приподнимали, но я уже ничего нечувствовал. И во мне обнаружилось 2 существа. Доктор задает мне вопрос — я слышу, понимаю, но отвечать не могу. И вдруг меня удивило, какая-то сила потянула меня вниз. Как объяснить, как к моим членам подвесили гири. Вдруг слышу: "Агния", — голос доктора.

"Агния — смерть", — подумал я. Я видел себя, что я стоял перед комната, и все смотрели на койку. Я взглянул: там лежал я. Я хотел освятить себя, правую руку за левую — моя рука прошла насквозь. Хотел взять за талию — рука снова прошла насквозь через мой корпус, как по пустому пространству. Я хотел протянуть руку к доктору. Я чувствую: я иду, не дотрагиваюсь до пола, не прикасаясь. Я слышал их разговор о [бо] мне. Доктора все вышли, возле меня няня перекрестилась на икону и сказала: "Царство ему небесное и вечный покой". И сразу появился Ангел мой хранитель, я узнал его, а другой Ангел мне был неизвестный, взяли меня под руки Ангелы, через стены вынесли на улицу. Вдруг послышался шум, и стала ко мне приближаться страшная толпа, безобразные существа. Они закричали: "Он наш, он от Бога отрекся", — все в один голос закричали. Я хотел сказать: неправда, это вранье, — и вспомнил, как мы однажды спорили о Боге, и мне сразу тут пришла об этом мысль.

Я стал молиться, просить угодников, кого знал; и тут как белый туман стал закрывать от бесов. Их не видеть, а рев их был слышен. Но мы еще поднимались вверх. Вдруг озарил яркий свет, и [я] закрыл даже глаза: поднес руки к лицу, но это не помогло мне. Но сверху раздался голос: "Не готов!"

И остановка, и мы стали опускаться вниз. Потом вижу себя в гроте, плачет сестра (приехала с мужем). Я ей говорю: "Я жив". Потом я вижу: я в палате лежу, кругом доктора. Открыл глаза, увидел окруженного толпой, врачи были тут. В трауре стояла моя сестра и зять. Прежде всего я приветствовал сестру, она обняла меня. Я врачам говорю: "Я все знал и видел, что творилось со мной. Я все слышал".

7. Молитва патриарха Иллии Антиохийского. Стояла зима 1941 г. Немцы рвались к М[оскве]. Страна находилась на грани катастрофы. В эти дни в победу почти никто не верил; не знали, что делать, и видели только погибель. Всюду была паника, страх, уныние. Когда началась Великая Отечественная война, патриарх Антиохийский Александр III обратился с посланием к христианам всего мира о молитве и материальной помощи России. Очень немного истинных друзей осталось тогда у нашей страны. Были великие молитвенники и на Руси, такие как иеросхимонах Серафим Вырицкий. 1000 дней и 1000 ночей стоял на молитве о спасении страны и народа Российского в тяжелейшие годы, когда страну терзали враги.

После обращения Александра III был избран друг[ой] молитвенник за нас из гор Ливанских Иллия Антиохийский. Патриархат стал горячо молиться за спасение страны Российской от гибели. Он опустился в каменное подземелье, куда не доносился ни один звук с земли, где не было ничего, кроме иконы Божьей Матери. Владыка затворился там,

не пил, не спал, а только стоял на молитве на коленях перед иконой Божьей Матери с лампадкой и молился. Каждое утро владыке приносили сводку с фронта о числе убитых и куда дошел враг. Вот через 3-е суток было видение: явилась к нему в огненном столпе Сама Мать Божия и объявила, что избран он как истинный молитвенник и друг России для того, чтобы передать определение Божие для страны народа Русского. Должны быть открыты по всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Если не будет выполнено это, Россия погибнет. Священники должны быть возвращены с фронта и из тюрем и должны начать служить.

Готовился к сдаче немцам Ленинград. Сдавать нельзя. Пусть вынесут Чудотворную Икону Казанскую. Б[ожьей] М[атери] и обнесут ее крестным ходом вокруг города, тогда ни один враг не ступит на святую землю. Это избранный город. Перед Казанской иконой надо совершить молебен в Сталинграде.

Когда кончится война, митрополит Илья должен рассказать, как она была спасена.

Владыка Илья связался с представителями Русской Церкви и Советского правительства и передал им все, что было определено. И теперь хранятся письма и телеграммы, переданные митрополитом Ильей в Москву. Сталин вызвал к себе митрополита Алексия, митрополита Сергея и обещал исполнить все, что передал митрополит Илья, ибо не видел большие никакой возможности спасти положение. Все произошло так, как было предсказано. Не было сил, чтобы удержать врага. Страшный голод. Ежедневно умирали тысячи людей. Тогда вынесли из Владимирского собора Казанскую икону Божьей Матери и обошли с крестом ходом вокруг Ленинграда. Город был спасен. Многим до сих пор непонятно, чем держался Лен-д, ведь помочь ему практически не было, то, что подвозили, — это была капля в море, и тем не менее город выстоял.

Снова подтвердились слова, сказанные святителем Митрофаном Петру I-му, что город Святого Петра избран самой Богородицей и, пока Казанская ее икона в городе и есть молящиеся, враг не сможет войти в город. Вот почему ленд-цы почитали Казанскую икону Божьей Матери. Она во все времена от основания города была заступницей его и по всей России.

Комментарий к текстам

1. Сюжет, известный в устной традиции в Восточной Европе (AaTh 795 "Наказание ангела") и, по-видимому, не имеющий письменной основы. Обработан А.Н. Толстым (рассказ "Чем люди живы"). Малопонятный эпизод с женщиной и двумя девочками, вероятно, нужно понимать следующим образом: ангел узнает девочек, мать которых он пожалел; умирая, мать каким-то образом случайно покалечила одну из дочерей⁴.

2. Подобный эпизод имеется в Житии св. Спиридона, епископа Тримифунтского (ум. 348), где идет речь об исцелении царя Константина (а не его дочери), однако эпизод с отрубанием и приращиванием лоцвицких голов отсутствует в житии. Подобный мотив встречается в русских легендарных сказках⁵.

3. Сюжет, имеющийся в раннесредневековых свидетельствах о св. Макарии Египетском (300–390)⁶ и распространенный в западноевропейской средневековой литературе "примеров" (exemplorum) (Tu 3111 "Святой Макарий и череп язычника"). Неоднократно встречается в популярных изданиях XIX — нач. XX веков. Публикуемая запись существенно отличается от традиционной канонической версии, в которой, в частности, отсутствует предложение Макария воскресить жреца.

4. Эпизод отсутствует в житии св. Антония (ок. 250–356), однако известен в европейской средневековой литературе (Tu 284a "Видение Антония Великого"). Концепция, лежащая в основе рассказа, совпадает с распространенным в прицерковной среде представлением о современном монашеском идеале.

5. Образ благородного разбойника, восходящий к тексту Евангелия (от Луки, 23:39–43), встречается в апокрифической литературе⁷ и церковном предании⁸. Эпизод со слезами, пролитыми разбойником, отсутствует в тексте Четьи Миней и известных нам апокрифов.

6. Характерный образец жанра "обмираций", распространенного в массовой христианской литературе и устной традиции. В данном тексте "обмирающий" проходит через мытарства, что вполне соответствует христианской доктрине, но не является обязательным признаком жанра.

7. Чудесная мотивировка того обстоятельства, что Ленинград не был захвачен во Вторую Мировую войну (как свидетельство "избранности", "отмеченности" города), широко распространена в традиции так называемой "петербургской легенды". Традиционен и мотив религиозности Сталина в этот

Ницай у Троицкого собора Александра-Невской лавры
Санкт-Петербург. Ноябрь 1994 г. Фото Д.А.Пищекова

период⁹. Публикуемый текст — начальный фрагмент более обширного произведения, дальнейшее содержание которого следующее: икону Казанской Божьей Матери возят по фронтам, и она чудесным образом помогает одержать победу над немцами. После войны Илья Антиохийский посещает Советский Союз.

Примечания

¹ Приведем некоторые характерные названия подобных книг: "Чудеса Божии в наши дни"; "Чудеса в прежнее и наше время"; "Из мира таинственного"; "Из загробного мира"; "Необыкновенное происшествие"; "О чудесах и знамениях".

² Пытки А.Н. Древнерусское паломничество. СПб., 1903. С. 32.

³ См.: Дар ученичества / Сост. П.Г. Проценко. М., 1993. С. 8; Воспоминания о старце Севастиане Карагандинском. М., 1994. С. 4.

⁴ Сходный эпизод — в тексте: Старый фольклор Прибайкалья / Вст. ст. и прим. А.В. Гуревича. Т. I. Улан-Удэ, 1939. №46.

⁵ См., напр.: Садовников Д.М. Сказки и предания Самарского края // Записки Имп. Рус. геогр. общества. Т. 12. СПб., 1884. №92.

⁶ Их перечень см. в кн.: Бронзов А. Преподобный Макарий Египетский, его жизнь, творения и нравственное мировоззрение. СПб., 1899. С. 251–252.

⁷ См.: Пудко В.Г. Благородный разбойник в апокрифической литературе и древнерусском изобразительном искусстве // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 22. С. 407–418.

⁸ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четырех Миней св. Дмитрия Ростовского. Ки. IV. М., 1902. С. 720.

⁹ См., напр.: Гололий В.В. Легенда о Сталине и "стихи на бревнах" // Фольклор и культурная среда ГУЛАГа. СПб., 1994. С. 68–69.

Сокращения

AaTh — Aarne A. Thompson S. The Types of the Folktale / A Classification and Bibliography. Helsinki, 1964.

Tu — Tuček F.C. Index exemplorum / A handbook of medieval religious tales. Helsinki, 1969.

А.Ф. НЕКРЫЛОВА

“Служители уличных муз”[”]

В прошлом жизнь крупного российского города невозможно было представить себе без своеобразного музыкального фона.

По воскресеньям и праздничным дням в городских парках, садах и на бульварах звучали духовые оркестры. Эстрадные подиумы веселительных садов ошеломляли куплетами, шансонетками, музыкантами-виртуозами, народными хорами, исполнителями романсов, арий из опер.

Захлебывалось, тонуло в музыкальной какофонии всякое народное гулянье. Хаос звуков — громкое и одновременное звучание хоров, оркестров, барабанного боя, зазываний нараспев балаганных и карусельных “дедов”, возгласы и прибаутки торговцев, мелодии одиночных шарманок, скрипачей, пение гуляющих и пр. и пр. — вот обязательный фон ярмарочной или праздничной площади.

Об этом немало написано, хотя далеко не все. Но о чём вспоминается редко и что совершенно ушло из городского быта на долгие-долгие годы — так это уличные, дворовые будничные выступления музыкантов и певцов. Последние годы это отчасти вновь становится яркой приметой большого города, где у станций метро, перед крупными магазинами и гостиницами выступают чуть ли не ежедневно камерные духовые или струнные оркестры, а в подземных переходах, у памятников, музеев и т.п. играют для себя, на радость пешеходам и, главным образом, для зарплатка всякого рода музыканты — от любителей до профессионалов — и диапазон их исполнительства в жанровом и качественном планах чрезвычайно широк.

Так формируется своеобразный музыкальный уличный быт, в какой-то мере могущий быть причисленным к явлениям традиционной городской культуры. Создаваясь нынче заново, он тем не менее продолжает когда-то прерванное, хорошо забытое.

Из материалов прошлого века (литература, бытовые очерки, мемуары) следует, что вполне обычными фигурами повседневной жизни непарадных частей города и его окраин были бродячие певцы и музыканты. С армией разносчиков и мастеровых музыканты будили трудящийся люд и до позднего вечера гастролировали по дворам и улицам, увеселяя прачек, белощеек, дворников, бедных обывателей, нишек и ребятишек. Последние часто сопровождали таких артистов, переходя с ними из одного двора в другой и составляя самую преданную, благодарную, но — увы — безденежную публику.

Несколько ярких портретов подобных “служителей уличных муз” оставил И.А. Белоусов, знаток и летописец “ушедшей Москвы”¹.

Пожалуй, одно из первых мест среди музыкальных бродячих актеров занимали шарманщики. Их было много, а выступления и сами шарманки отличались большим разнообразием.

Как сообщается в “Музыкальном словаре”, шарманка — это “механический духовой музыкальный инструмент. Род небольшого переносного органа без клавишного механизма. Состоит из небольшого ящика, в котором размещены звучащие трубы, мех и валики, приводимые в действие вращением рукоятки. Каждой музыкальной пьесе, исполняемой на шарманке, соответствует отдельный валик”². “Во время игры под шарманку подставлялась для упора палка-подставка В ненастную погоду шарманка покрывалась чехлом из черной клеенки. Носили ее на спине или возили в маленькой тележке”³. Снаружи шарманка украшалась — стенки и крышка расписывались видами городов, цветами, букетами в затейливых рамочках, иногда “пастушескими” сценками, модными еще в XVIII в., и пр.

Закрепившееся за этим инструментом название произошло от начала популярной французской песенки “Charmant Catherine”, которая была первой пьесой в наборе мелодий (отсюда польское и украинское их название — *kalagutka, катеришка*).

По всей видимости, с шарманкой познакомили Россию в начале XIX века немецкие и итальянские бродячие музыканты. В западной Европе она вошла в моду столетием раньше.

Шарманка и шарманщик — типичные явления городской “низовой” культуры, причем именно уличной, дворовой культуры. Правда, войдя довольно быстро в моду, эта разновидность музыкального ящика иной раз оказывалась и в интерьере жилых помещений, занимая равноправное место среди музыкальных шкатулок, механических часов с набором мелодий, звучащих игрушек и прочих диковинок. Вспомним Ноздрева, угощавшего своих гостей шарманкой, которая “играла не без приятности, но в середине ее, кажется, что-то случилось, ибо мазурка оканчивалась песнею «Мальбург в поход поехал», а «Мальбург в поход поехал» неожиданно завершался каким-то давно знакомым вальсом”⁴.

Однако главные подиумы шарманщика — улицы и дворы. “По улицам невозбранно ходили, проникая и во дворы домов, шарманщики” — такова одна из

примет Москвы середины XIX в.⁵ Поселив героя своего незаконченного романа в Столлярном переулке у Кокушкина моста (в Петербурге), М.Ю. Лермонтов не случайно вспоминает о шарманке: “Когда смерклось, он не велел подавать свеч и сел у окна, которое выходило на двор; на дворе было темно; ... он долго сидел; вдруг на дворе загряла шарманка; она играла какой-то старинный немецкий вальс; Лугин слушал, слушал — ему стало ужасно грустно”⁶.

Шарманка продолжала звучать и на окраинах Петербурга начала XX века. Напомню строки А. Ахматовой из “Позмы без героя”:

За яstävän voiti шарманка
Водят мышку, пляшет драпанка...⁷

О том же и начало стихотворения Вал. Кривича “В сером доме”:

Все то же и так же, как было.
И так же опять, как вчера.
Шарманка фальшивая ныла,
В туманном колодце двора...⁸

Хлеб этих представителей городского уличного искусства был очень горек. Заработок почти всегда оказывался ничтожным по сравнению с труднейшими условиями выступлений и ежедневным изнурительным трудом. “Взгляните на этого человека, медленно переступающего по тротуару; всмотритесь внимательнее во всю его фигуру. Разодраный картуз, из-под которого в беспорядке вырываются длинные, как смоль, черные волосы, осеняя худощавое загоревшее лицо, куртка без цвета и пуговиц, гарусный шарф, небрежно обмотанный вокруг смуглой шеи, холстинные брюки, изувеченные сапоги и наконец огромный орган, согнувшись фигуру эту в три погибели, — все это составляет принадлежность злополучнейшего из петербургских ремесленников — шарманщика. В особенности наблюдайте за ним на улице: левая рука его с трудом вертит медную ручку, прикрепленную к одной из сторон органа; звуки то заунывные, то веселые вырываются из инструмента, оглашая улицу, между тем как взоры хозяина внимательно устремлены на окна домов; он прислушивается к малейшему крику, зову и едва встречает приветливый взгляд, как тотчас ставит свою шарманку и начинает играть лучшую пьесу своего репертуара. Каждый раз, как которая нибудь из труб, позабыв уважение к человеческим ушам, заверещит неестественно и нескладно, посмотрите, как старательно завершит он рукою, думая тем загладить недостатки пискливого своего инструмента и не возбудить в служе

вашем неприятного ощущения. Форточка отворяется, пятак или грош, завернутый в бумажку, падает к ногам его в награду за труды, но часто, весьма часто, истощив напрасно свой репертуар, он медленно удаляется грустный, унылый, не произнося ни жалобы, ни ропота. Он уже давно привык к такой жизни. Какая бы на улице ни стояла погода, знойный жар, дождь, трескучий мороз, вы увидите его в том же костюме, с тою же шарманкою на спине, — и все для того, чтоб получить медный грош, а иногда и "надлежащее распекание" от дворника..."⁹

Мы намеренно привели столь длинную цитату, поскольку это действительно "картина с натуры" и принадлежит она перу Д.В. Григоровича, единственному, кто удостоил петербургского шарманщика целым исследованием. Ситуация, отраженная в очерке Григоровича, относится к началу 40-х годов прошлого столетия. Мало что изменилось через пятьдесят с лишним лет. Переводя стихотворение Вильгельма Мюллера, посвященное немецкому шарманщику, И.Анненский без сомнения видел перед собой его петербургского собрата:

В дальнем якоулке
Дед стоит седой
И шарманку вертит
Дряхлою рукой.

По снегу да босый
Еле бродит дед —
На его тарелке
Ни копейки нет.

Мимо идут люди,
Слушать не хотят —
Только псы лихие
Деда теребят.

Уж давно о счастье
Дед не ворожит,
Старую шарманку
Знай себе крутит...¹⁰

Вообще, тема шарманки в отечественной прозе и поэзии — отдельная тема, заслуживающая особого внимания.

Несмотря на откровенно нищее или полунищее существование, шарманщики умели сохранять достоинство, они держались как истинные служители искусства и заставляли публику, какая бы ни собралась вокруг них, ощущать то же самое. Пожалуй, трудно сказать более точно о том впечатлении, которое производила игра шарманщика на рядового петербуржца, чем это сделал Ф.М. Достоевский устами Макара Девушкина: "А по-моему, родная моя, вот тот шарманщик, которого я сегодня в Гороховой встретил, скорее к себе почтение внушит... Он хоть целый день ходит да маётся, ждет залежалого, негодного гроша на пропитание, да зато он сам себе господин, сам себя кормит. Он милости просить не хочет; зато он для удовольствия людского трудится, как задведенная машина, — вот, дескать, чем могу, принесу удовольствие. Нищий он,

правда, все тот же нищий; но зато благородный нищий!"

В крупных российских городах, на знаменитых ярмарках шарманщики были представлены разными типами. Во-первых, сами инструменты их имели несколько разновидностей. Это и "высокий ящик, покрытый зеленым сукном, с каким-то дребезжанием вместо музыки, называемый «фортельяно-англез»"¹²; и дорогой "орган с блестящими жестяными трубами, медными бляхами, золотыми кистями, горделиво качающейся на зеленой тележке, везомой бурою клячею"¹³.

Москва середины XIX в. знала "старого фасона" шарманки-шкафчики с танцующими в них куклами, "но с еле слышной — обычно фальшивою музыкой"; и большие тяжелые, "громко, трубными звуками ревущие" ящики¹⁴. В Петербурге существовали малого размера шарманки, украшенные сверху фигурой Наполеона "в синем фраке и треугольной шляпе", при проворачивании ручки вокруг императора начинали вертеться австрийские дамы¹⁵. До конца 50-х годов прошлого века здесь часто можно было видеть шарманки, имевшие спереди "открывающуюся маленьку площадку, на которой под музыку танцуют миниатюрные фигурки и часто изображается умирающий в постели Наполеон и плачущие вокруг него генералы"¹⁶.

Оба последних примера относятся к итальянским шарманкам, с которыми приходили в Россию европейские уличные актеры, хотя такие же инструменты встречались и у русских, обычно покупавших их у своих иностранных коллег.

Интересно, что в зависимости от национальности владельца шарманка по-разно-

му расписывалась: "«видами» Везувия или Венеции, если была итальянского происхождения, и «видами» Тироля, если была австрийской"¹⁷.

Предприимчивые одессы придумали особых сорта шарманку, которая позволяла проходить в самые маленькие и узкие калитки.

Среди шарманщиков были люди разных национальностей. Чаще всего ими оказывались итальянцы, блуждающие по свету в поисках заработка. Они уходили из дома на долгое время, иной раз годы проводя в дороге, пересекая всю Европу и добираясь не только до Петербурга и Москвы, но и до провинциальных русских городов.

Томас Мани, к примеру, говорил о традиционном присутствии таких музыкантов в городах Германии в период рождественских праздников: "На улице, покрытой смерзшейся снежной пеленой, играли итальянцы-шарманщики и с рыночной площади доносился гул рождественской ярмарки"¹⁸.

В Одессе середины прошлого века хорошо помнили итальянца Кароссо, который пришел сюда "после того как обошел всю Европу с шарманкой в руках. С ним шла его подруга, первая жена, которая пела под его аккомпанемент"¹⁹.

Шарманки пользовались большой популярностью в Германии, не случайно маршрут итальянцев, вооруженных этими музыкальными ящиками, пролегали через немецкие земли, а оттуда в Прибалтику и Россию. Понятно, почему и среди немцев было немало шарманщиков, исходивших все дороги Северной Европы.

По отношению к Москве середины XIX в. Н.В. Давыдов писал совершенно

Масленица. С литографии В. Тимма

уверенно: "большинство шарманщиков были иностранцы, всего чаще итальянцы"²⁰.

Исследуя быт шарманщиков Петербурга, Д.В. Григорович пришел к выводу, что в столице этим промыслом занимались итальянцы, немцы и русские. "Межими итальянцы занимают первое место <...> тогда как русские и немцы не более как последователи, которые хватаются за шарманку как за якорь спасения от голодной смерти или по неспособности, чаше по нехоте к другому более дальнему ремеслу"²¹.

Заработав определенное количество денег, некоторые итальянцы оседали в Петербурге, обзаводились собственным жильем, несколькими шарманками и сами по дворам уже не ходили, нанимая для этого русских или немецких работников, которых на день снабжали инструментом, набором кукол и которые обычно снимали углы у своего работодателя.

Позднее, где-то на рубеже XIX–XX вв., в Петербурге "с наступлением тепла появлялись на окраинах болгары с обезьянками. Они и летом были в полушубках и высоких бараных шапках. Каждый носил маленькую шарманку"²².

Шарманка исполняла, как правило, пять–шесть пьес, запрограммированных ее валиками. Разумеется, репертуар был разным, хотя можно говорить и о наличии традиционного набора мелодий. К ним относятся популярные вальсы, польки, романсы. У русских это "Разлука", "Барыни", "Мой костер в тумане светит", "Маруся отравилась" и т.п. Итальянцы услаждали слух своих поклонников "сладкими звуками «Травиаты»"²³.

Интернациональный характер шарманочного промысла ярко проявлялся в удивительных, едва ли возможных для каких-либо иных увеселителей, сочетаниях. К

Французский шарманщик на улицах Северного Петербурга. Офорт первой трети XIX в.

примеру, в российской столице итальянские шарманщики развлекали немцев во время их (немецкого) традиционного летнего праздника (на Куллерберге)²⁴. А немец, выступающий на одной из улиц Петербурга, вертит ручку итальянской шарманки с ящичком, "в котором представлен француз, танцующий с дамами"²⁵.

Редко встречались шарманщики-одиночки, целиком полагавшиеся на свой музыкальный инструмент с его небольшим набором мелодий. Многие предпочитали ходить вдвоем-втроем, принимая в компании различных представителей уличного артистического ремесла. Иногда таким образом собирался целый бродячий оркестр, где наряду с шарманщиком были klarнетист, скрипач, ударник с треугольником, барабаном и бубном.

Самым распространенным было сочетание шарманщика с певцами. Песенки и модные арии исполняли нередко dochь, жена или временная (по договору) подруга, спутница музыканта. Подобную сценку запечатлел А. Бахтиаров в очерке о народном гулянии на Марсовом поле Петербурга. "Старик-шарманщик, одетый в потертое, выгоревшее на солнце пальто, в старую порыжелую от времени войлочную шляпу, наигрывал на шарманке. Вокруг стояла толпа любопытных, не столько слушавшая музыку, сколько глазевшая на юную певицу. По временам, в промежутке между пением, девочка подносила озябшие руки к губам, чтобы согреть их своим дыханием.

— Иши ты, какая певунья!
— Пташка голосистая!
— Нужда — скачет, нужда — плачет,
нужда — песенки поет!

Из публики подавали девочке медные гроши, а она тотчас же передавала их шарманщику, который, приподняв шляпу, всякий раз благодарил пожертвователя²⁶.

Случалось, что под звуки шарманки пел небольшой хор уличных артистов. Наблюдательный И.А. Белоусов писал: "Много ходило по дворам певиц", распевавших под шарманку "чувствительные романсы, вроде «Под вечер осенью нечастной» или «Отворите окно, отворите». Последний романс, может быть, намекал на то, чтобы действительно отворилось окно и оттуда выплетели медные монетки"²⁷.

Как бы продолжая рассказ Белоусова, корреспондент "Курских губернских ведомостей" замечал: "Шарманки с отчаянными певцами в розовом трико много способствуют пропаганде романсов, до такой степени изводящих мало-мальски музыкальное ухо"²⁸.

В России (как, впрочем, и в Европе) шарманщики ходили не только в сопровождении певцов, часто их спутниками были гимнасты, фокусники. Они, по словам И.А. Белоусова, "являлись группой по два, по три человека, с той же неизбежной шарманкой; расстилали прямо на

земле коврик (в то время дворы были большей частью незамощенные) и начинали исполнять свои акробатические номера: прыжки, сальто-мортале, хождение на руках вверх ногами, бросание шаров и пр., а фокусники показывали фокусы с монетами, яйцом, платками"²⁹.

По давно и прочно установившейся традиции, корни которой — в Европе, шарманщики в качестве дополнительного завлечения слушателей-зрителей использовали попугая, ручную белую мышь, обезьянку или собачку. А.Ф. Кони, вспоминая шарманщиков на улицах и во дворах Петербурга, называл их *саюярами*³⁰, ибо ярче всего в памяти остались итальянцы с маленьким органчиком и обезьянками, сидевшими на плече хозяина и строившими разные уморительные гримасы³¹.

В конце XIX в. каждый болгарин-шарманщик, приходивший на лето в Петербург, "таскал с собой чахлую обезьянку. Обезьянка под звуки шарманки или бубна давала представление. «А ну, покажи, как баба воду носит». На плечики обезьянки укладывалась палочка, та обхватывала ее лапками и ходила по кругу, как будто несла коромысло с ведрами. «А теперь покажи, как пьяный мужик валяется». Обезьянка идет пошатываясь, потом валится на бок и делает вид, что засыпает"³². Как пишет Я.Н. Ривош, "обезьянки были одеты в фантастические костюмы военных или в «турецкий» костюм с фесочкой на голове". Кроме упомянутых сценок, они изображали также, "как солдат ходит с ружьем"³³. Любопытно, что те же прибаутки и "задания" звучали в другой любимой народной поэзии — в так называемой "медвежьей комедии" — выступлениях вожака с ученым медведем³⁴.

Если при шарманке были дрессированные собачки, их наряжали "кавалерами" и дамами в шляпках", они "смешно, а в то же время возбуждая жалость забитым видом", прыгали по мостовой, "быстро мигая глазками и мотая мордочкой"³⁵.

Товарищем по промыслу у шарманщиков часто оказывалась ученая птица — попугай, щегол, говорящий скворец и др., или морская свинка. Главной и единственной их обязанностью было вытаскивать пакетики со "счастьем". Обычно "на шарманке стоял ящичек с конвертиками, в которые вложены были печатные изречения, большей частью вырезки из «Царя Соломона», гадателя, издаваемого никольскими книжниками. «Счастье» это вынимал не сам шарманщик, а заставлял вынуть или попугая или морскую свинку, которые сидели тут же на шарманке и дожидались, когда шарманщик бросит в ящик несколько зерен; разыскивая их, попугай вынимал кловом и конвертик"³⁶.

Воспоминания И.А. Белоусова относятся к Москве последней четверти XIX в.

В середине 20-х годов уже нашего столетия, в советской Москве времен НЭПа, традиция эта продолжалась, и находилось немало желающих узнать "судьбу":

"Одинокая, мрачная шарманка. Рядом — маленький, серенький человечек. На плече — не то грязно-розовый, не то просто грязный попугай. На шарманке — продолговатый ящик с аккуратно сложенными пакетиками. Это — счастье. Счастье за пять, за десять копеек. Дешевизна, безусловно, заманчива. Вокруг человека: красные платочки, картузы, кепки, две-три буденовки. Жеманясь и конфузясь, к ящику протискивается шляпка со страусовым перышком. Ей тоже хочется дешевенького счастья.

Попугай, воткнутый привычной рукой хозяина в ящик, долго, тупыми глазами смотрит на шляпку, на пакетики, затем, как будто о чем-то вспомнив, вытаскивает замусоленное счастье. Шляпка волнуется. Волнуются и зрители. Но вот пакетик вскрыт. «Осчастливленная» читает дрожащим голосом: «Проживете до 97 лет. Счастливый месяц май. Находитесь под планетой Юпитер. В 1913 году женитесь (по любви) на молоденькой, интеллигентной особе. Приданое двести тысяч».

Кругом смех, шутки. Страусовая шляпка, смущенная, ныряет в толпу. А в догонку несется вместе с хрипящими звуками «шилми» заманчивое, соблазнительное: «Каждый кузнец своего счастья... Только за пять копеек...»³⁷.

В прошлом веке шарманку нередко можно было встретить в трактирах, где она являлась предшественницей граммофонов. В первостатейных "заведениях" выступали специально приглашенные музыканты, певцы, хоры песельников. Трактиры средней руки и кабаки для простого люда довольствовались шарманкой, "которая лицит им комаринскую или щелкает какую-нибудь «Жил-был у бабушки серенький козлик» и т.п. модное по сезону и политическому настроению общественной столичной жизни, но с перевесом и преимущественным влиянием Москвы"³⁸. Так было на знаменитой Нижегородской ярмарке.

О шарманщике на службе кабатчика писал А.И. Левитов, называвший среди самых популярных и частых мелодий того же "Серенького козлика" и модные романсы "На погибельный Кавказ не езди" и "Я в пустыню удаляюсь от прекрасных здешних мест"³⁹.

Превосходно чувствовали себя шарманщики во время народных и ярмарочных гуляний. Они много играли, их с удовольствием слушали и более охотно, чем в будни, кидали копейки, а случалось и достаточно крупные деньги.

Москвичи издавна 1 мая устремлялись в Сокольники, на природу, отмечая наступление тепла и появление зелени. На это традиционное гулянье выезжали

семьями, с едой, питьем, даже собственными самоварами. Здесь действовали карусели и качели, а "по роще ходили шарманщики" и разного рода разносчики, предлагая свой товар.

По воспоминаниям современников, на петербургских масленичных и пасхальных гуляниях собиралось до двадцати шарманщиков, которые вносили существенную лепту в ту звуковую сумятицу, без которой трудно представить праздничную, многолюдную, громко веселящуюся площадь, будь то в Петербурге, Москве⁴⁰ или в меньших масштабах в других городах России. "Самара. 1878 год. Ярмарочная площадь. Шумно. Людно. Пестро. Весело. Гремит музыка, гнусавят шарманка, пищит петрушка..."⁴¹. Немногим отличалась звуковая партитура ярмарок и гуляний и в больших торговых селах, вроде Одинцова Тверской губернии, где в детстве пришлось побывать Алисе Коонен, которой тогда очень понравились "выкрики продавцов, зазывавших прохожих к своим ларькам, звуки гармони и шарманки", смех, громкие разговоры и пение праздничной толпы⁴².

Шарманщиков приглашали и к балаганам в качестве зазывала: под мелодии своих "органов" они выкрикивали-декламировали программу номеров, входящих (или обещаемых) в состав цирковых и балаганных представлений, рекламировали актеров, просто смешивали публику, заставляя ее останавливаться у того "заведения", хозяин которого их нанял.

В маленьких балаганчиках-шапито шарманщики выступали с группой других актеров. Прекрасный пример тому — рисунок К.А. Трутовского (1862 г.), где изображено выступление гимнаста под звуки шарманки перед полутора десятком зрителей в одном из балаганчиков какого-то уездного города⁴³.

По праздникам шарманка зачастую оказывалась соединенной с каруселью. Федор Степун, описывая летнюю ярмарку 90-х годов прошлого века на Полотняном заводе Калужской губернии, в первую очередь называет карусели, на которых крутится молодежь "под хриплые щербатые шарманки"⁴⁴.

Когда устанавливались большие карусели, к "кружильной машине", приводящей в движение коньки и лодки катального круга, прикрепляли "громоздкий ящик с валом (...), который переставлялся путем отодвигания небольших медных рычажков и от кручения рукоятки". Таким образом вращение карусели шло под музыку шарманки⁴⁵.

Карусели, которые приводились в движение вручную, тоже обычно имели при себе шарманку: железные оси карусели сходились к центру, куда и крепилась шарманка, и несколько человек, врашая подвижную часть с люльками и коньками, звонили " заводили" и шарманку⁴⁶.

Очень давним и прочным был союз шарманщиков с кукольниками. Отдельные умельцы снабжали свой музыкальный ящик двигающимися фигурами, так что шарманка превращалась в своего рода миниатюрный кукольный театрик. Другие входили в компанию к кукольникам. Именно так выступало большинство петрущиков, причем довольно часто главным лицом, хозяином, здесь выступал шарманщик, а собственно кукловод был лишь помощником, о котором в рассказах, очевидцев часто вовсе не упоминается. Сошлемся на Ф.М. Достоевского, мимоходом вспомнившего, как "укладывает в свой походный ящик оборванный, небритый и суровый артист-шарманщик своего пульчинеля" после окончания спектакля⁴⁷. О том же речь идет и в стихотворении Г.Н. Журавева, посвященном уличной комедии с Петрушкой середины XIX в.:

К нам во двор шарманщик нынче по весне
Пригласил актеров труппу на спич..
Развернул он ширму посреди двора:
Дворники, лакеи, прачка, кучера
Вокле ширмы стоялины, чтобы поглядеть,
Как Петрушка будет представлять комедию..⁴⁸

Традиционное сочетание кукольного представления с шарманкой дало повод Д.В. Григоровичу предположить, что и само слово "шарманка" первоначально звучало как "ширманка", то есть "произошло от «ширм», из-за которых Пучинелла, доныне почти всегдаший спутник шарманщика, звонким своим голосом призывает зевак и любопытных". Подобная этимология казалась писателю тем более основательной, "что первые появившиеся у нас органы были неразлучны с кукольной комедией, существующею с незапамятных времен в Италии"⁴⁹.

Действительно, едва ли не каждое представление петрущечной комедии в России шло под аккомпанемент шарманки, в обязательном порядке сначала шел проигрыш одной-двух мелодий, этим же и завершалась комедия. "Быстро расставляются ситцевые пестрые ширмы, «музыкант» кладет свою шарманку на складные козлы, гнусавые, жалобные звуки, производимые ею, настраивают на особый лад и разжигают любопытство", — писал А. Бенуа о начале петербургской петрущечной комедии, завершая рассказ о ней фразой: "Шарманщик играет веселый галоп, и представление окончено"⁵⁰.

Крупнейший деятель советского театра кукол Е. Сперанский не раз говорил о высоком мастерстве обыкновенных уличных актеров. Вспоминая свое детство, прошедшее в Москве начала XX в., он рассказывал о сильном впечатлении от первого увиденного им во дворе дома на Балчуге представления "Петрушки": "На дворе стояла женщина и крутила шарманку. Звукам шарманки было на дворе тепло. Яростно лаяла собака, орал, размахивая метлой, дворник, но на фоне

шарманки и его (имеется в виду Петрушка — АН.) боевого клича «рю-ю-ю-ю-ю-ю!» все это казалось лишь пантомимой. Уже сбегались ребята с окрестных дворов, заходили прохожие. Рядом с шарманкой стояла грязно-зеленая ширма, а на грядке ширмы буйствовал Он — в красной рубахе и красном колпаке, в такий зубоскал-кроюконос. Его пищик перекрывал даже шарманку, а его дубинка с расщепом-трещеткой смачно ударяла по деревянным черепам соперников Открывались окна и двери. Из верхних этажей летели медяки, обернутые в бумагу, — чтобы не отскакивали от булыжника и не закатывались куда не надо...⁵¹

Комедия с Петрушкой заканчивалась подчас тем, что "вертевший ручку шарманки заспанный, всклокоченный парень в плисовом жилете и рваной рубахе протягивает ближайшим зрителям деревянную чашку для добровольной лепты: — Пожалуйте, господа, на дорогу Петру Иванычу!"⁵². Такое имело место на Муромской ярмарке 1895 года. А чем обычно завершалось обращение к публике, говорит Д.В. Григорович: "Раздается финальная ария, представление кончилось. Публика чрезвычайно довольна, но когда шарманщик взял бубен, завертел его на мизинце и стал обходить зрителей, толпа заметно стала редеть. Первыми дезертирами оказались два солдата и баба с веником под мышкой словом, из толпы утекали поминутно с горя шарманщик обратился к ложам, т.е. к окнам, в которых все еще торчали головы любопытных; наконец, один пятак упал, звеня и прыгая, на мостовую, за ним другой, потом третий...⁵³.

Необходимо добавить, что шарманщик, именуемый почтительно *Музыкант*, не только озвучивал, украшая мелодиями своего инструмента, народную комедию. Ему в ней отводилась гораздо более важная роль. Он — партнер главного героя комедии, сам, практически, ее действующее лицо. Он активно вмешивается в сюжет, на равных разговаривает с героями-куклами, регулирует темп спектакля, связывает воедино эпизоды и осуществляет диалог — главную пружину кукольной комедии. Ему же приходится и выступать в качестве посредника между куклами и зрителями, провоцируя первых обратиться к публике за советом, денежной помощью (по ходу спектакля, например, Петрушке надо похоронить доктора или угостить приятеля, и Музыкант велит обратиться к зрителям, попросить у них денег); а вторых, т.е. публику, на разговор с Петрушкой⁵⁴.

Оставив яркий след в народной городской культуре прошлых веков, шарманка в начале XX столетия вышла из употребления. Отдельные экземпляры ее в очень малом количестве хранятся нынче в му-

зеях, да и то большинство из них находится в нерабочем состоянии.

Правда, в последние годы появились энтузиасты, взявшись за возрождение шарманки и подлинной народной петрушечной комедии. Так, москвич Андрей Шавель и Валентина Смирнова с огромным успехом выступают на улицах и площадях столицы, во многих других городах. Их Петрушка как ни в чем не бывало веселит современных детей и взрослых, талантливо приспособливая свою комедию к сегодняшним событиям и вкусам, даря бесконечную радость ребятишкам и чувство радостного удивления и благодарности взрослым. Нашелся и мастер, создавший настоящую шарманку с традиционным набором мелодий. Им оказался Николай Крячко, крупнейший специалист по органам, загоревшийся идеей возрождения обыкновенной шарманки. Так что прав был Ф.М. Достоевский, назвавший народную кукольную комедию бессмертной и веривший в ее бесконечное и счастливое будущее⁵⁵.

Примечания

- ¹ Белоусов И.А. Ушедшая Москва // Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX столетия. М., 1964.
- ² Энциклопедический музыкальный словарь. М., 1959. С. 304.
- ³ Ривош Я.Н. Время и вещи. Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. М., 1990. С. 168.
- ⁴ Гоголь Н.В. Собр. соч. в 6-ти тт. Т. 1. М., 1953. С. 78.
- ⁵ Давыдов Н.В. Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столетия // Ушедшая Москва. С. 32.
- ⁶ Лермонтов М.Ю. <Штосс> (1841) / Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М.-Л., 1959. С. 493.
- ⁷ Ахматова А.А. Петербург в 1913 г. (Дополнения. Строки, не вошедшие в поэму) // Стихотворения и поэмы. Л., 1976. (Биб-ка поэта, б/с). С. 379.
- ⁸ Кричев В. В сером доме // Серебряный век. Л., 1991. С. 284.
- ⁹ Григорович Д.В. Петербургские шарманщики // Физиология Петербурга. М., 1991. С. 51.
- ¹⁰ Айненский И. Шарманщик (из Вильгельма Мюллера) // Стихотворения и трагедии. Л., 1990. (Биб-ка поэта, б/с). С. 225–226.
- ¹¹ Достоевский Ф.М. Бедные люди / Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 1. М., 1956. С. 178.
- ¹² Григорович Д.В. Петербургские шарманщики, с. 53.
- ¹³ Там же, с. 54.
- ¹⁴ Давыдов Н.В. Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столетия, с. 32.
- ¹⁵ Григорович Д.В. Петербургские шарманщики, с. 54.
- ¹⁶ Кони А.Ф. Старый Петербург. Воспоминания старожила. Пр., 1922. С. 77.
- ¹⁷ Ривош Я.Н. Время и вещи, с. 168.
- ¹⁸ Манн Т. Будденброки / Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 1. М., 1959. С. 148.
- ¹⁹ Де-Рибас А. Старая Одесса. Одесса, 1913. С. 176.
- ²⁰ Давыдов Н.В. Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столетия, с. 32.
- ²¹ Григорович Д.В. Петербургские шарманщики, с. 53.
- ²² Засосов Д.А. Пыжин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910 гг. Записки очевидцев. Л., 1991. С. 125.
- ²³ Михеевич В.О. Петербургские сады и их витиография // Язвы Петербурга. Л., 1990. С. 33.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Достоевский Ф.М. Бедные люди, с. 179.
- ²⁶ Балтиков А. Народное гулянье на Марсовом поле // Язвы Петербурга, с. 52–53.
- ²⁷ Белоусов И.А. Ушедшая Москва, с. 342.
- ²⁸ По губерниям. Обожин // Курские губернские ведомости. 1900, №188 от 1 сент.
- ²⁹ Белоусов И.А. Ушедшая Москва, с. 340.
- ³⁰ Савоярами называли в Западной Европе уличных музыкантов (фран. *savoir* от *Savoie* — название провинции во Франции).
- ³¹ Кони А.Ф. Старый Петербург. Воспоминания старожила, с. 76.
- ³² Засосов Д.А. Пыжин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910 гг., с. 125.
- ³³ Ривош Я.Н. Время и вещи, с. 168.
- ³⁴ Народный театр. Составление, вступ. статьи, подгот. текстов и комм. А.Ф. Некрыловой и Н.И. Савушкиной. М., 1991. С. 403–414.
- ³⁵ Давыдов Н.В. Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столетия, с. 32.
- ³⁶ Белоусов И.А. Ушедшая Москва, с. 342.
- ³⁷ Легат В. По московским задворкам // Огонек, 1925, №36. С. 14.
- ³⁸ Махамов С.В. Собр. соч. в 20-ти тт. Т. 13. СПб., 1909. С. 300.
- ³⁹ Легатов А.И. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.-Л., 1932. С. 116–117.
- ⁴⁰ См., напр.: Лейферт А.В. Балаганы. Пр., 1922; Теллевос Н.Д. Записки писателя. М., 1948. С. 256.
- ⁴¹ Филатов В. Аронов А. Медвежий цирк. М., 1962. С. 16.
- ⁴² Кошкин А.Г. Страницы жизни. М., 1985. С. 15.
- ⁴³ Русский художественный листок В. Тимма. 1862, №2.
- ⁴⁴ Степун Ф. Бывшее и несбыточное. Кн. 1. Лондон, 1990. С. 32.
- ⁴⁵ Иванов Е.П. Карусели и прочие монстры. [М.], 1928. С. 12–13.
- ⁴⁶ Лейферт А.В. Балаганы, с. 71, 72.
- ⁴⁷ Достоевский Ф.М. Господин Прохарчин / Собр. соч., т. 1, с. 406.
- ⁴⁸ Жуков Г.Н. Петрушка // Повты "Искры". Л., 1955. Т. 2. С. 696.
- ⁴⁹ Григорович Д.В. Петербургские шарманщики, с. 53.
- ⁵⁰ Бенца А.Н. Моя воспоминания. Кн. 1. М., 1990. С. 284, 285.
- ⁵¹ Стеранский Е. Актёр театра кукол. М., 1965. С. 15–17.
- ⁵² Целлов И. Народ и театр. Спб., 1911. С. 123.
- ⁵³ Григорович Д.В. Петербургские шарманщики, с. 68.
- ⁵⁴ См. об этом: Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, зрелища и увеселения. Л., 1984. С. 80
- ⁵⁵ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Январь 1876 г. // Ф.М. Достоевский об искусстве. М., 1973. С. 452–455.

А. ШЕПЕЛЕВА .

Пристрастъя века девятнадцатого

И вашей прелести секрет
Разгадка жизни равносител...

В середине XIX века по России путешествовала, давая представления, прибывшая из Америки девица с бородой и усами Юлия Пастрана¹. Среди публики, платившей "рубль за погляд", ходили слухи, что произошла она от человека и обезьяны, что импресарио еще при жизни запродаил ее комуто в полную собственность и после смерти ее обратят в музейное чучело.

Бородатая артистка танцевала английские, испанские и русские танцы, исполняла песни на разных языках "и по окончании сего, для доставления полного удовольствия всем посетителям" ходила по первым рядам и беседовала с желающими¹.

Облик гастролерши действительно был уникальным, и зрители переполняли залы. Но ничего сверхъестественного в этом явлении не было. "Диковинные люди" (карлики, великаны и прочие персоны необычной внешности) давно были популярны и воспринимались цивилизованными горожанами, хотя и не без чувства превосходства, но с наивным благодушием и детской верой в курьезность нездешнего мира. Газеты публиковали сообщения о широко известных в Европе сиамских близнецах Чанге-и-Энге; о "двухголовом соловье" — сросшихся сестрах-певицах Милли и Кристине. Россиянам середины прошлого столетия доводилось видеть девицу, поднимавшую одной рукой непомерные тяжести, или иную — вовсе не имевшую рук от рождения, но занимавшуюся рукоделием. Наблюдали они "дикаря, обросшего мхом", "женщину-рыбу, умеющую дышать в воде", а то и просто "сирену, недавно пойманную в Атлантическом океане рыбаками". Демонстрирование феноменов человеческой породы давно уже превратилось в типичный вид народных площадных увеселений.

И прибывавшие издалека, и свои местные персонажи праздной и праздничной жизни России не всегда имели имя. Нечасто запоминались, удивляя лишь на мгновение. И совсем в исключительных случаях переходили границы отведенной им роли заморского чуда, нездешней диковинки.

Обстановка гастрольной жизни Юлии Пастраны не многим отличалась от жизни прочих "диковинных людей". Ее сопровождали мистификации и курьезы, характерные для лиц подобных занятий и подобной популярности. Внешность ее закономерно производила ажиотаж, о Юлии говорили, складывали легенды, но, что замечательно, сопереживали этим легендам. За несколько лет "бородатая девица Юлия Пастрана" обрела в России невероятное число поклонников и в их глазах ухитрилась пройти путь от "неведомой зверушки" до выгодной невесты. Ей сочувствовали, когда заговорили о том, что она ждет ребенка, и, наконец, сожалели, как о скончавшейся родами.

Безнадежно разбираться, где начинается в жизни Пастраны вымысел. Результат не приведет к установлению истины, поскольку тайну этого существа, вызвавшего совершенно определенное мифотворчество, нам не разгадать никогда.

Юлия Пастрана появилась в России в конце пятидесятых годов, и любопытствующие зрители Петербурга, Москвы, а затем и крупных провинциальных городов вместе с билетами могли приобрести книжку "Описание происхождения Юлии Пастраны". Афиши, публиковавшиеся в газетах, излагали следующий сюжет: "В 1830 году, отправились купаться в прудке под горюю несколько женщин из племени Корнеев, из Копалы. Возвратившись во своим заметили оне, что одна из их подруг отстала, напрасны были все поиски — отставшая пропала без вести и все считали ее утонувшею. Шесть лет спустя преследовал один пастух свои стада в горах; вдруг по-

слышался ему в одной пещере голос, который он принял за голос мексиканки. Он отыскал ее и овладел ею — то была пропавшая без вести индеянка! Она рассказала, что, заблудившись после купания на высотах гор, попала в руки другого племени Корнеев, которое в продолжении всего этого времени держало ее в заточении. Место, где ее нашли, отдалено на несколько сот миль от всякого человеческого жилища и находится в стране, наполненной обезьянами, медведями и павианами. Она кормила в то время двухлетнего ребенка, найденного ею, которого любила страстно, не имея на то никаких прав матери. Ребенка назвали Юлией Пастраной и по смерти воспитательницы поместили в семейство Уллоаского Губернатора, в качестве служанки. Здесь пробыла Юлия до апреля 1854 года и отправилась в Соединенные штаты..."².

Эта потрясающая история — традиционный, интригующий читателя и зрителя прием; реклама, без которой не только успех, но и знакомство с публикой могли просто не состояться. Подобную "биографию" (чем невероятнее, тем лучше) привозил с собой каждый гастролер. Антрепренер Юлии соблюдал условия негласного договора со зрителем, и у последнего, по тому же договору, не было повода сомневаться в подлинности представленного сюжета.

Полтора десятилетия спустя в Харькове появится, правда, "Летучий Американский цирк" с участием "Чуда природы, мексиканской уроженки синьоры Зеноны Пастраны, сестры известнейшей во всем мире, а также и в России Юлии Пастраны"³. Но это будет всего лишь еще одна "биография", сенационная реклама очередного персонажа.

Зрителям Юлии не навязывали однозначность демонстрируемого явления. Уже цитированная афиша дополняла, что она личность "возбуждала всюду всеобщее любопытство, в особенности же со стороны естествоиспытателей и медиков, но все старания их не привели ни к какому результату в отношении определения ее происхождения, породы и вообще порядка, занимаемого ею среди живых существ. Одни видят в ней ублюдка, другие уклонения человеческого рода к совершенно отдельной породе, резко отличающейся от всех до ныне известных и, во всяком случае, замечательнейшее существо настоящего времени".

Такова точка отсчета российской жизни удивительной гастролерши. Вероятно, Пастрана полностью соответствовала характеристике "замечательнейшего существа настоящего времени", ибо следующая информация, претендующая на подлинность в той же мере, как и происхождение геройни, повествует о рождении у Юлии сына. Московский "Оберточный листок", не пропускающий такого рода вести и слухи, публикует в 1860 году сообщение об этом "потрясающем событии" и "подробности, рассказанные доктором Н., имевшим случай исследовать наружность и внутренность новорожденного". "Честь и слава господину, — комментирует новость безымянный корреспондент, — так бескорыстно позаботившися о продолжении потомства Пастраны. Что руководило им: вкус или самоутвержение — вопрос нерешенный"⁴.

Судя по всему, современники долго находились под впечатлением произошедшего с их любимицей. Почти через год "Петербургские ведомости" дают очередной ответ на этот вопрос, публикую "документ" общего свойства с перечисленными. Достоинством широкой аудитории становится "просьба, поданная на днях одним чадолюбивым родителем, знаменитым Теодором Лентом, супругом еще более знаменитой Юлии Пастраны". Эта просьба, написанная с "американским акцентом", гласила: "Имею честь покорнейше просить Ваше В-ство приказать видать разрешение, чтобы я мог здесь показывать бальзамированное тело ребенка от Юлии Пастраны, который раньше крещения его умер и, кажется, не считается

¹ Автор выражает свою признательность А.П. Кулишу за предоставление исторических материалов из личного архива, без которых эта статья была бы невозможна.

в числа человека, — пишет, как уверяет автор заметки, сам Теодор Лент. — Ребенка так хорошо бальзамирован, что сделался совершенно окаменелым, имеет от роду 36 часов, а у него есть бороду, длиною 1 вершок и лицо также в волосах и будет показан в изящном одежде и в хорошей стеклянной ящик⁵.

Все цитировавшиеся материалы публиковались как документальные свидетельства жизненных перипетий "единственной во всем мире Пастрраны". Негативный оттенок, высокомерный тон — здесь факт. При этом Юлия Пастррана пользовалась редкой популярностью и симпатией у обывателей. Объектом внимания были не только возможные события ее жизни: с первого момента появления в России Пастррана стала героиней огромного количества историй, не имевших абсолютно никакого отношения к действительности. По этому поводу даже вышла в 1858 году книжка "Удивленная Москва в толках и анекдотах о знаменитой мисс Юлии Пастрране". Ее содержание составляют девять сюжетов, занимательных тем, что отрицательный акцент смешен с фигуры курьезной танцовщицы. Вот некоторые из них⁶.

Дамское заключение о Пастрране

В присутствии одной расчетливой матери, имевшей незамужних дочерей, рассказывали, что мисс Пастррана желает вступить в супружество. Но не за бедняка, а за человека с состоянием, потому что это служило бы для нее утешительным доказательством бескорыстной любви мужа. То есть, что ее любят не за деньги, которых будто бы у нее много, а по естественному влечению, какое обычно внушает женщина мужчине.

Может ли это быть, — возразила дама, — я думаю, это критика на здешних женихов, которые гоняются за деньгами, да за приданым, а не за человеком!

Еще догадка

Один говорун уверял, что девица Юлия Пастррана — чудо красоты и едва ли не первая красавица в мире. А все уродливое искусно сделано у ней из гуттаперчи, и она нарочно придумала способ выбрать мужа, выдавая себя безобразным феноменом. Когда же выйдет замуж, то сделает супругу такой супресс, какого не делала ни одна невеста. Именно, превратится в красавицу и составит ему состояние.

Ученый трактат о Пастрране

Один из светил антропологии хотел написать глубокоученый трактат о том, каким образом могла уродиться девушка с бородою. Но чтобы избежать сухости учного изложения, профессор, желая придать своему сочинению фельетонную легкость, избрал эпиграфом к своей статье известный стих Крылова: "Куда на подвиги природа таровата!"

Затем он начал прежде о бороде, сделавши вопрос, имеет ли борода сходство с хвостом? И не есть ли она противоположный его конец, т.к. у некоторых хвостатых животных бывают также и бороды. Но для чего оделяет природа хвостами и бородами? Например, продолжил он трактат, бороды бывают разные: человеческие, козлиные, коровьи и т.д. Собственная борода т-elle Пастрраны имеет сходство с коровьем, следовательно... Далее продолжать он оставил до другого времени и статья осталась только в эпиграфе.

Женихи М. Пастрраны

Между прочим говорили, что мисс Пастрране было сделано несколько брачных предложений, но она была весьма разборчива в выборе суженного, более всего ей хотелось, чтобы нашелся избранник, могущий любить ее бескорыстно. Нашелся, впрочем, и такой, но богатство его состояло пока в оборотливости. Вот как это рассказывали. Одному предприимчивому англичанину хотелось основать выгодное предприятие, и, чтобы иметь верный и неистощимый у себя фонд, он вздумал употребить обеспечением его мисс Пастррану, и предлагал ей свою руку с тем, чтобы она носила на лице искусно сделанную маску, а на теле щелковую обтяжку телесного цвета. "При таком дополнении вашего туалета, я буду беспрестанно в вас влюбляться и мы проведем жизнь, как голубки. Сверх того, если предприятие мое удастся, мы будем окружены всеми удовольствиями, доставляемыми богатством. Если же не удастся, то вам стоит только прокатиться по Европе, чтобы поправить наши обстоятельства <...> Эти условия мисс Пастрране

раною признаны неудобными, хотя жених был преинтересный джентльмен".

Как видим, поводом для иронии здесь служит не Пастррана, а вполне цивилизованное общество. И хотя не стоит представлять ее в качестве народной героини, нельзя не заметить, что Пастррана так и осталась "единственной в мире". Все последующие усатые и бородатые дамы, появлявшиеся в России, равнялись на Юлию. Они указывали ее имя сами, как в случае с Зеноной Пастрраной, или Марей Яковлевной Некрасовой, выступавшей в 1890-е годы. В биографии последней указывалось, "что она является первым феноменом женщины с бородой, которая по своей величине превосходит бороду известной Юлии Пастрраны"⁷.

Если такого добровольного "преклонения" перед Юлией как эталоном со стороны гастролерши не следовало, это за нее делали зрители. В 1875 году "Петербургский листок" описывает представление парижского чуда — Марии Робер, которую самые недоверчивые из балаганной публики прецельно дергают за бороду, проверяя ее подлинность, "потому известно, окромя Юлии Пространы, женскому образу бороды не положено"⁸. И совсем уже смешно за такое "непочтение" к Юлии была наказана гастролировавшая в 1884 году "девица с бородой Мелак", которая, по словам "Саратовского листка", верившего, вероятно, лишь в Пастррану, "оказалась спившимися с круга казанским портным"⁹.

В образе этой странной российской гостьи заключался, видимо, какой-то парадокс. Она сумела обратиться в явление, более значительное, чем минутная забава на масленичном гулянье, и, судя по всему, вызывала у современников не только удивление, но и участие.

Несомненно, она заняла прочное место в культурной памяти поколения своих зрителей. В начале XX века актер Василий Довлатов, совсем ребенком переживавший приведенные выше события, пишет психологический очерк "Юлия Пастррана". Героиня здесь — ни больше ни меньше, как приемная мать российского мальчишки. Она наделена всеми чувствами и достоинствами: любовью, состраданием, романтическими мечтами¹⁰.

Видимо, Пастррана — это не просто типичный пример феномена ярмарочной культуры XIX—начала XX века. Зрители приписывали ей исключительность, и в то же время тема "уродливой невесты" и "безобразных женщин" вообще была любимой темой балаганных "дедов" и встречалась в самых различных жанрах. Запечатлена она и в лубочных картинках, изображающих и Юлию Пастррану с женихами, и "безрукую девицу Родионову", которая "посредством губ и языка вышивает разные узоры и нижет бисерные браслеты". Трогательная, полная лиризма "тайна" мексиканской артистки, раскрыта гимназистом Васей Довлатовым, — еще один жанр, в котором существует эта тема.

Кто знает, какие еще сюжеты придумывали подростки 60-х годов прошлого столетия, рассматривая родительский подарок из магазина "Промышленность на Арбате", который, как объявляли в газете, "получил партию заграничных игрушек, между коими Юлия Пастррана"¹¹.

Примечания

¹ Мисс Юлия Пастррана и происхождение ея // Ведомости московской городской полиции. 1860. 6 февр. С. 2.

² Там же.

³ Частные объявления // Харьковские губернские ведомости. 1876. 10 июля. С. 4.

⁴ Оберточный листок. 1860. 6 апр. С. 4; 1860. 23 марта. С. 4.

⁵ С.П. Московская летопись // С.-Петербургские ведомости. 1861. С. 525.

⁶ См.: Удивленная Москва в толках и анекдотах о знаменитой Юлии Пастрране. М., 1858. С. 4–8.

⁷ Биография М.Я. Некрасовой, женщины с бородой и усами. Одесса, 1894. С. 15.

⁸ А-ов. Русские глазам не верят // Петербургский листок. 1875. 22 февр. С. 3.

⁹ Местный отдел // Казанский биржевой листок. 1884. 16 нояб. С. 2.

¹⁰ Довлатов В. Юлия Пастррана // Библиотека театра и искусства. 1904. №1, 3, 4, 7.

КИРИЛЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЧИСТОВУ —

75 лет

Замечательная отечественная фольклористка Эрна Васильевна Померанцева (1899-1980) с присущей ей особенной памятливостью на все добро передавала шутливые, но и надеждой отмеченные слова, звучавшие в среде фольклористов предвоенных лет: "Были братья Соколовы, теперь будут Чистовы". Их действительно двое: Василий и Кирилл. Оба учились у М.К. Азадовского в ЛГУ. В библиографии М.Я. Мельц занесена их совместная рецензия в журнале "Резец" на "Спутник фольклориста" под редакцией Ю.М. Соколова. Василий постарше, и начинал он раньше. Напечатал "Материалы для библиографии рабочего фольклора" (совместно с А.Д. Соймоновым), участвовал в сборнике "Песни и сказки на Онежском заводе" (1937) и выпустил руководство "О собирании истинного народного творчества" (1938), когда Кирилл еще только отправлялся свою первую собирательскую поездку в Карелию с поручением М.К. Азадовского записать репертуар исполнителя бывшего Ивана Терентьевича Фофанова.

Правда, к тому времени К.В. Чистову уже доводилось слушать Ф.А. Конашкова, М.М. Коргueva и П.И. Рабинина-Андреева в Доме детской литературы, организованном С.Я. Маршаком. Позднее произойдет знакомство с творчеством А.М. Пашковой, М.С. Крюковой, М.Р. Голубкиной. Ныне К.В. Чистов и Р.С. Липец — едва ли не единственные, кто обладает таким значительным запасом впечатлений и знаний о пледье исполнителей 30-х гг. Тексты И.Т. Фофанова вошли в науку главным образом четырнадцатью записями К.В. Чистова, включенными в сборник 1941 г. "Былины Пудожского края" Г.Н. Париловой и А.Д. Соймонова, вышедший с предисловием и под редакцией А.М. Астаховой. Спустя много лет Кирилл Васильевич с большой теплотой и ценнейшими подробностями напишет о своих встречах с Фофановым, "человеком интенсивной традиции" и "безусловно одним из лучших певцов былин того поколения, к которому он принадлежал".

Затем пришла Великая Отечественная война: ополчение с его нелегкими судьбами, потом другие, смертельно тяжкие, дороги войны. После войны Василий Чистов не продолжил занятый фольклором, ему выпало работать в экономической науке. И все же ощущение такое, словно в нашей области Чистовых, по крайней мере, двое. У К.В. Чистова две ипостаси — фольклорист и этнографа (помимо того, что он еще и литературовед), и он в немалой степени способствует сближению и взаимному обогащению обеих дисциплин.

Впечатляет не только диапазон, но и интенсивность разысканий К.В. Чистова — источниковедческие, текстологические, теоретические, историко-фольклорные и собственно этнографические; масштабность творческо-организационной научной деятельности. Его труды привлекают новизной тем, фактической и классификаторской доказательностью и "шлейфом" теоретических суждений.

Кирилл Васильевич как бы работает проблемными циклами: множатся аспекты, углубляется их освещение, складывается системный подход, опирающийся на достижения смежных наук и в России, и за рубежом.

Таков, например, круг книг и статей, посвященных Ирине Андреевне Федосовой: насыщена новооткрытыми материалами ее биография, выявлено более двадцати неизвестных или не приписываемых прежде И.А. Федосовой текстов, дана текстологическая экспертиза и предложены существенные корректизы публикаций, изучены отражения читателей Федосовой в литературе. В

более поздних работах к этому прибавляется рассмотрение творчества И.А. Федосовой в общем контексте фольклорного исполнительства XIX - начала XX вв.

К.В. Чистовым впервые специально исследованы русские народные социально-утопические легенды (само понимание этого термина объяснялось в его предшествующей работе о классификации народной прозы) о возвращающемся "избавителе" и "далеких землях" в историческом развитии, с точки зрения специфики поэтической формы, повторяемости сюжетов и параллелей у других народов.

К.В. Чистову принадлежит одна из первых работ о специфике фольклорной текстологии по сравнению с текстологией произведений письменности и о своеобразии соответствующих опорных понятий (доклад 1963 г., не утративший своего значения до сих пор). Она продолжена критическим рассмотрением категорий "пратекста", "нормального", "стержневого", "целесообразного" текста и т.д. Но вопрос рассматривается и шире — в связи со своеобразием фольклорного коммуникативного акта в свете теории информации, а далее — в соотнесении традиции и вариативности, вариативности и поэтики фольклорного текста, а также с учетом "вариативного пульсирования всей коммуникативной триады исполнитель-текст-слушатель".

Одновременно исследуются темы "этнос и этническое сознание", "фольклор и культура этноса" ("фольклор с наибольшей интенсивностью выражает этнические функции культуры"), традиционные и вторичные формы. Отсюда общее обозначение проблемы — "Народные традиции и фольклор", ставшее названием книги 1986 г.

С 1961 г. деятельность К.В. Чистова связана с Институтом этнографии (ныне — Институт этнологии и антропологии РАН) и его Ленинградской частью (ныне — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого). Кирилл Васильевич возглавил здесь восточнославянский сектор. Его эрудиция, творческий потенциал и орга-

низаторский дар особенно ярко проявлялись при подготовке крупных коллективных трудов. Под его руководством был завершен и вышел в свет том из серии "Народы мира", посвященный восточнославянским народам; позднее создана коллективная монография "Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры" (1987). К.В. Чистов участвует и как редактор-составитель (совместно с С.Н. Путиловым и Т.А. Бернштам), и как автор в создании трудов серии "Русский Север", посвященной этнокультурной специфике северо-западного региона.

В течение десяти лет (1981-1991 гг.) К.В. Чистов был главным редактором журнала "Советская этнография", существенному обогащению содержания которого он всячески способствовал. По предложению К.В. Чистова был введен раздел "Этнография в музеях"; при его поддержке и участии на страницах журнала проходили дискуссии по теории культурной традиции, проблемам реконструкции древнейшей славянской духовной культуры, историческим типам этнических общностей и др.; он был инициатором опубликования ряда актуальных для науки статей.

В ноябре 1994 г. Кирилл Васильевич Чистов отметил свое семидесятипятилетие. Пожелаем ему дальнейших успехов в "сладком труде", по выражению одного из любимых его поэтов.

В.М. Гацак, Н.С. Полищук, М.Г. Рабинович

Редколлегия журнала "Живая Старина" присоединяется к поздравлениям юбиляра и желает Кириллу Васильевичу долгих лет, счастья, здоровья, плодотворной научной деятельности, успехов в начинаниях и продолжающихся поисках.

Основные труды члена-корреспондента РАН К.В. Чистова:

Народная поэтесса И.А. Федосова: Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955.

Причтания И.А. Федосовой, Н.С. Богдановой, А.М. Пашковой, бытовые, рекрутские и похоронные причтания, записанные от разных лиц, свадебные причтания. Изд. 2-е. Вступ. статья и примечания. Подготовка текстов (совместно с Б.Е. Чистовой). Л., 1960 (Библ. поэта. Большая серия).

Современные проблемы текстологии русского фольклора / Доклад на заседании Эдиционно-текстологической комиссии V Международного съезда славистов. М., 1963.

К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964 (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук).

Русские народные социально-утопические легенды XVII-XX вв. М., 1967.

Русские сказители Карелии: Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980.

И.А. Федосова. Избранное. Сост., вступ. статья и комментарии. Подготовка текстов (совместно с Б.Е. Чистовой). Петрозаводск, 1981.

Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л., 1986.

Ирина Андреевна Федосова: Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988.

Фольклор в русской культуре XVIII века / Доклад к XI съезду славистов в Братиславе // Русская литература, 1993, №1.

О.В. ЛЫСЕНКО

Славяне Восточной Европы.

Человек в этнокультурном пространстве

До апреля 1995 г. в Российском этнографическом музее (далее — РЭМ) будет открыта выставка "Славяне Восточной Европы. Человек в этнокультурном пространстве" (проект подготовлен сотрудниками отдела этнографии восточных славян Д.А. Барановым, О.Г. Барановой, О.В. Карповой, Н.Н. Прокопьевой, Н.К. Черуновой под руководством О.В. Лысенко, художник Д.К. Маевский).

Открывшись в июне 1992 г. как временная экспериментальная выставка, вместо планируемых нескольких месяцев экспонирования она просуществовала более двух лет. Вероятно, этот факт связан не только с тем, что РЭМ испытывает серьезные финансовые затруднения и поэтому не так часто, как раньше, открывает новые экспозиции, но и с актуальностью выставки, тем интересом, который она вызвала в различных слоях российского об-

щества. Тематика и структура выставки, принципы интерпретации традиционного этнографического материала отражают новые тенденции, наметившиеся в этнографической науке, в подходе к организации музеиного экспозиционного пространства как моделирования "новой реальности".

Появление такой выставки в РЭМ неслучайно. РЭМ (бывший Этнографический Отдел Русского музея императора Александра III, основанного в 1895 г.) располагает самой крупной в мире этнографической коллекцией славян Восточной Европы XIX — начала XX вв. Музейное собрание насчитывает более 100 тысяч предметов народной культуры и традиционного крестьянского быта. Уникальность коллекции состоит также в том, что ее основная часть была собрана в 1902—1914 гг., т.е. до первой мировой войны и последующих

катализмов, потрясших Восточную Европу и имевших самые серьезные последствия для традиционной культуры. Значительная часть этих материалов была доступна только узкому кругу специалистов. В то же время интерес к славянской культуре в современном мире возрастает.

Выставка — только часть музеиного проекта, включающего научные и прикладные аспекты музеологии. Проект ориентирован на системный, целостный подход в исследовании славянских этнокультурных традиций.

Важнейший фактор, определивший содержание выставки, связан с проблемой определения границ славянского этнокультурного пространства. По сравнению с 40-ми годами XIX века, когда ученый-славист Павел Шафарик насчитывал менее 80 миллионов славян в мире, сейчас это количество достигает 290 миллионов человек. Территории, занимаемые славянами в восточной Европе, обширны, а этические границы размыты. Естественно, в рамках выставки авторы не могли охватить это огромное пространство и, тем более, решить проблемы этических границ. В основу концепции выставки легла идея о выборе регионов, где сконцентрированы наиболее характерные черты восточнославянской этнокультурной общности.

Это так называемые "архаичные зоны": Карпаты, Полесье, Русский Север. Они не только интересны как места сохранения славянской архаики, но и весьма репрезентативны для демонстрации разных типов культуры восточных славян. Карпаты — территория интенсивных контактов различных групп славян с другими народами, характеризующаяся своеобразием черт культуры, сложившейся в условиях горного ландшафта. Полесье — территория с автохтонным славянским населением, которая рассматривается как область, соседствующая со славянской прародиной или даже входящая в нее. Здесь однородный тип славянской культуры на протяжении длительного времени менее всего был подвержен влиянию других культур и в своих этнографических реалиях, наблюдавшихся в XIX начале—XX вв., в наибольшей степени сохранил черты восточнославянской общности. Русский Север — территория относительно поздней славянской колонизации. Здесь наблюдаются устойчивые этнокультурные связи славян с финно-уграми, консервация в культуре русского населения финно-угорской архаики, влияние на общий фон культурных традиций старообрядческой культуры.

По мнению авторов выставки, указанные особенности дают достаточное представление как о восточнославянской культуре в целом,

Фрагмент экспозиции "Ритуально-мифологические функции одежды". Карпаты. Конец XIX в.
Foto Д.А. Пищакова

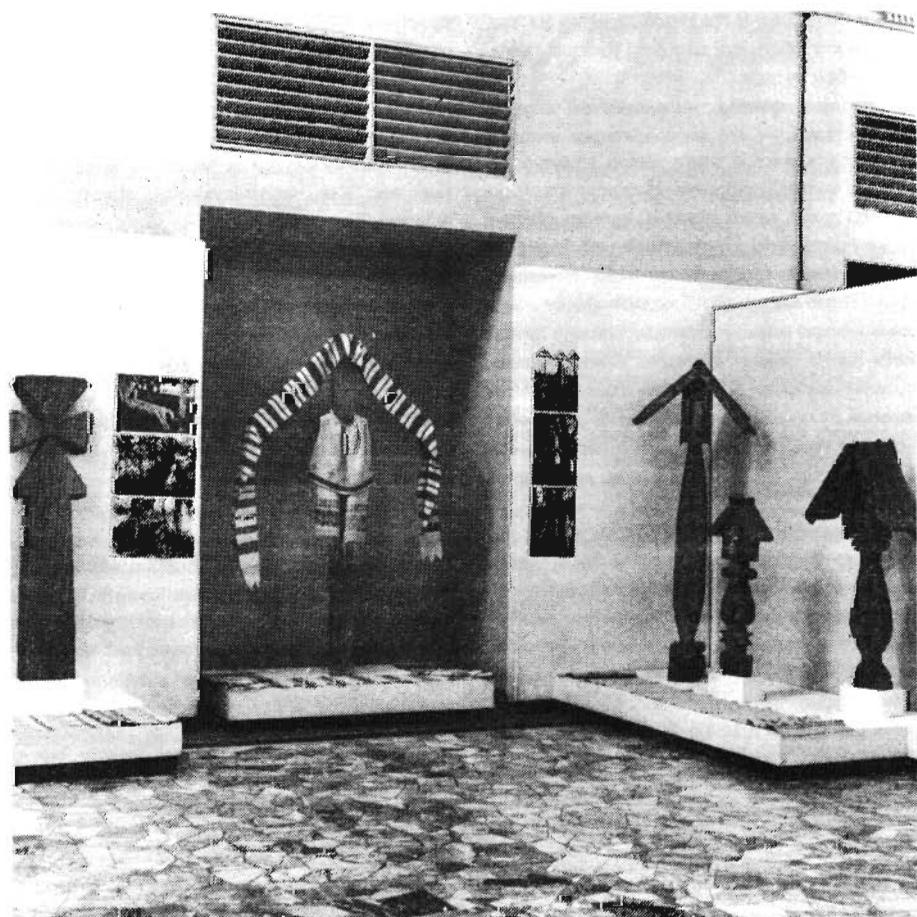
Фрагмент экспозиции "Кладбище" (сакральное пространство). Фото Д.А. Писеницкого.

Слева: крест деревянный из дуба С. Плаши Глуховского уезда Черниговской губ. XIX в. Собрание Ф.К. Волковым в 1908 г.

В центре: традиционное оформление деревянных крестов в Вольненской губ. "Рудинко", "набожник", "фартук" вешали на кресты обычно на Радунцу; старые, прошлогодние ткани складывали с крестов и развесивали на кладбищенских деревьях или складывали у ограды. Следует обратить внимание на то, что кресты оформлены по той же модели, что и "красный угол" в доме.

Справа: три деревянных старообрядческих креста-теремца. Архангельская губ. XIX в. Собрания В.А. Плотниковым в 1907 г.

На фотографиях, дополняющих экспозицию, представлены колоды "домовины", иные типы крестов, зафиксированные на кладбищах восточных славян в начале XX в.

Экспонат выставки: хлебница из луба. Сольвычегодский уезд Вологодской губ. Собрана в 1904 г.
Фото Д.А. Писеницкого.

На крышки хлебницы помимо рисунков, изображающих трапезу, нанесены следующие надписи:
Кому церкви не мат тому Богъ не отгру; Хто Бога почитает тотъ Божыи даръ сохрѣняеть; Вотъ ребята наша любоффь; Вотъ братцъ ешлемъ да и закусимъ; Девянацать братеффь; Непеч подве Ваня; Пасха Христова; Богъ роботу любит; Подъяжач камън вода нытьчильт; За Богом молитва за царем служба ныпропадают.

так и о своеобразии традиций каждого из входящих в эту общность народов: русских, украинцев и белорусов.

Еще один фактор, определивший концепцию выставки, — это интерпретация этнографических объектов с точки зрения культурологических моделей описания. В основу выставки положен поиск путей синтеза материальных и духовных явлений. Предметный мир культуры формируется в процессе освоения человеком окружающей его среды. Каждый объект предметного мира наряду с утилитарными функциями часто имеет значение символическое, реализует абстрактные, универсальные понятия духовной культуры. В синтезе этих двух начал и состоит то, что называется пространством культуры, качественно иной среды, выделенной из природы.

Пространство культуры рождается в пространстве природы, построенном по законам, неизвестным человеку. Оно заполняется предметами, вышедшими из мира природы. Дерево, глина, камень, волокнистые растения — основные материалы, из которых выстраивалось этнокультурное пространство. Огонь, вода, воздух и земля — природные стихии, основные творящие силы, вступая в контакт с которыми человек преобразовывает мир природы. Например, традиционное славянское поселение — это

пространство, выделенное из мира природы, организованное внутри по законам социума и созданное из природного материала (дерево, глина). Ограды вокруг поселений, изгороди вокруг усадеб, стены жилых строений защищают мир культуры от внешнего мира точно так же, как индивидуальное пространство человека защищено одеждой. Дерево строений и ткани одежд как бы проводят границу между природой и культурой, разделяя и соединяя их, а человек находится на границе этих двух постоянно изменяющихся пространств.

С учетом осмыслиния культуры как адаптивной модели было организовано экспозиционное пространство выставки. Принципиальным является то, что в качестве объекта экспонирования рассматривается не этническая культура в целом, а фрагмент этнокультурного пространства — этнически значимая, маркированная среда (мир вещей). При подобном подходе, впервые разработанном в музейической практике, каждый экспонат с учетом его полифункциональных характеристик получает точно фиксированное место в экспозиционном комплексе, а каждый комплекс демонстрирует вариативность функциональных связей экспоната.

На выставке были представлены 3 основных комплекса этнокультурного пространства:

поселение, жилище и одежда. В экспозицию включены предметы быденные и ритуально-мифологические: в поселении пространству живых противоставлено пространство мертвых — кладбище; быденному пространству жилища "у печи" противоставлено сакральное пространство "красного угла"; повседневной одежде будней противоставлена ритуальная одежда праздника.

Выставка начинается с "кладбища" — экспозиционного комплекса, представляющего сакральные границы внешнего этнокультурного пространства: надгробия в форме "домовин" и кресты с двускатной кровлей, из камня и дерева, ритуальные ткани (полотенца, скатерти), а также ритуальная пища, приносимая в поминальные дни. Одни и те же предметы встречаются в экспозиционных комплексах "кладбище" и "красный угол", что указывает не только на единый принцип организации традиционного поселения и внутреннего пространства жилища, но и на многообразие функций вещей в культуре. Так, полотенце как ритуальный предмет может находиться в сакральном пространстве, а как бытовой — в быденном; утварь, используемая в быту, может оказаться и в сакральном пространстве, но будут изменены ее характеристики, как правило, трансформацией предмета: разбитые горшки, перевернутые ложки, специальная орнаментация утвари для братчин и коллективных трапез и пр.

Второй раздел выставки представлен ритуальной одеждой, под которой мы понимаем любую "праздничную" одежду, т.е. одежду в ее знаковой функции. Экспонаты этого раздела, уникальные комплексы карпатской, полесской и севернорусской одежды, размещены внутри первого раздела, между комплексами "Жилище" и "Поселение", подчеркивая ориентацию этнокультурных пространственных комплексов на социальную структуру. Здесь — одежда детей, просвятанной девушки, невесты и жениха, "молодухи", стариков. В целом одежда раскрывает жизненный цикл человека и одновременно дает понять правила моделирования народного костюма. Таким образом одежда соединяет "жилище", где рождается человек, и "поселение", где протекает его социальная жизнь, но в то же время ее ритуальные элементы (пояс, "хустка" 'кусок ткани') соединяют сакральные пространства жилища ("красный угол") и поселения ("кладбище"), пространства храма, придорожных крестов и другие.

В целом на выставке было представлено более 500 экспонатов. И хотя в Санкт-Петербурге выставка скоро закроется, мы надеемся, что ее смогут увидеть во многих городах России и за ее пределами, так как на основе этой выставки подготовлена серия компактных экспозиций, знакомящих с удивительным миром прошлого, заглянув в который, мы находим там самих себя и начинаем лучше понимать мир вокруг нас.

Фрагмент экспозиции "Красный угол" (сакральное пространство). Фото Д.А. Пищенко

Советский анекдот в США

Идеологическое раскрепощение, свидетелями которого мы являемся, позволило отечественной фольклористике повернуться лицом к целому пласту устной культуры, ранее табуированной для наших ученых: фольклор тюрем и лагерей, детские "садистские" стишки и, естественно, анекдот. Один за другим массовыми тиражами выходят издания анекдотов. К сожалению (а может быть, и к счастью), мы не можем сказать, что анекдот уже стал предметом спокойного научного изучения: на этом жанре все еще лежит печать его недавней запрещенности. Вопрос "что", "о чём" до сих пор превалирует в подходе к этому жанру. Второй стороны проблемы — как строится современный анекдот — российские ученые пока не касаются. Еще не пробил час для академического исследования этого самого массового жанра современной народной словесности. Российской фольклористике нужно время, чтобы осознать анекдот не только как социально-политическое явление, но и как явление культуры.

Абсурд, царивший в советской действительности, привел к тому, что русский анекдот стал предметом осмысления сначала в западной науке и лишь потом получил "права гражданства" у себя на родине. Ни с одним жанром русского фольклора не случалось такого пародакса. В изучении былин, сказок, притчаний западноевропейские и американские ученые опираются на опыт их русских коллег. Но анекдот, по-видимому, на то и анекдот, чтобы ставить отечественную фольклористику перед всем миром в анекдотическом положении.

В Соединенных Штатах наши анекдоты издаются с конца шестидесятых годов, со времени появления там русских эмигрантов "третьей волны"¹. К сожалению, те американские издания, которые попали в наше поле зрения, отсутствуют в библиотеках Санкт-Петербурга. Мы смогли познакомиться лишь со вторым изданием книги Эмиля Дрейцера "Недозволенный смех"². Это сборник текстов, опубликованных параллельно на русском и английском языках. Здесь, кстати, приводятся и отклики американской прессы на первое издание. Так, газета "Лос Анджелес Таймс" не без удивления и не без уважения к советским людям писала в 1978 году: "Трудно себе представить, что народ, испытывающий подобный гнет, ... способен находить что-либо смешное в своем положении. Но в Советском Союзе, где пресловутый Архипелаг ГУЛАГ все еще отбрасывает аловещую тень, люди сделали свое существование объектом бесчисленных комических анекдотов". А "Вижен Мэгэзин" в те же годы противостояния признавал: "Наверное, американцы и русские все-таки имеют что-то общее между собой — чувство юмора".

В том же 1978 году в Париже в русском эмигрантском журнале "Синтаксис" вышла блестящая статья Абраама Терца (Андрея Синявского) "Анекдот в анекдоте". Анекдотом является вся советская действительность, и именно поэтому она дает благодатную почву

для расцвета этого устного жанра. По мысли А. Терца, анекдот "не просто воссоздает, а восстанавливает действительность, которая под его воздействием становится хоть на что-то путное похожей, становится наконец-то действительностью, то есть чем-то более или менее реальным"³. Здесь же приводится ряд тонких наблюдений над художественной природой современного русского анекдота (роль неожиданной коронной концовки; построение рассказа на стыке обыденного и сверхъестественного, три薇ального и невероятного, своего и чужого; обратная логическая связь и т.д.).

Отталкиваясь от некоторых суждений А. Терца, строит свое исследование и Эмиль Дрейцер. Он уже в 1982 году в одной из своих статей⁴ перешагнул ту границу, на которой стоят российские фольклористы лишь сегодня: в его подходе к анекдоту на первом месте оказывается вопрос "как", а не "что", "о чём". Исследователь анализирует, какими средствами создается наиболее стабильный элемент ударной строки анекдота — слова и фразы с двойным подтекстом.

Комический эффект строится на использовании омонимов, как, например, в анекдоте о советском летчике, утнавшем самолет МИГ в Японии: "Подумать только, один *миг* — и ты в Японии!" Анекдотом активно эксплуатируется схожесть произнесения определенных гласных в безударном положении (е=и): "Почему советские войска так долго стоят в Чехословакии? — Они собирают там все желуди, чтобы не выросли новые дубчики" (обыгрывается фамилия чехословацкого лидера 1968 года Дубчика). Двойной подтекст в русском анекдоте возникает и на основе такой лингвистической особенности, как оглушение согласных в конце слова: в тексте о плачущем ребенке слова нянки "Съезд КПСС" превращаются в образ некоего злодея, который грозится съесть малыша ("Съест Ка-пе-ес-ес!"). Знает анекдот и примеры более сложных звуковых эффектов: броненосец "Потемкин" трансформируется в "брое-носец-в-потемках". Комический эффект, основанный на создании семантического контраста между действительно произнесенными словами и тем, что хотел герой сказать, возникает и при имитировании дефектной, картавой речи персонажа ("социалистические страны", превращенные в речи Брежнева в "сосиски страные"). Сходство произнесения начальных согласных двух родственных слов также становится основой для создания анекдота: "Один человек встречает друга на улице: Я слышал, у тебя *теща* умерла! — Не *теща*, а *тетка!* — Ну, хотя бы это, — говорит он с завистливым вздохом".

К сожалению, мы не смогли познакомиться с еще одной статьей Э. Дрейцера — "Soviet Underground Jokes as a Means of Popular Entertainment"⁵. Равным образом нам оказались недоступными еще несколько работ, которые, судя по их названиям, также имеют отношение к нашей теме⁶. Среди них, кстати,

есть и статья, посвященная анекдотам о Чернобыле⁷. Русский и американский народ, действительно, имеет нечто общее: и тот, и другой свою боль по поводу национальной трагедии может выразить не только в слезах, но и в смехе. Американцы рассказывают анекдоты о гибели их космического корабля "Чалленджер", когда погибло семеро астронавтов; мы же сумели пережить чернобыльскую трагедию сквозь призму анекдота.

Анекдот в анекдоте продолжает существовать. В Российской национальной библиотеке (бывшая Государственная публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина) тот номер англоязычного журнала "Melbourne Slavonic Studies", в котором была опубликована статья Жанны Долгополовой "The Contrary World of the Anecdote"⁸, оказался испорченным заботливой рукой одной из самых анекдотических организаций бывшего Советского Союза — Горлитом: страницы с названной статьей варварски вырваны.

И тем не менее мы не плачемся — мы смеемся. Времена изменились — и скоро, очень скоро, можно надеяться, современный российский анекдот станет предметом серьезного научного исследования.

Примечания

¹ Beckmann, Petr. Whisperd Anecdotes: Humor from Behind the Iron Curtain. Boulder, 1969; Rukseas, Algis. Is That You Laughing, Comrade? The World's Best Russian (Underground) Jokes. Seacucus, 1986; Banc C. You Call This Living? A Collection of East European Political Jokes. Athens, 1990.

² Draiser, Emil. Forbidden Laughter: Soviet Underground Jokes. Los Angeles, 1978. Второе издание без указания года. Ред.: 1) Brumberg, Abraham // New Leader. 1978. V. 58, 31 July, №16. P. 8–10; 2) Moyle, Natalie // Slavic and East European Journal. 1980. V. 24, №4. P. 185–186.

³ Абрам Терц. Анекдот в анекдоте // Синтаксис. 1978. №1. С.77–95. Англоязычный вариант статьи см.: Siniavski, Andrei. The Jokes inside the Joke // Partisan Review. 1984. V. 51, №3. P. 356–366.

⁴ Draiser, Emil. The Art of Storytelling in Contemporary Russian Satirical Folklore // Slavic and East European Journal. 1982. V. 26, №2. P. 233–238.

⁵ Draiser, Emil. Soviet Underground Jokes as a Means of Popular Entertainment // Journal of Popular Culture. 1989. №1. P. 117–125.

⁶ Farrer, Dear. The Soviet Folktale as an Ideological Strategy for Survival in International Business Relations // Studies in Soviet Thought. 1973. V. 13, №1. P. 55–75; Hutton, Ian. Some Aspects of Contemporary Soviet Folk Tales // Journal of Russian Studies. 1989. V. 55. P. 30–40; Wade, Terence. Russian Folklore and Soviet Humour // Journal of Russian Studies. 1988. V. 54. P. 3–20.

⁷ Kurti, Laszlo. The Politics of Joking: Popular Response to Chernobyl // Journal of American Folklore. 1988. V. 101, №401. P. 324–334.

⁸ Dolgopova, Zhanna. The Contrary World of the Anecdote // Melbourne Slavonic Studies. 1981. V. 15. P. 1–12.

Т. ИВАНОВА

Новая литература по фольклору и этнографии

Материалы. Исследования

Буль Ж. Калмыцкий костюм и сцена. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. — 74 с.

Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева: (На примере Владимира губ.) / Авт.-сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. — СПб.: Изд-во Европ. Дома, 1993. — 472 с.

Веретеников И.И. Южнорусские карагоды. — Белгород: Венелица, 1993. — 114 с.: ил.

Вопросы инструментоведения. — СПб., 1993. — 113 с.

Воронина Т.А. Русский лубок 20—60-х годов XIX века: производство, бытование, тематика. — М., 1993. — 234 с. — (Рос. этнограф.; №5).

Грутовский А. Русский кулачный бой: История. Этнография. Техника. — СПб., 1993. — 158 с.

Гутов А.М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. — М.: Наука. ИФ "Вост. лит.", 1993. — 204 с.

Димитров В.Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древнейших времен до середины XIX в. — 2-е изд., доп. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. — 447 с.

Ефименкова Б. Ритмика русских традиционных песен: Учеб. пособие по курсу "Народное творчество" / РАМ им. Гнесиных. — М., 1993. — 154 с.

Женский головной убор XIX — начала XX веков. Из фондов Респ. ист.-краевед. музея. — Б.М. [Сыктывкар], 1993. — 11 с.

Историческая этнография: Межвуз. сб. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1993. — 176 с. — (Проблемы археологии и этнографии; Вып. 4).

Из содерж.: **Бондарь Н.И.** Традиция святочных ряжений у кубанских казаков в конце XVIII—начале XX вв. (Состав, формирование и развитие). — С. 48-57; **Хадикова А.Х.** Некоторые особенности осетинского традиционного этикета. — С. 69-73.

Каргин А.С., Хренов Н.А. Фольклор и кризис общества. — М.: Гос. центр рус. фольклора, 1993. — 162 с.

Кикуру Э. Тема добывания жены в эпических рунах. К семантике поэтических образов / Карел. НЦ РАН. — Петрозаводск, 1993. — 132 с.

Ковалев И.И. Кухня народов России. — М.: Экономика, 1993. — 351 с.

Малочисленные народы севера Якутии: состояние, проблемы: Сб. науч. тр. / Якут. НЦ СО РАН. — Якутск, 1993. — 98 с.

Из содерж.: **Алексеев Э.Е.** и др. Традиционное искусство малочисленных народов Севера. — С. 74-82; **Варламова Г.Н.** Обрядовый фольклор эвенков. — С. 83-87.

Медетинский Е.М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // Мировое дерево. — М., 1993. — Вып. 2. — С. 9-62.

Мерцалова М.И. Костюм разных времен и народов: В 4 т. Т. 1. — М.: АО "Академия Моды", 1993. — 543 с.

Морозов И.А., Слепцова И.С. Праздничная культура Вологодского края. Ч. 1: Святки и Масленица. — М., 1993. — 319 с. — (Рос. этнограф.; №8).

Отлетала лебедушка: Рус. свадебный обряд / Авт.-сост. Р.А. Масленникова. — Орел: МП Упринформпечат "Простор", 1993. — 224 с.

Панфилец В.К. Кубанская станица. — Краснодар: Сев. Кавказ, 1993. — 184 с.

Разумова И.А. Сказка и быличка: (Мифологический персонаж в системе жанра) / Карел. НЦ РАН. Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск, 1993 — 108 с.

Ремешуева Р.П. Карельская народная баллада и "Кантелетар" Элиаса Ленрота. — Петрозаводск, 1993. — 110 с.

Славянское и балканское языкоизнание. Структура малых фольклорных текстов / Отв.

ред. С.М. Толстая, Т.В. Цивыян. — М.: Наука, 1993. — 256 с.

Из содерж.: Иванов В.В. "Память жанра" в текстах "прений" или споров. — С. 5-12; **Торогов В.Н.** Три заметки о малых фольклорных формах. — С. 12-41; **Виноградова Л.Н., Толстая С.М.** Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: структура текста. — С. 60-82; **Цивыян Т.В.** О роли слова в тексте магического действия. — С. 111-121; **Морозов И.А.** Праздемантика игровых текстов. — С. 121-131; **Волоцкая З.М.** Элементы неживой природы в загадках славянского региона. — С. 183-196.

Смолинский В.Г. Русь избянья. — М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 1993. — 104 с.

Спутник учителя музыки / Сост. Т.В. Челышева. — М.: Просвещение, 1993. — 240 с. — (Б-ка учителя музыки).

Из содерж.: Раздел "Музыкальный фольклор и школа".

Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии: Мат. симпозиума. Сент. 1993. — Петрозаводск, 1993. — 189 с.

Из содерж.: **Мамонтова Н.Н., Мулмонен И.И.** Топонимика в контексте народной культуры. — С. 38-40; **Чистов К.В.** К вопросу о типологии карело-русских этнографических и фольклорных связей. — С. 61-63; **Кузнецова В.П.** Институт свадебных причитальщиц в северо-русской и прибалтийско-финской традициях (терминологический аспект). — С. 63-67; **Данилов О.В., Золотова Т.А.** Зимний календарь русских и марийцев Среднего Поволжья: историко-локальная и межэтническая специфика. — С. 86-89; **Криничная Н.А.** Язычество и крестьянский быт: мифологические рассказы о лещем как покровителе диких животных и охотников. — С. 112-117; **Сурхаско Ю.Ю.** Некоторые особенности этно-культурного взаимодействия народов Карелии. — С. 128-132; **Разумова И.А.** Легендарно-христианские сюжеты в сказочном репертуаре (на материале карельской традиции). — С. 152-159.

Устюженка: Ист.-лит. альманах / Устюженский краевед. музей. ВГПИ. — Вологда, 1993. — Вып. II. — 336 с.

Из содерж.: **Башенъкин А.Н., Васенина М.Г.** Женский убор древнего населения Устюженского края. — С. 3-15.

Филологические записки: Вестник литературоведения и языкоznания: Вып. 1. — Воронеж: Воронеж. ун-т, 1993. — 232 с.

Из содерж.: Письма П.Г. Богатырева к М.К. Азадовскому. — С. 138-149; **Ботникова А.Б.** Воспоминания о П.Г. Богатыреве. — С. 149-156; **Федосова Н.М.** Мемориальный фонд П.Г. Богатырева в научной библиотеке ВГУ. — С. 156-158; **Артеменко Е.Б., Копылова Н.Н.** С.Г. Лазутин — фольклорист (1919-1993). — С. 187-197.

Хромова И.А. Традиции народного театра в творчестве А.Н. Островского: Текст лекций / Иванов. гос. ун-т. — Иваново, 1993. — 48 с.

Чагин Г.И. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века: Учеб. пособие по спецкурсу. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. — 183 с.

Чагин Г.И. Язывинские пермяки: история и традиции / Обл. творч. центр. — Пермь, 1993. — 25 с.

Шумов К.Э. Современное состояние былички в Северном Прикамье: Опыт машинного анализа сюжетного состава локальной традиции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. ун-т. — Екатеринбург, 1993. — 16 с.

Эволюция и взаимодействие культур народов северо-востока Европейской части России. — Сыктывкар, 1993. — 156 с. — (Тр.; Вып. 57 / Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН).

Этнографическая наука и этнокультурные процессы. Способы взаимодействия: Сб.

ст. / РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). — СПб., 1993. — 248 с.

Из содерж.: **Путилов Б.Н.** О кодовом значении эпических мотивов. — С. 27-44; **Бернштам Т.А.** Весенне-летние ритуалы у восточных славян: масленица и "похороны Костромы-Коструба": К символическому языку культуры. — С. 45-65; **Богомолова И.В.** Национальный костюм — национальное самосознание: Проблемы науки о костюме. — С. 85-96; **Мазалова (Грысык) Н.Е.** Народная медицина в современной севернорусской деревне. — С. 99-112; **Щепанская Т.Б.** Превращение символа. — С. 229-238.

Тексты

Библиотека русской сказки в 10 т. / Сост., вступ. ст., подг. текстов и comment. Ю.Г. Круглова. — М.: Товарищество "Возрождение", Изд-во писат. АО, 1993. — Т. 2: Народные сказки. — 337 с.; Т. 3: Народные сказки. — 317 с.

Детские казачьи игры и забавы / Авт.-сост. В.В. Ходырев. — Ставрополь: ТОО "Центр пропаганды истории казачества"; Кавказ. б-ка, 1993. — 88 с.

Заведем-ка хоровод: Дет. фольклор: В помощь организаторам досуга / Обл. науч.-метод. об-ние нар. творчества. Сост. Г.И. Савельева. — Иваново: Талка, 1993. — 70 с.

Мыкунев А.К., Чисталев П.И. Коми народные песни: Песен. репертуар, собр. фольклор. экспедиций в 1950-1970 гг. — Сыктывкар: МГП "Шыпас", 1993. — Т. 1: Вычегда и Сысола. — 2-е изд. — 287 с.: ил.

Русские заговоры / Сост., предисл. и примеч. Н.И. Савушкиной. — М.: Пресса, 1993. — 368 с.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые / Вступ. ст., подг. текстов, comment. и указ. Н.В. Соболовой при участии Н.А. Караполова. Музыковед. ст. и ил. записи Н.В. Леоновой. — Новосибирск: Наука, 1993. — 302 с.: ил. — (Памятники фольклора народов Сибири и дальнего Востока).

Тверские пословицы и поговорки / Обл. гос. Дом нар. творчества. Сост. Л.В. Брадис и В.Г. Шагина. — Тверь, 1993. — 60 с. — (Сер. Тверской фольклор).

Частушки / Отв. за вып. Л.Г. Данюшина. — Смоленск, 1993. — 15 с.

Частушки Алтая / Сост., вступ. ст. А.В. Сычева. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. — 189 с.

Декоративно-прикладное искусство

Вологодская губерния. Очерк кустарных промыслов по изделиям, собранным Вологодским губернским земством / Сост. А. Арсеньев. — Репринт. изд. — Вологда, 1882, 1993. — Букл.

Лопатенко И.М. Традиционная керамика Ерги / Череповец. музейн. об-ние. Обл. науч.-метод. центр нар. творчества. — Вологда, 1993. — 48 с.

Библиография. Справочники

"**Калевала**" — памятник мировой культуры: Библиогр. указ. / Карел. НЦ РАН. Нац. б-ка респ. Карелия. — Петрозаводск, 1993. — 147 с.

Религиозные верования: Свод этногр. понятий и терминов. Вып. 5. — М.: Наука, 1993. — 239 с.

Русский фольклор: Библиогр. указ. 1981-1985 / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН / Сост. Т.Г. Иванова. — СПб.: БАН РФ, 1993. — 543 с.

Северная О.А. Этнология детства (Младенческий, ранний и дошк. возраст): Аннот. библиогр. указ. — М., 1993. — 96 с.

Н.Р. ТИМОНИНА

Конференция

Первые Лебедевские чтения

1994 г. у рязанских этнографов и фольклористов прошел под знаком 100-летия со дня рождения крупного отечественного этнографа Натальи Ивановны Лебедевой, уроженки г. Рязани. В феврале в Рязанской областной библиотеке им. А.М. Горького прошел вечер ее памяти. В июле, в день рождения Н.И. Лебедевой, в Рязанском областном научно-методическом центре народного творчества (далее — ОНМЦНТ) состоялась презентация последних восьми из вышедших в свет выпусков "Рязанского этнографического вестника". Представители научной общественности города возложили цветы на могилу Н.И. Лебедевой; на вечере с воспоминаниями выступили рязанские ученые, участвовавшие вместе с нею в этнографических экспедициях; воспоминаниями о Н.И. Лебедевой поделилась зам. директора Института этнологии и антропологии РАН И.М. Семашко.

8—9 декабря 1994 г. прошли Первые Лебедевские чтения — научная конференция "Этнография и фольклор Рязанского края". Организованы они были Рязанским ОНМЦНТ и редакцией журнала "Рязанский этнографический вестник". Наряду с учеными вузов и музеев Рязани и Рязанской области в конференции приняли участие ученые Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, МГУ, Государственного республиканского центра русского фольклора (Москва), Института востоковедения РАН, Института русского языка РАН, Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Московской консерватории, Российской академии музыки им. Гнесиных, Российского Этнографического музея (Санкт-Петербург), Российского института истории искусств (Санкт-Петербург), ученые Тамбова и Уфы.

На пленарном заседании 6 декабря после приветствий зам. мэра г. Рязани С.А. Эйдмана и представителя президента РФ в Рязанской области Н.В. Молоткова выступил директор Рязанского ОНМЦНТ В.В. Коростылев. Он охарактеризовал различные направления этнографической работы, проводимой в ОНМЦНТ, перспективы создания Рязанской этнографической энциклопедии, пригласил всех участников конференции к сотрудничеству в фольклорно-этнографическом изучении Рязанского края, пожелал успеха в работе конференции.

Далее Л.Н. Чижикова (Москва) в докладе "Рязанский край в общем комплексе южнорусской региональной общности" показала, что изучение этнической истории, исследование традиционных одежд, жилища и некоторых других компонентов народной культуры выявляют большую степень этнокультурной общности населения Рязанского края с населением обширного южноволокорусского историко-этнографического региона, что обусловлено длительными историко-культурными процессами, проходившими на данной территории.

В докладе И.И. Шангиной (Санкт-Петербург) "Н.И. Лебедева и полевая этнография 1920-х гг." был освещен характер и направления полевых исследований Н.И. Лебедевой в этот период, рассмотрены ее взгляды на задачи и методы полевой работы, в частности, выделены как основные методы культурно-исторической школы, требовавшие сплошного обследования изучаемой "историко-культурной провинции".

В.М. Алпатов и Ф.Д. Аштин (Москва) в докладе "Арест и ссылка Н.И. Лебедевой" на основании изучения архивных источников ОГПУ по делу "Российской национальной партии" ("дело славистов") сообщили об обстоятельствах и деталях ареста Н.И. Лебедевой, содержания ее в Бутырской тюрьме и последующей высылке в Тюмень.

Вопросы взаимодействия этнографин, фольклористики и эстетики при изучении народного орнamenta

Рязанского края (эримого и слышимого), значимость этой проблемы рассмотрела в своем докладе "Соотношение этнографии, фольклористики, эстетики — к постановке проблемы" С.Л. Браз (Москва).

После перерыва работа конференции продолжилась в двух секциях. В секции "Семейный и общественный быт, духовная культура" первое сообщение на тему "Масленица в с. Чернава Скопинского р-на Рязанской обл." сделала Г.А. Носова (Москва). Она представила описание и анализ масленичного праздника в этом селе, основанные на собственных полевых наблюдениях, сделанных в феврале 1961 г.

В докладе Е.А. Самоделовой (Москва) "Каравайная традиция рязанской свадьбы" прослежен обычай изготовления и употребления ритуального хлеба, дан анализ сопутствующих этому символов и свадебных песен.

Т.А. Старостина (Москва) в сообщении "О ладовой организации свадебных песен Рязанской области" провела сравнительный анализ в указанном отношении свадебных песен Рязанской и соседних с ней областей Центральной России.

Доклад Н.Н. Гиллеровой (Москва) "Песенный обход нескольких сел Сасовского р-на Рязанской обл." был посвящен рассмотрению стилистики музыкального фольклора жителей этих сел, называемых в окруже "москалями", находящихся в определенной изоляции в окружении мордовских поселений и сохранивших многие черты народной музыкальной культуры XVII—XVIII вв., особенно в составе троицких песен.

Н.И. Панин, учитель из с. Желанное Шадского р-на, канд. филол. наук, выступил с сообщением "Посиделки крестьянской молодежи в с. Борки Шадского р-на".

И.А. Морозов (Москва) в докладе "Денис-старец и его ближайшие родственники (рязанская версия текста «Старец-Игренище» из сборника Кирши Данилова)" рассмотрел редкий текст, записанный им в 1993 г. в с. Борки Шадского р-на и приурочившийся ранее к кануну Нового года.

Сообщение И.С. Слепцовой (Москва) "Об одном мифологическом персонаже, связанном с преданием (рязанская Колыда)" было посвящено анализу персонажа рождественского ряжения, в частности связям его с другими персонажами ряжения, имеющими сходное функциональное назначение.

Л.А. Тульцева (Москва) выступила с докладом "Обряд кликанья авсения в свете этнической истории Рязанского края", где дала анализ русских и мордовских параллелей текстов и самих этих обрядов.

Ю.И. Семенов (Москва) в докладе "Пережитки первобытности в обычаях русских крестьян XIX—начала XX вв. вообще, сельских жителей Рязанского края в частности" рассмотрел пережитки престижной экономики (черты бытых дарогоржеств на праздничных праздниках, дароплатежеобмен в свадебной и прочих видах обрядности и др.).

В сообщении "История «черных христиан»" В.Г. Руделев (Тамбов) сделал попытку на основе оригинальной трактовки известных летописных текстов, фрагментов "Слова о полку Игореве", житийной литературы, некоторых фразеологизмов проследить историю христианизации и формирования письменной культуры у славян левобережья Днепра.

Ю.П. Чумакова (Уфа) в сообщении "К происхождению некоторых топонимических легенд Рязанского края" выделила группу рязанских раннеславянских топонимов и показала, что формирование топонимической легенды обусловлено как лингвистическими, так и историко-этнографическими факторами. В тематическом плане ею выделены пять групп топонимических легенд.

В сообщении Б.В. Горбунова (Рязань) "Игра в войну" в народной детской традиции (по материалам Рязанского края)" на основе литературных, архивных, полевых данных выделено пять типов такого рода игр. Сопоставление данных о них с имеющимися сведениями о бытования подобных воинских игр у взрослых в средневековье на Масленицу и Троицу дает основание полагать, что изначально они, с одной стороны, выполняли роль военной тренировки, а с другой — имели обрядово-магическое назначение, смысла которого состоял в ритуальном пролитии крови в обрядах весеннего цикла с целью усиления плодородия земли.

Сообщение Н.М. Савельевой (Москва) "Народная музыкальная культура рязанских переселенцев в Оренбургской" было посвящено рассмотрению общих черт и отличий в музыкальном фольклоре двух групп рязанских переселенческих сел Шарлыкского р-на Оренбургской обл. и особенностей вновь сформировавшейся традиции.

Тема "Традиционная инструментальная музыка в Кадомском р-не Рязанской обл." была освещена в сообщении У. Моргенштерна (Санкт-Петербург). Он дал обзор бытующих народных традиций инструментального музыцирования в этом р-не, рассмотрел типы инструментов, сферу их бытования, систему жанров инструментальной музыки.

А.Ю. Стишева (Москва) в докладе "Реликты дохристианских верований в похоронно-поминальной обрядности Рязанской губ. (конец XIX — начало XX в.)" рассмотрела пережитки поминальной обрядности и культа предков дохристианского происхождения, их сочетание с православием и воздействие на уровень самосознания.

А.Н. Гаврилов (Рязанская обл.) выступил с сообщением "Пережитки языческих культов в Шиловском р-не".

В докладе О.В. Курило (Москва) "Протестанты в Рязанской губ. в конце XIX—начале XX вв." были проанализированы сведения об этническом и социальном составе протестантов в Рязанской губ., взаимоотношения их с православными.

С.С. Крюкова (Москва) в сообщении "Брачно-семейные взаимоотношения крестьян по документам судопроизводства в Рязанской губ. во второй половине XIX в." на основе изучения документов волостных архивов Рязанского и Сапожковского уездов выделила три категории юридических споров: тяжбы, связанные с предбрачными соглашениями; любые взаимоотношения супругов и их родственников; семейные имущественные споры. Было обращено внимание на тесную связь бытавших юридических норм с обычным правом.

Теме "Свадебный обряд в Ермишинском р-не Рязанской обл." было посвящено сообщение Г.И. Федуллина (Рязанская обл.), в котором докладчик рассказал о своей работе по собиранию и атрибутированию свадебного письменного фольклора и изучению свадебной обрядовой плащи на указанной территории.

В сообщении Е.А. Ефимовой "Корни и ветви рязанского казачества. Постановка проблемы и перспективы изучения" рассмотрены вопросы обеспеченности источниками, их характеристика и перспективы разработки данной темы.

Заседания второй секции проходили последовательно по трем подсекциям. В подсекции "Традиционная материальная культура" было заслушано и обсуждено шесть докладов.

Е.В. Антощенко (Москва) в докладе "Названия женских вторых одежд в памятниках южнорусской деловой письменности XV—XVII вв.", основываясь на названных источниках, дала лексико-этнографическое описание ряда компонентов женского костюма (понева, кодман, свита, летник), которое

включало источник первой фиксации наименования, его региональную распространённость, семантику, аттимологию, сравнительное рассмотрение самой реалии.

В сообщении Е.П. Осиповой (Рязань) "Диалектные наименования одежды Рязанского края" рассмотрены сложные взаимодействия диалектных наименований одежды внутри лексической группы, когда в связи с утратой реалии наблюдается взаимозаменяемость лексических единиц, перенесение названий на другие реалии, заимствование названий одежды из литературного языка с приспособлением их к традиционным словообразовательным моделям говора.

Л.Ю. Евтихиева (Тамбов) выступила с докладом "Обрядовый комплекс одежды Моршанского р-на Тамбовской обл. Перспективы сопоставительного анализа", где на основе полевых материалов 1994 г. провела сопоставительный анализ свадебного и похоронно-поминального комплексов женской одежды и самой обрядности как изоморфных текстов.

В докладе Т.М. Панковой (Рязань) "Отхожие промыслы Рязанской губ. в конце XIX—начале XX вв." была дана характеристика различных видов отхожих промыслов, их распределение по уездам, численность занятых в ней в разное время, связь с социально-экономическими процессами, протекавшими в России, и т.д.

Л.В. Зыкина (Рязанская обл.) в сообщении "Скопинский гончарный промысел" рассмотрела современное состояние промысла, сделала обзор коллекции изделий скопинской керамики краеведческого музея г. Скопина.

А.Н. Бабий (Рязань) свое сообщение "Вариант реконструкции лодки начала III тыс. до н.э." посвятил анализу археологической находки, обнаруженной экспедицией ГИМ в 1967 г. на стоянке Черная Гора и атрибутированной Н.И. Лебедевой как "лодка", предположительно эпохи ранней бронзы. Развивая это положение, докладчик высказал мнение о том, что "лодка" предназначалась для совершения погребального обряда.

В подсекции "Персонажи" было заслушано 9 докладов и сообщений, пять из которых были посвящены жизни и деятельности Н.И. Лебедевой. "Археологические исследования в научной деятельности Н.И. Лебедевой" — тема сообщения В.П. Челнова (Рязань). В сообщении Е.А. Самоделовой (Москва)

"Фольклорная деятельность Н.И. Лебедевой" была отмечена фрагментарность записанных ею текстов, подчиненность записей этнографическому компоненту исследований. Рассмотрено тематическое подразделение Н.И. Лебедевой фольклорных текстов по типам обрядов (земледельческие, животноводческие, жилищно-строительные, календарные, семейные, зонарные) и по жанрам (предания, приметы, плачи, песни, календарные, свадебные, игровые). Б.В. Горбунов в сообщении "Материалы Н.И. Лебедевой в рукописном фонде Государственного литературного музея" охарактеризовал состав и содержание 66 папок рукописных экспедиционных записей Н.И. Лебедевой, сделанных ею в 1925—1930 гг. в Калужской, Смоленской, Брянской, Тульской, Московской, Новгородской, Псковской, Полтавской губ. и Мозырском округе Белоруссии. А.Н. Бабий, А.В. Димитров, В.И. Чернышова (все — Рязань) выступили с воспоминаниями о экспедиционной деятельности и жизни Н.И. Лебедевой в 1960—1970 гг., о сложившемся вокруг нее тогда в Рязани кружке молодых исследователей.

В сообщении П.А. Трибунского "А.А. Оленин — этнограф и фольклорист" была рассмотрена деятельность известного композитора, уроженца Касимовского у., по собиранию народных песен и народного костюма Рязанского края. Докладчик изложил рассказы Н.И. Лебедевой о ее встречах с А.А. Олениным в 1922 г.

О.В. Роганова (Москва) в сообщении "Писатель и общественный деятель Н.А. Мельгунов и его «Письма с дороги» 1861 г. о Рязанской губ." рассмотрела этнографический аспект этого источника, охарактеризовала наблюдения Н.А. Мельгунова.

П.В. Акулыши (Рязань) в сообщении "«Записки современника» С.И. Жихарева — источник по истории быта рязанского дворянства начала XIX в." обратил внимание на необходимость изучения повседневной культуры и быта дворянства как неотъемлемой части русского этноса и охарактеризовал ценность с этой точки зрения указанного источника.

В подсекции "Этнографическая работа в музеях, архивах, учебных заведениях" было заслушано 6 сообщений. Доклад Т.М. Панковой (Рязань) "Этнографический фонд Рязанского историко-краеведческого музея-заповедника" был посвящен характеристике состава этнографических коллекций музея и

истории их формирования. В сообщении В.И. Чернышовой (Рязань) "Материалы по этнографии Рязанской губ. в архиве РГО" было рассмотрено содержание рязанских рукописей, дана характеристика рязанцев-авторов ответов на программу РГО. Выступление И.А. Кузнецова (Рязанская обл.) "Вопросы этнографии в работе Сапожковского краеведческого музея" было посвящено истории формирования и составу этнографической коллекции музея. А.В. Горбунова (Рязань) в своем сообщении охарактеризовала цели, задачи, структуру и содержание разработанной ею "Комплексной программы преподавания этнографии, фольклора, декоративно-прикладного искусства в рамках курса «Мир отечественной народной культуры», предназначенной для учащихся 6—9 классов средней школы. Сообщение А.В. и Е.А. Ефимовых (Москва) "Некоторые итоги работы любительского этнографического коллектива «Клуб друзей игры — Клуб народных традиций»" было посвящено рассказу об экспедиционной работе этого коллектива в 1991—1994 гг. в Шиловском, Спас-ском, Сапожковском р-нах Рязанской обл. по сбору русских народных игр. Т.В. Андреева (Рязань) в своем выступлении познакомила с разработанной ею вместе с группой учителей под руководством Д.А. Смирновой "Программой обучения основам рязанского кружевоплетения" для учащихся средней школы.

Каждое выступление сопровождалось оживленным обменом мнений, обсуждением тех или иных вопросов, затронутых докладчиками, порою дискуссиями. Участники конференции высказались за необходимость регулярного проведения Лебедевских чтений, организаторы же обещали предпринять все от них зависящее, чтобы такие конференции стали ежегодными.

Следует отметить высокий уровень организации конференции, в чём несомненная заслуга оргкомитета, возглавляемого директором Рязанского ОИМЦНТ В.В. Коростылевым.

Тексты докладов и сообщений будут опубликованы в очередном выпуске "Рязанского этнографического вестника".

Б.В. ГОРБУНОВ

Конференция

"Культурное возрождение. Проблемы изучения

Под таким названием в Воронеже в марте 1994 г. проходила третья региональная научно-практическая конференция, посвященная памяти Сергея Георгиевича Лазутина. Именно проф. ВГУ С.Г. Лазутин был инициатором и организатором первых двух аналогичных конференций в 1990 и 1993 годах. В 1994 г. конференция была организована комитетом по культуре администрации Воронежской обл., областным центром народного творчества и региональным Центром фольклора при Воронежском государственном университете.

В работе конференции приняли участие ученые, преподаватели ВУЗов, музыкальных училищ и образовательных школ, работники культуры из Санкт-Петербурга, Москвы, Белгорода, Курска, Ельца, Борисоглебска, Воронежа и Воронежской области.

Проблемам возрождения народной культуры и ее изучению посвятил свой доклад заведующий кафедрой теории литературы и фольклора ВГУ проф. В.М. Акаткин. С сообщением на тему "Поэт и песня" выступил председатель Международной комиссии славянского фольклора, заслуженный деятель искусств России из Санкт-Петербурга проф. В.Е. Гусев, который в студенческие годы учился вместе с С.Г. Лазутиным.

Об уникальных записях воронежского музыкального фольклора в коллекции Московской консерватории

рни и перспективах их использования рассказал проф. Московской консерватории В.М. Щуров.

С большим интересом были высушены выступления ст. науч. сотр. института языкоznания РАН С.Е. Никитиной, ст. науч. сотр. Воронежского областного художественного музея им. Крамского Е.И. Пищеницыной, учительницы Русско-Журавской средней школы Верхнемамонского р-на Воронежской области В.А. Ворошилова, директора Хохольского ЦСДК В.Т. Глуушкина, доцента кафедры зарубежной литературы ВГУ М.К. Поповой, сотр. фольклорно-метадрамического центра при Белгородском пединституте А.В. Рябникова.

Во второй день участники конференции работали по секциям: литературы и фольклора (руководитель — проф. В.Е. Гусев), языка фольклора (руководитель — проф. Е.Б. Артеменко), музыкальной теории и практики (руководитель — проф. В.М. Щуров).

В программу секции литературы и фольклора были внесены доклады И.Л. Лазарева (ВГУ) "Анекдот: вопросы классификации, современное состояние жанра", И.И. Юрасова (ВГУ) "Историческая песня «Наполеон в Москве» в повести А.И. Эртеля «Две пары», А.В. Шамшина (ВГУ) "Этнографизм в поэзии Н.А. Клюева", О.Ю. Алейникова (ВГПУ) "Фольклор в «Архипелаге ГУЛАГа». А. Солженицына", Т.Ф. Пуховой (ВГУ) "Былички села Рожд-

народного творчества"

ственская Хава Воронежской области", М.П. Шабановой "О функциях повторяемости в поэтическом языке фольклора (на примере былин и лирических песен)", А.И. Филюшкина (ВГУ) "Концепция истории царствования Ивана Грозного и русский фольклор", А.О. Амелькина (ВГПУ) "Слышал ли Иван Грозный песню «Набег крымского царя?», Н.И. Коньковой (ВГУ) "Персонажи «русских» цыганских сказок", Т.В. Рогожниковой (Борисоглебский пединститут) "Фольклор в современной записи (из опыта проведения фольклорных практик 1990—1993 гг. Борисоглебским пединститутом)".

Всего на конференции было заслушано и обсуждено 20 докладов и сообщений. При подведении итогов руководители секций отметили высокий профессиональный и научный уровень всех выступлений, заинтересованность студенческой молодежи Воронежа, проявленную в ходе конференции, хорошую организацию работы конференции.

В последний день конференции для ее участников был дан концерт, который подготовили фольклорный ансамбль "Радовесь" Воронежского областного центра народного творчества, ансамбли Белгородского музыкального училища и Воронежского государственного института искусств.

В.В. ГАЛИОК

Симпозиум

"Переход от язычества к христианству у славян"

22–25 ноября 1994 г. под Звенигородом проходил международный симпозиум "Переход от язычества к христианству у славян (духовная культура, комплексное источниковедение, археология, лингвистика)" под эгидой Международной Университетской ассоциации славянской археологии (МУСА). Симпозиум был подготовлен оргкомитетом, состоявшим из группы российских ученых Института археологии Российской Академии наук (ИА РАН) под руководством И.П. Рusanовой, при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Помимо чисто научных были поставлены задачи, связанные с реорганизацией МУСА, ее дальнейшей судьбой. На симпозиуме присутствовали ученые семи стран (Бельгия, Германия, Македония, Словакия, Россия, Румыния, Украина). Из российских институтов, кроме ИА, были представлены также Институт истории Материальной культуры (ИИМК РАН, Санкт-Петербург, Е.Н. Носов) и Институт славяноведения и балканистики (ИСБ РАН, Москва, 3 человека).

22 ноября научные заседания открыла академик РАПП Б.Л. Рыбаков. В его приветственном слове и докладе была в общем виде выражена концепция славянского язычества, а также основных направлений и методов его дальнейшего изучения. Общих проблем язычества, его распространенности в древнерусский период коснулся в своем докладе академик Украинской АН П.П. Толочко.

Значительный фактический материал о взаимодействии двух религиозных систем, язычества и христианства, конкретного региона был обобщен в докладе П. Корошец (Любляна, Словения) "Проблема христианизации славян Восточных Алп". Сравнительная характеристика археологических материалов: языческих амулетов, предметов христианского культа, свидетельствующих о распространении двух религий, содержалась в докладе М.В. Седовой (ИА) "Язычество и христианство по материалам раскопок Суздalia и Владимира".

Взаимосвязь языческой, христианской и княжеской символики на примере конкретного региона была посвящен доклад Б. Бабича (Прилеп, Македония) "Соотношение символов креста славянского язычества и христианства с особым экскурсом о символике княжества Берзити с рубежа VI–VII вв. до 864 г.".

В докладе И.П. Рusanовой (ИА) "Хронология Збручских святилищ" была на археологическом материале фундаментально обоснована периодизация этого уникального комплекса языческих святилищ, расположенных в бассейне р. Збруч, существовавших на протяжении 250 лет в X–XIII вв.

Большой интерес и дискуссию вызвал доклад Б.А. Тимошука (ИА) "Двоеверие по памятникам Збручских святилищ". Автор привел сведения письменных источников о двоеверии, а также проанализировал это явление на материале, археологическом и топографическом, Збручских культовых памятников. По мнению докладчика, двоеверие завершается здесь в XIII в. Следует отметить, что тема двоеверия, существования язычества и христианства: содержание этого понятия, возможности данного явления, его разнообразных форм — была центральной в дискуссиях. В произнесенных выступлениях и докладах это явление рассматривалось и с политической (борьба двух религиозных систем внутри кня-

жества, государства), и с психологической (возможность совмещения норм обеих религий внутри религиозного мировоззрения) точек зрения. В частности, А.П. Мода (Киев, Украина) прочитал доклад "Специфические черты древнерусского религиозного мировоззрения" с привлечением интересного археологического материала. Конкретной драматической историей христианизации лютичей был посвящен доклад П. Дона (Берлин, Германия), содержащий богатый и выразительный политический материал.

Доклады одного из заседаний были посвящены анализу соотношения языческих и христианских черт в погребальном обряде. Подробный анализ погребального обряда и инвентаря курганов Смоленской земли был предметом фундаментального доклада В.В. Седова (ИА) "От язычества к христианству. По материалам курганов Смоленской земли". Приведенный материал подтвердил тезис о не столь значительном распространении христианства в конце I — начале II тысячелетия н.э.; обряд трупоположения, обычно связываемый с распространением христианства, был распространен здесь задолго до христианизации.

Подробному освещению конкретного явления погребальной обрядности (народных представлений о так называемых "заложенных" покойниках) был посвящен доклад А.Н. Виноградовой (ИСБ) "Особый статус умерших в молодом возрасте в поверьях и обрядах славян", содержащий исчерпывающие фольклорные и этнографические данные об этом явлении. С. Олтяну (Бухарест, Румыния) в докладе "Биритуальный погребальный обряд румын и славян Карпато-Дунайского региона VI–X вв." проанализировал сочетание в истории черт языческой и христианской обрядности. Был привлечен и более ранний материал, относящийся к IV в. Специальный анализ особых черт погребальной обрядности больших курганов содержался в докладе В.Я. Петрухина (ИСБ) "Большие курганы Северной и Восточной Европы как памятники погребального обряда". Прослежено развитие таких форм, как обряд погребения (трупосожжение) в ладье, обряд тризны с жертвенным котлом и "сооружение трофеев" из доспехов умерших.

Ряд докладов был объединен темой соотношения язычества и христианства в связи с анализом памятников искусства, процессами культурного развития, а также вновь вводимыми источниками. Ж. Бланков (Брюссель, Бельгия) в докладе "Язычество у Герберштейна и Андре Тава" охарактеризовал новый источник: компиляцию, сделанную А. Тава на основании материалов С. Герберштейна с добавлением некоторых новых подробностей. Л.А. Беляев (ИА) в докладе "К характеристике феномена «двоеверия» по археологическим данным" подчеркнул необходимость научной разработки этого понятия, отметив, что на данном этапе изучения это не достигнуто. В докладе был приведен археологический материал различных периодов. В докладе А.В. Чернецова (ИА) "К изучению мифологических образов и мотивов древнерусского прикладного искусства" на материале ряда конкретных памятников была предложена трактовка изображений. Доклад О.В. Белоевой (ИСБ) "Божии овны и звери единорог" содержал полную характеристику образа единорога по письменным и фольклорным данным с анализом христианских и дохристианских черт в его описа-

ниях. Н.В. Жилина (ИА) в докладе "Украшения сканью и зернью как источники по изучению славянского язычества" рассмотрела орнаментальные композиции древнерусских украшений, сохранившие остатки языческой семантики, и предложила их трактовку, исходя из сравнения с композициями русских вышивок. Доклад вызвал оживленную дискуссию. Н. Чаусидис (Скопье, Македония) сделал доклад на тему "Язычество славян южной части Македонии и Северной Греции — остатки культуры и процессы христианизации". Автором был предложен богатый материал по иконографии и орнаментальным схемам, содержащий остатки языческой семантики. В.Д. Баран (Киев, Украина) сообщил о раскопках могилы легендарного основателя г. Галича, поиски которой велись давно и были безрезультатны, однако после проведенных автором исследований можно говорить о ее местонахождении.

В докладе А.А. Медынцевой (ИА) "Письменность и религия в процессе становления древнерусской государственности" рассмотрено появление кириллической письменности до официального крещения в связи со становлением государственных институтов и деятельности отдельных христианских общинами Великой Моравии.

22 ноября было проведено организационное заседание Исполкома и Постоянного совета МУСА. Заседание открыл В.В. Седов. Рассказав о современном состоянии Университета, он подчеркнул необходимость создания новых компетентных руководящих органов, а также разработки новых уставных документов. Далее в выступлении Б. Бабича было отмечено, что ни одна из славянских стран, кроме России, в настоящее время не может возглавить работу Университета. В связи с этим было предложено просить российскую сторону создать рабочую группу во главе с В.В. Седовым для организации VI международного конгресса МУСА в России. Далее состоялся обмен мнениями участников заседания. Вносились предложения по реорганизации Университета, о том, какой характер она должна носить в дальнейшем. Большинство их сводилось к тому, чтобы сделать Университет более демократичной: устанавливать и поддерживать всевозможные научные связи исследователей разных стран, осуществлять координацию разработки основных научных направлений. В связи с изменением политической карты Европы было также признано необходимым привести представительство в руководящих органах Университета в соответствие с появлением вновь образовавшихся независимых государств. Было также признано желательным омолодить руководящий состав Университета. Заседание завершилось составлением протокола с изложением данных предложений, который был подписан присутствующими членами Исполкома и Постоянного совета Университета по завершении работы симпозиума.

Н.В. ЖИЛИНА

Конференция

"Современный фестиваль фольклора: опыт, проблемы, перспективы"

Международная научно-практическая конференция под таким наименованием прошла в третьей декаде сентября 1994 г. в городах Владикавказе и Нальчике. Конференция проводилась в рамках двух международных фестивалей фольклора, состоявшихся в эти дни: "Зори Владикавказа" (Северная Осетия) и "Танцы над Эльбрусом" (Кабардино-Балкария).

Планируя синхронность столь крупных акций, Министерство культуры РФ, Государственный республиканский центр русского фольклора, Министерства культуры Северной Осетии и Кабардино-Балкарии преследовали не только творческие, научные, но и социально-политические цели. Северный Кавказ воспринимается сейчас как сплошная "горячая точка", а ведь люди здесь продолжают работать, учиться, воспитывать детей, творить, рождаться и умирать, веселиться и плакать. Поставленные цели были достигнуты, хотя некоторые приглашенные коллективы и участники в последний момент отказались приехать.

Принести конференцию, которая обсудила бы проблемы современной практики фольклорного фестиваля, в этом году было необходимо. Вплоть до конца 90-х годов в России не проводились международные и национальные фестивали фольклора. Не было специалистов, которые бы занимались этой проблемой, слабы были контакты с международными организациями, курирующими сохранение и развитие народного искусства. Абсолютное большинство проводимых мероприятий рассматривались как смотры или конкурсы художественной самодеятельности (нередко по жанрам). Проходили они, как известно, одновременно по всему Союзу с определенной цикличностью и посвящались знаменательным календарным датам. Кроме того, и сама традиционная народная культура вплоть до 80-х годов в государственной системе культуры особым вниманием не пользовалась.

Сегодня Россия является членом трех основных международных организаций в области народной культуры, действующих под эгидой ЮНЕСКО: Международного совета организаторов фольклорных фестивалей и традиционного искусства (СИОФФ), Международной организации фольклорного искусства (ИОФ), Международного союза ремесел (МСР). Ежегодно у нас проводится до полусотни республиканских, краевых и областных фестивалей и праздников фольклора. Теперь стали очевидными изъяны в их организации и проведении. Налицо экспроприация стереотипов проведения фестивалей в зарубежных странах на российскую почту. В связи с этим Центр русского фольклора обратился за помощью в проведении конференции к СИОФФ.

Участники конференции отмечали, что многие зарубежные фестивали фольклора превратились в шоу-бизнес; их организаторов интересуют концерты для развлечения публики с экзотическими трюками, танцами, костюмами, украшениями. Происходит стремительная коммерциализация фестивалей; особенно место отводится шумной рекламе фирм-спонсоров, товаров. Все большее число фестивалей отвергает аутентичный фольклор как малопривлекательный, незрелищный, якобы непонятный зрителю, а предпочтение отдается профессиональным, нередко государственным ансамблям песни и танца, иссущим вторичные формы, зачастую лишь авторские транскрипции на тему народного творчества.

Многие российские организаторы фестивалей стали активно осваивать подобный зарубежный опыт. Фестивали стали модой: едва ли не каждая область, край, республика проводит свой фестиваль, в однотакже объявляя его международным. С другой сто-

роны, многие фестивали превращаются в келейные мероприятия для самих участников, "радующих" своим творчеством друг друга в загородных санаториях, домах отдыха, гостиницах и т.д. А местные жители даже не догадываются о том, что проводится фестиваль их творчества.

Сейчас остро встал и вопрос материального обеспечения фестиваля. Следуя традициям, сложившимся в прошлом при проведении смотров художественной самодеятельности, сегодня немалое число организаторов фестивалей не может сказать, сколько на него потрачено средств. За рубежом эту цифру называют с точностью до цента, причем там тратятся деньги не государства, а спонсоров и свои собственные.

Эти и другие проблемы творческого, материального, организационного порядка стали темой докладов и выступлений А. Каргина, Н. Шампуриной (все — Россия), Б. Равникара (Словения), И. Бурicha (Словакия), П.-Д. Томазини (Италия), Ж. Роша (Франция). Историю фольклорных фестивалей в своих странах осветили З. Вербелеен (Бельгия), Д. Боден (США), М. Рейм (Канада), Б. Кафель (Польша), Ф. Оллабария и Х.-И. Бейтия (оба — Испания), О. Выхристюк, Т. Пуртова, В. Коростылев, В. Терентьев (все — Россия). В обсуждении докладов приняли участие М. Филиши (Италия), М. Гонсалес, Р. Лазаро (оба — Испания), Б. Колюногузенко (Украина), Е. Щигель (Польша), Е. Бессонова, И. Козлова (оба — Россия), фольклористы Северной Осетии и Кабардино-Балкарии.

Особой критике во время выступлений участников была подвергнута концепция некоторых американских фестивалей фольклора. Пригласив зарубежные коллективы, американские организаторы устраивают порой по 3—4 выступления в день, при этом от коллектива требуется исполнение лишь 1—2 самых зрелищных номеров. Много критики звучало в их адрес в связи с бытовым размежеванием участников, с недобросовестным выполнением финансовых обязательств. В целях экономии средств организаторы не проводят даже простейшие мероприятия, знакомящие участником фестивали с культурой, бытом, традициями местного населения.

Американизация фольклорного движения (выходящая из него сугубо национального и демонстрация экзотики) увлекла и некоторые европейские фестивали. Россия, как отмечалось в выступлениях, нередко соединяет американский опыт с чисто российским — застольно-питьевыми и культурно-туристическими мероприятиями, стремясь любой ценой сделать пребывание участников приятным, необременительным и сытым. При этом собственно показы намеченные программ, встречи с населением сводятся к минимуму.

Многие зарубежные участники отмечали, что российские фестивали носят заорганизованный характер; немалая часть времени уходит на репетиции открытия и закрытия фестиваля, где в угоду замыслам их постановщиков композиции урезаются, песни и танцы компонуются произвольно, в соответствии с уровнем образования или вкуса главного режиссера или организатора. Естественно, большинство зарубежных участников конференции поражались не только финансовому размаху наших фестивалей, но и огромному штату платных организаторов, отсутствию должной рекламы и, как следствие, зрителей на концертах.

Конференция приняла официальные рекомендации для организаторов фестивалей и выразила ряд

просьб к СИОФФ. Организаторам фестивалей фольклора рекомендовано в программах фестивалей отдавать предпочтение высококачественным любительским группам; во время фестивалей давать точную презентацию программ коллективов; в официальном приглашении указывать сведения о возрастном цензе участников, определенном организаторами. Органам СИОФФ было предложено установить перечень параметров фестиваля, соответствующего определению "фольклорный". Особо настоятельно предлагалось сформировать международную комиссию экспертов, которая определила бы правильное толкование различных понятий в их применении к сценическим формам традиционного народного искусства: аутентичный, обработанный, стилизованный, этнографический, традиционный, государственная группа и т.д. Желательно подготовить и опубликовать Терминологический словарь современного фольклорного движения. Будущие конференции решено посвящать рассмотрению более конкретных проблем, предусматривать участие в них экспертов — ученых-фольклористов, этнологов, специалистов по народному быту и ремеслам. Выражена просьба к СИОФФ рассмотреть возможность издания бюллетеня для организаторов фольклорных фестивалей.

Для подведения итогов конференции Министерство культуры Кабардино-Балкарии организовало круглый стол, пригласив на него ученых и специалистов республики, средства массовой информации. Его участники не только отразили в сжатом виде обсуждаемые на конференции вопросы, но и спросились о них на ситуацию в фольклорном движении республики, о которой с тревогой говорили А. Гутов (зав. отделом фольклора КБГИИ), Д. Коков (профессор КБГУ), Х. Малкануев (зав. отделом балкарского фольклора КБГИИ), другие выступающие.

На разных этапах работы конференции ее участники тепло приветствовали начальник Управления по делам народного творчества Министерства культуры РФ А.Н. Демченко, заместитель председателя правительства Северной Осетии Э.М. Медаев, премьер-министр Кабардино-Балкарии В.М. Черчесов, вице-президент КБР Г.С. Губин, министры культуры республик Б. Ватаев и Р. Фирсов, мэры городов Владикавказ и Нальчик М.М. Шаталов и С.Б. Аброков. В КБР они были прияты президентом республики В.М. Коковым. В районах и городах республики их тепло встречали жители. Интересной и насыщенной была культурная программа, которая позволила участникам конференции познакомиться с ведущими творческими коллективами республик, с уникальными природными заповедниками — Чегемским ущельем, Голубыми озерами.

Материалы конференции, которые будут направлены всем национальным комиссиям СИОФФ и в ЮНЕСКО, готовятся к печати в Государственном республиканском центре русского фольклора.

А.С. КАРГИН

Круглый стол

"Традиционные формы досуга в культуре славянских народов"

25–26 мая 1994 года в г. Владимире отмечался ежегодный Международный праздник славянской письменности и культуры. В рамках состоявшихся во время праздника научных чтений "Славянский мир: единство во многообразии" Государственный центр русского фольклора провел круглый стол "Традиционные формы досуга в культуре славянских народов", на котором обсуждались вопросы празднично-игровой культуры как в ее историческом, так и в современных проявлениях. Кроме общих методологических проблем участвующим в обсуждении специалистам было предложено уделить особое внимание анализу конкретных форм зреалисто-игровой культуры (праздники, массовые гуляния, праздничные церемонии и обходы), досуга разных сословий (балы, салоны, маскарады, клубы, посиделки), празднично-развлекательных форм в селах и городах (ярмарки, ряжение, застолья, балаганы, катания на лошадях и с гор, кулачные бои и проч.).

С обращением к участникам круглого стола выступил начальник Управления по делам народного творчества и досуга Министерства культуры РФ А.П. Демченко, призвавший активизировать усилия по поиску новых форм существования традиций в современных условиях, а также полевые исследования по изучению, собиранию и фиксации фактов традиционного досуга, праздников и игрового фольклора, чему Министерство культуры оказывало и будет оказывать в дальнейшем всенародную поддержку.

В работе круглого стола приняли участие более ста человек, в том числе 20 специалистов в области традиционной культуры, приглашенных из Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Новгорода, Рязани, Воронежа.

Общее направление дискуссии задал во вступительном слове один из ведущих круглого стола доктор педагогических наук А.С. Каргин. Напомнив собравшимся о пустоте, образовавшейся на месте советской системы культуры, выступающий подчеркнул настоятельную необходимость обращения всех специалистов — отраслевых и академических, исследователей и практиков — к национальным истокам традиционных культур и многообразным формам досуга, народным праздникам и обрядам, сложившимся в фольклорных традициях народов России, как славянских, так и неславянских.

Затем были заслушаны два основных доклада, подготовленные доктором философских наук Н.А. Хреновым (Москва, Государственный центр русского фольклора) и А.Ф. Некрыловой (Санкт-Петербург, Институт русской литературы РАН), канд. филологических наук.

Н.А. Хренов в докладе "Русский человек на досуге" предложила взглянуть на понятие "досуг" в русском обиходе в его исторической ретроспективе сквозь призму категории "человек играющего". Анализируя основные функции русского традиционного досуга, докладчик представил аудитории яркую картину основных закономерностей функционирования традиционной культуры, обнажил как причины, ведущие к ее упадку, так и механизмы, открывающие

возможности и пути сохранения и возрождения фольклорных традиций.

Проблематика, намеченная в докладе Н.А. Хренова, получила развитие в докладе А.Ф. Некрыловой "Игра в системе восточнославянского народного календаря". На многочисленных примерах конкретных календарных праздников, обычая и обрядов были продемонстрированы различные стороны работы специалиста с фольклорным материалом, которая включает в себя три последовательных этапа: 1) поиск, обнаружение и фиксация; 2) изучение, публикация и пропаганда; 3) освоение, использование и возрождение. Было отмечено, в частности, что далеко не все элементы традиционной культуры подлежат возрождению. В каждом конкретном случае необходим избирательный подход с учетом менталитета современного человека.

В дискуссии по докладам с краткими сообщениями выступили: А.Н. Розов (Институт русской литературы РАН) "Святочные обряды и их трансформация в игру в городской среде", В.А. Шлагин (Рязанский институт культуры) "Игра и современная праздничная обрядность", А.М. Мехнцов (Санкт-Петербургская консерватория) "Святочное ряжение на материале Псковской, Вологодской и Новгородской областей", Г.Я. Сысоева (Воронежский институт искусств) "Современное бытование традиционных форм досуга в Воронежской области", О.А. Подымова (Владимирское музыкальное училище) "Игровые элементы народной музыкальной культуры Владимирского края", В.В. Головин (Санкт-Петербургская академия культуры) "Стереотипы детского игрового поведения (детское игровое право)", С.В. Комарова (Санкт-Петербург, объединение "Параскева" при фольклорном клубе "Матица") "Создание среды, органичной для проведения традиционных праздников в современном городе", В.И. Поветкин (Новгородский центр древнерусской культуры) "Музыкальные инструменты в празднично-игровой культуре русского народа", Л.А. Тульцева (Институт этнологии и антропологии РАН) "Крестьянские посиделки: от досуга к этическому символу", Д.А. Русинов (г. Владимир) "Опыт движения «Русская школа»".

В перерывах между заседаниями перед участниками круглого стола выступали фольклорно-этнографическая студия "Историческое наследие" (Санкт-Петербург) и учащиеся второго курса Владимирского училища культуры. Последние представили визуализационную работу по сценическому мастерству — спектакль "Берендеев календарь" (по мотивам русских фольклорных произведений о животных и птицах). В целом положительно оценили коллективную и самостоятельную работу студентов под руководством педагога А.А. Москвитиной, исследователи и специалисты высказали несколько критических замечаний и дали ряд полезных советов. Было высказано пожелание смелее и шире привлекать для работы с учащимися местный владимирский фольклорно-этнографический материал.

А.Б.

Экспедиции

Из студенческих экспедиционных тетрадей

Ежегодно студенты-первокурсники историко-филологического факультета Российского Государственного гуманитарного университета выезжают на фольклорную практику в российскую "глубинку". Материалы, собранные участниками экспедиции, формируют фольклорный архив этого еще молодого учебного заведения.

В 1994 году экспедиция под руководством преподавателя историко-филологического факультета РГГУ А.Б. Мороза и научного сотрудника Института славяноведения и балканстики РАН Е.Е. Левкинцевой работала в нескольких деревнях Каргопольского района Архангельской области. Студенты в июле собрали не только образцы традиционного народного творчества, но и современный фольклор, бытующий на Русском Севере.

Другая группа первокурсников историко-филологического факультета РГГУ в это же время собирала современные формы устного народного творчества, встречающиеся в Москве.

Мы публикуем краткие отчеты студентов-участников этих двух экспедиций.

* * *

Когда в июле 1994 г. мы, студенты Российского Государственного гуманитарного университета, отправлялись с Ярославского вокзала северной станции под загадочным названием Няндома, Русский Север казался нам почти Нижней Амазонкой, чешко-неведомым и визотичным. Однако в дер. Тихманга Каргопольского р-на Архангельской обл. сразу же выяснилась замечательная вещь — современный представитель "аграрного общества" вполне сочетает в своей голове заговоры и верования в хозяина-домового, с одной стороны, и Санта-Барбару, покладывающую синкерт, с другой. В то же время наш современник-носитель фольклора прекрасно отличает одно от другого и, рассказывая, допустим, о свадьбе, уточнит: "Ну, это в старое время было, да и песен этих не поют больше". Песен этих не поют. Поят другие. Они тоже "старые", но не настолько, и, хотя их воспринимают как современные, все же отметят, что "я уж и позабыла все".

А песни эти, конечно же, городские ("жестокие") романсы, презренные изгоняющими современных исследований. Одна из местных жительниц продемонстрировала удивительный мемориальный прием: у нее хранился листок с названиями и первыми строками наиболее полюбившихся песен. Ей достаточно было прочитать эту строку, чтобы вспомнить всю песню. Начать откуда-нибудь с середины она не могла:

Не плачь, малый мой, я тебя умоляю,
Ведь я тебя тоже люблю.

Даже по тебе я, друг малый, страдаю,
но бывать я такой не могу.

Отец мой санчурник, ты знаешь прекрасно,
а ты, малый мой, комаришь.
Совсемъко власть он не любил ужасно,
он ярой у нас монарх.

Откуда пришли сюда эти песни? "Мы пели их, когда я жила в городе, в общежитии, училась в техникуме". Это — пятидесятые годы. Тогда подобные песни бытовали еще достаточно широко. Однако, несмотря на то что все эти "новые баллады" происходили "фабричного", т.е. чужого крестьянской среды", они распространялись в крестьянской среде так широко, что почти совершенно вытеснили традиционный песенный репертуар. Так, в той же деревне нам удалось пообщаться с группой старушек, в недавнем прошлом составлявших костяк местного "фольклорного" ансамбля. Все жители были убеждены, что имению от них мы сможем услышать настоящие старые песни. Опытный руководитель, правда, предупреждал о том, что эти песни могут

* См.: Копанева Н.П. Новая баллада (Жанровые грани. Сюжеты) // Фольклор народов РСФСР. Вып. 10]. Уфа, 1983. С. 89.

** См.: Зеленин Д.К. Новые веяния в народной поэзии // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994. С. 27–37.

оказаться совсем не старыми, но мы все-таки отправились, заложившие и полные ожиданий. Поломавшись для приличия — не за здоровью же живенье "песни пить" взяли бездельникам! — пожилые хористки приступили к исполнению своей программы. В три голоса они прошли классический репертуар клубной самодеятельности, а когда обстановка стала более располагающей к доверию, хранительницы народных традиций решили познакомить нас с тем, что они на концертах не пели. "Это действительно старые песни, — предупредили они, — их сейчас редко у слышат". И вот они, "преданы старине глубокой":

Сейчас вам драму расскажу,
актаки неделя глядим—
судили девушку одну,
она дипя была юдами.

Вот скоро ей начнется суд,
все яко полное народу,
и суды встали все окруж,
и ей каких пробил дорожу...

Или:

Какая жизнь сейчас погода
с народом что и не бывает:
один пример хочу сказать —
девятое город разбрасывает...

Откуда эти внешне простые, но исполненные истинного трагизма — надо видеть глаза исполнительниц! — песни, повествующие зачастую корыстным слогом и смешкой для искусшенного слушателя форме о самом основном — о любви и смерти?..

И все-таки нельзя, как это делалось на протяжении десятилетий, отбрасывать в сторону эти странные песни, обывателей их то пошлыми и невестичными, то чуждыми народному духу. Один из самых распространенных, "классических" текстов (где главный герой-преступник в результате трагического стечения обстоятельств убивает собственных родителей) был записан от двух сестер 9 и 11 лет в той же деревне.

... В автобусе, по пути от дер. Тихманы к станции, мы распевали "Коммуниста" — местный деревенский шлаггер, чем привели в смущение остальных пассажиров:

А мы, как партацы, распевали прахудак;
за то, что я душу срубил
и вместе с красной мати скрошил,
которую краю любил.

А. СМИРНОВ

* * *

Жюль Верн писал свои романы, не покидая кабинета. Мы решали последовать его примеру и записывали наш материал, сидя в пыльной, но любимой Москве. Среди информаторов были наши знакомые, оказался и один профессиональный музыкант. В непринужденной беседе, за чаем мы пытались известить людей на воспоминания о ранней (или не очень ранней) юности, в которой все поголовно поглощены — и не только то, что положено.

Мы собирали около двухсот текстов. К сожалению, в нашем распоряжении пока еще недостаточно полноценных магнитофонных записей, а основная часть материала приходится на "песенники" — рукописные сборники, бытующие внутри самой традиции и состоящие как из песен авторских (обычно бардовских), так и из анонимных. В нашей практике также имела место "самозапись", когда люди вспоминали песни и либо надиктовывали, либо сами записывали их для нас.

Все тексты относятся к специфической городской среде, где фольклорный механизм передачи существует внутри современной индустриальной культуры: в этом объясняется близость собранного материала к литературной продукции.

Собранный нами материал в какой-то степени пародирует официальную культуру советского периода, используя при этом мелодические и лексические клише ветеранских песен.

Что касается мелодической характеристики данных песен, то можно сказать, что каждая из разновидностей ориентируется на свои "классические" образы. Например, городской романеск отталкивается от салонного, по мере распространения употребляя мелодические ходы. Песни, бытующие в молодежных группировках, восходят к рок-музыкальным мелодическим стандартам; поэтому, например, в "хипповых" песнях преобладают джазовые или рок-н-ролльные ходы.

По тематическим признакам тексты разбиваются примерно на четыре группы:

1. Песни, унаследовавшие содержание и сюжетную модель от классического городского романса. Они живут и активно функционируют в низовых культурных слоях с 20-х годов и по сей день. Нам они встречались преимущественно в детской или подростковой среде.

2. Блатная песня, на которой мы сознательно не останавливаемся по причине относительной исследованности этого материала.

3. Политическая песня, возникшая в конце "оттепели". К ней относятся тексты, бытующие в диссидентской среде. Интересно то, что часто эти песни либо приписываются Галичу, либо, наоборот, песни Галича воспринимаются как народные. Нам кажется, что сейчас можно говорить об отмирании данной жанровой разновидности.

4. Песни "о легчиках", выделенные нами в специальный раздел. Тексты бытуют в школьной среде. Воинственность, мужественное звучание подобных песен отражается и на их мелодическом строе. Вот, например, фрагмент песни, повествующей об американском летчике во Вьетнаме:

Всюжу в небо черную четку —
Май "Флашом" теряют вьетнаму.
Надо мною Ричард с Бобом
Проклятия на башу с башом
"Ноль — шестнадцать" вскочу на борту.

Самолет не слушает руля,
С резом приближается земля...
Парашют — одно спасение
И на спорах на лягая
С дивом крыком опускаюсь я.

Толкаю опустившись — в том же ма
Из края разделяя дивой краю
Наклоняю сяди док
Хомутиши как кобок,
Я упал на землю и занял...

В городском романс, истоки которого относятся еще к середине XIX века, сложились четкие сюжетные модели и определенный набор персонажей. Как правило, герой или героиня, на стороне которых сознание исполнителя и слушателей, оказывается в некой чудовищной ситуации: девушки в состоянии аффекта убивает неверного возлюбленного и гибнет сама, отец-прокурор приговаривает к смертной казни собственного сына и т.д. Герой не размышляет, а только действует. В песнях преобладают глаголы, почти нет винетов; отсутствуют слова, обозначающие цвет и запах, почти нет деталей. Точнее говоря, цвет не указывается на внешнюю характеристику, а выступает как постоянный винет, чаще всего связанный с темой гибели ("черный бархат", "алая кровь", "черный парк" и т.д.). Есть схема, в которую каждый исполнитель (слушатель) вкладывает свои индивидуальные пере-

живания, наполняет своим смыслом, становясь до некоторой степени соавтором. Убийства и самоубийства, предательства и несчастные случаи — обязательная часть этих сюжетов.

Для стиля городских романесов характерны также нарушения логических связей (В редких случаях она // У многих жизни отнимала), повторы (Прослушав судья ее речь, // И лишь она проговорила...). Прослеживается прямое сходство текстов песен с так называемыми "девичими рассказами" (изданные рукописные альбомы, бытующие среди девушек в школьной среде); сходство сюжетов (песня "Суд" и рассказ "Суд"), языка, среды теперешнего бытования*.

Политическая песня построена по принципу перефразировок, прослеживаются влияния официальной музыки. Нередко за основу берется известный мотив, а слова пародийно переделываются. Обычно достаточно легко установить оригинал. Очевидно, эти тексты тесно связаны с диссидентским движением. Мы предположительно относим их к 70- началу 80-х годов. Интересен текст, написанный как своеобразная отечественная история. Принцип его построения можно сравнить с "Историей Государства Российского" А.К. Толстого (пародирована официальная история, постоянные повторы):

Царь Николаша привел на Руэл
При нем водили караул
При нем глядиши лица
И вспять что и закусыши
Но в финале (окончье) сю неизбежно
тота,
Тогда услышали мы правду про нас...

Информант сообщил нам, что песня приписывается А. Галичу, а последний куплет (про Брежнева) был сочинен уже при Андропове.

В заключение надо заметить, что при более пристальном изучении городской фольклор способен дать ответы на вопросы, касающиеся социальных, культурных, бытовых сторон жизни советского человека.

* Ср.: Триады рукописных денежных любовных рассказов / Сост., автор статей и коммент. С.В. Борисов. Обнинск, 1992.

А. ГУДКОВА
Е. НЕКЛЮДОВА

В Государственном республиканском центре русского фольклора вышли в свет книги:

Русская частушка. Фольклорный сборник. — Авт. вступ. статьи и составитель А.В. Кулагина. — М., 1993. — 240 с.

В сборнике опубликованы 1653 текста любовных, глиссовых, солдатских, сиротских и прочих частушек, записанные в Европейской части России. В приложении приведены примеры основных типов частушек, а также тематический и географический указатели опубликованных в книге текстов.

Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Сб. науч. тр. Вып. 2. Ч. I. — М., 1993. — 72 с.

Из содерж.: А.Н. Иванов. Волшебная флейта южнорусского фольклора (с нот. прил.); Ю.В. Яковлев. История русской драмы: на подступах к новому прочтению; Ю.И. Смирнов. Условия и факторы естественного бытования

фольклора (по материалам традиции Русского Севера); Е.А. Костюхин. К вопросу об особенностях современной фольклорной традиции.

Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Сб. науч. тр. Вып. 5: Традиционные формы досуга. — М., 1994. — 188 с.

Из содерж.: И.А. Морозов. О ритуально-обрядовой основе старинных мужских развлечений; Б.В. Горбунов. Мужские состязательные игры в контексте традиционно-бытовой культуры русского народа; Е.В. Кащеева. Городские формы досуга: московское мещанство; О.В. Немиро. Из истории организации традиционных форм праздничного досуга в Петербурге второй половины XIX в.

Книги оптом и в розницу можно приобрести по адресу: Москва, Кропоткинский пер., 10, комн. 7.

Центр ♦ ПЛАНЕТАРИУМ

представляет:

аудиовизуальный комплект (АВК) "Народный календарь"

- * **10 слайд-фильмов** о народных календарных обрядах и праздниках
- Рождества, Нового года, Пасхи, Троицы, Спаса, Успения и др.
- * **Текст читают** М. Виноградова, А. Леньков, в записи принимал участие московский детский фольклорный ансамбль.
- * **Шестая аудиокассета** содержит редкий этнографический материал из фонограммархива "Пушкинского Дома" РАН, Санкт-Петербург.
- * **Каждый слайд-фильм**, продолжительностью 25 мин., иллюстрированный 40 слайдами с произведениями изобразительного искусства, народного творчества и оригинальными рисунками, вводит ребенка в мир народной обрядовой культуры, а буклет с авторскими рекомендациями поможет наилучшим образом использовать богатый материал АВК в организации праздников в школе, клубе или детском садике.

Аудиовизуальный комплект "Народный календарь" входит составной частью в факультативный курс "Введение в народоведение", принятый Министерством образования РФ. Разработан кандидатом филологических наук М. Ю. Новицкой и предлагает решение актуальной проблемы - ознакомления современных детей с культурой своих предков.

Курс рассчитан на три года. В течение курса перед ребенком в живом фольклорном и этнографическом материале (песни, сказки, загадки, народный костюм и т.д.) раскроется система миропонимания, выработанная его предками. Материал сгруппирован по трем темам:

- человек и его взаимоотношения с природой;
- человек и его семья;
- человек и история его народа.

Центр ♦ ПЛАНЕТАРИУМ 1995

Телефон для справок: (095) 254-15-60, 200-14-18

Уважаемые читатели!

**Подписка на журнал
"ЖИВАЯ СТАРИНА"
принимается во всех
отделениях связи.**

**Подписной индекс
по каталогу Роспечати —
73149**

**Жители Москвы и Московской
области могут оформить подписку на
второе полугодие 1995 года и полу-
чать номера журнала в редакции, рас-
положенной по адресу: Москва,
Кропоткинский пер., 10 (станция
метро "Парк культуры"). Это избавит
Вас от услуг почтового ведомства и
связанных с этим неудобств. Журнал
обойдется Вам намного дешевле.
Подписка в редакции оформляется
каждый понедельник и четверг.**

**К сожалению, редакция не имеет
возможности пересыпать номера жур-
нала наложенным платежом.**

**Читайте
в следующем номере:**

**ВОЙНА В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ
К 50-летию Победы в Великой
Отечественной войне**

ИГРА В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

T.A. Бернштам.
"Молодая" и "старая" игра в аспекте
космосоциальных половозрастных
процессов

I.A. Морозов.
Игровые формы свадьбы в системе
традиционных "переходных" обрядов

ОБРЯДОВОЕ РЯЖЕНИЕ

L.M. Ислева.
Ряжение в традиционной русской
культуре

I.I. Шапгина.
Коллекция русских обрядовых
масок в Российском
этнографическом музее

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

M.P. Чередникова.
"Кто остался в лодке?"
(Об одном из явлений детского фольклора)

A.L. Топорков.
"Эне, бене, рики, факи..."